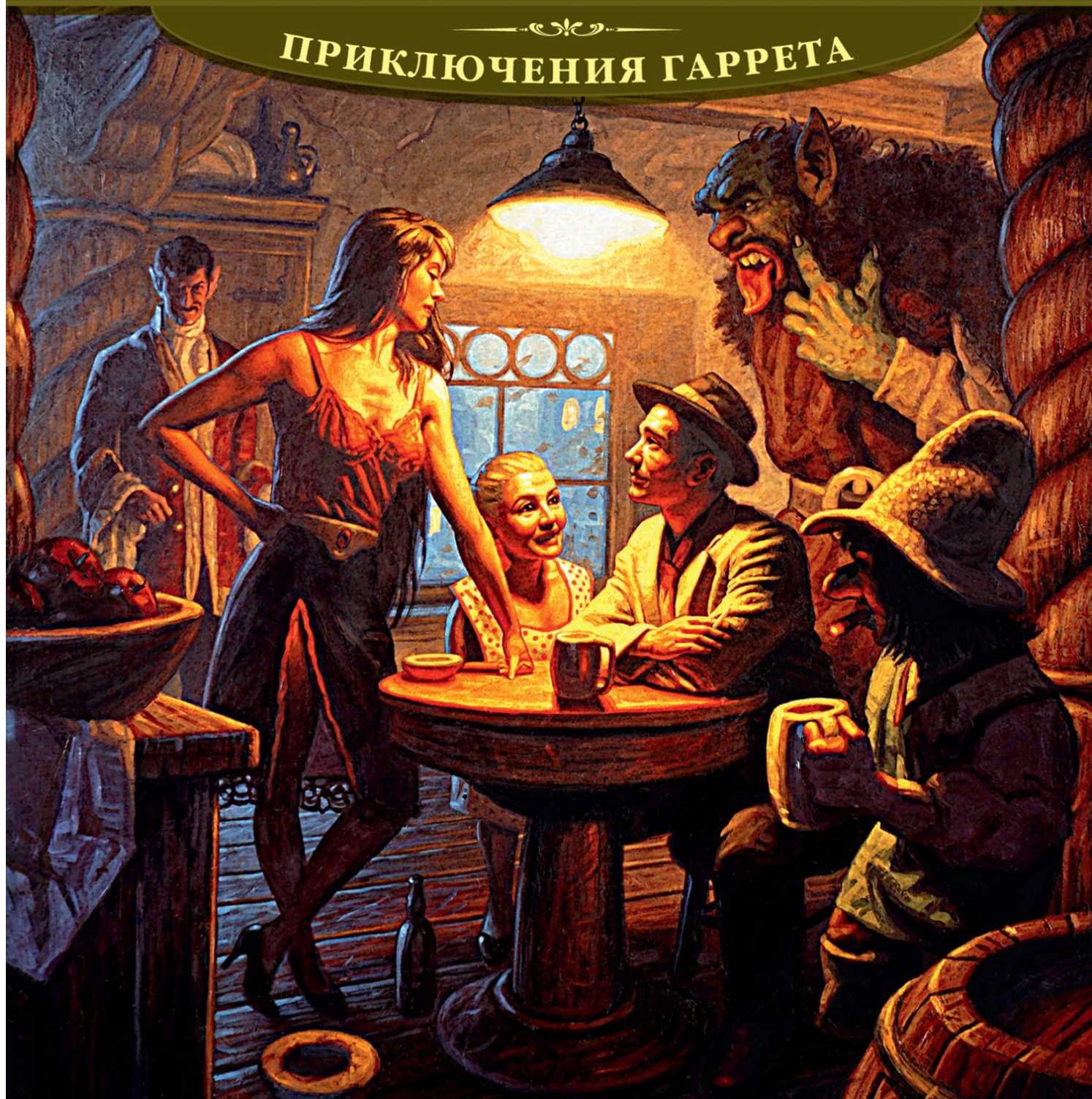

ГЛЕН КУК

СЕДАЯ ОЛОВЯННАЯ ПЕЧАЛЬ
•
ЗЛОВЕЩИЕ ЛАТУННЫЕ ТЕНИ
•
НОЧИ КРОВАВОГО ЖЕЛЕЗА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАРРЕТА

Звезды новой фэнтези

Глен Кук

**Седая оловянная печаль.
Зловещие латунные тени.
Ночи кровавого железа**

«Азбука-Аттикус»

1989, 1990, 1991

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Кук Г. Ч.

Седая оловянная печаль. Зловещие латунные тени. Ночи кровавого железа / Г. Ч. Кук — «Азбука-Аттикус», 1989, 1990, 1991 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-20508-6

В волшебном городе Танфере Гаррет – лучший частный сыщик, который обязательно найдет того, кого ищет, будь то хоть эльф, хоть тролль, хоть чародей. Специализация Гаррета – паранормальные расследования. В романе «Седая оловянная печаль» он возьмется выяснить, кто пытается ускорить кончину престарелого богатого генерала, но вскоре обнаружит, что у жертвы преступления есть шанс пережить ее потенциальных наследников. В «Зловещих латунных тенях» окажется в вихре событий, порожденном кражей Книги видений у колдуньи по имени Змеюка. В «Ночах кровавого железа» отправится на охоту за серийным маньяком, который почему-то убивает только молодых черноволосых аристократок. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20508-6

© Кук Г. Ч., 1989, 1990, 1991
© Азбука-Аттикус, 1989, 1990, 1991

Содержание

Седая оловянная печаль	6
1	6
2	11
3	18
4	21
5	25
6	29
7	32
8	36
9	40
10	43
11	46
12	51
13	56
14	58
15	61
16	64
17	69
18	74
19	78
20	82
21	86
22	89
23	94
24	100
25	103
26	107
27	111
28	114
29	117
30	120
31	124
32	129
33	133
34	139
35	142
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Глен Кук
Седая оловянная печаль
Зловещие латунные тени
Ночи кровавого железа

Glen Cook
OLD TIN SORROWS
Copyright © 1989 by Glen Cook
DREAD BRASS SHADOWS
Copyright © 1990 by Glen Cook
RED IRON NIGHTS
Copyright © 1991 by Glen Cook
All rights reserved

Серия «Звезды новой фэнтези»

Перевод с английского Глеба Косова, Натальи Магнат, Марии Сапрыкиной
Серийное оформление и оформление обложки Виктории Манацковой

© Г. Б. Косов (наследник), перевод, 1997

© М. Б. Сапрыкина, перевод, 1996

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Седая оловянная печаль

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАРРЕТА

1

Стоит вообразить, что дела в полном порядке и можно высоко держать голову, – бац! – старина Рок налетит на тебя с разбегу и даже не подумает извиниться. С Гарретами такое случается на каждом шагу.

Я и есть Гаррет. Полюбуйтесь: чуть больше тридцати, чуть выше шести футов, чуть тяжелее девяноста и, боюсь, скоро поправлюсь еще – я не прочь побаловаться пивком. Волосы каштановые. Чего только обо мне не говорят: я и циничный, и угрюмый, и надутый – бука, одним словом. Коварен как змей, утверждают недоброжелатели. Но, черт возьми, сердце-то у меня доброе, ей-богу доброе, я просто неуклюжий старый мишка с неотразимой улыбкой и нежной душой.

Не верьте слухам. Я, конечно, реалист, но порой во мне вспыхивает романтический огонек. Раньше пламя было куда ярче, но мне пришлось пять лет прослужить в Королевской морской пехоте. Я мог бы сохраниться гораздо лучше.

Морли называет меня лентяем. Грязная клевета, не стоит слушать этого непоседу, чья мораль напоминает флюгер под ветром. Я не лентяй, но работаю, только когда деньги нужны позарез. Я – частный агент, сыщик. А значит, мне немало времени приходится проводить среди многопочтенных личностей, которых вы не пригласили бы к обеду. Похитителей детей, шантажистов, разбойников, воров и убийц.

Ну да, они тоже когда-то были невинными младенцами.

В моей жизни нет ничего великого и героического, в исторических хрониках мне не отведут ни строчки. Зато я сам себе хозяин, сам распределяю время и решаю, за какие дела браться, за какие – нет. Мне не нужно изворачиваться, заискивать, совесть моя чиста.

Так вот, без крайней необходимости я стараюсь не работать, поэтому всегда смотрю в глазок, прежде чем открыть дверь. Если посетитель похож на клиента, я просто не отвечаю на стук.

Был славный денек, а ведь год только начался. Но небесное начальство отлынивало от работы, зимой и не пахло, снег таял, и на шестой день этой неправдоподобной оттепели на деревьях начали распускаться почки. Боюсь, они поторопились.

Я ни разу с начала оттепели не выходил из дому, сидел за столом и составлял счета по двум незначительным расследованиям. Я уже подумывал, не пойти ли прогуляться, пока совсем не рехнулся от духоты, как кто-то постучал в дверь.

У Дина был выходной, пришлось самому тащиться к двери. Я подошел, посмотрел в глазок – и обомлел. Да что там, братцы, я просто остолбенел!

Вестницы всяких серьезных передраг обычно носят юбки и выглядят как вам и не снилось. Скажу проще, для непонятливых – у меня слабость к хорошеньким девушкам, аппетитным, как персик. Но я потихоньку умнею. Дайте мне годков тысячу и...

Но это был вовсе не персик. Это был человек, которого я знал много лет назад и никак не ожидал встретить снова. Да мне и не хотелось с ним встречаться. Но не похоже было, что у него крупные неприятности. Так, небольшое дельце. И я отпер. Первая ошибка.

– Сержант! Какими судьбами?! – И я протянул руку. В пору нашего знакомства я бы на это не отважился.

Он был лет на двадцать старше, такого же роста, килограммов на десять легче. Морщинистое лицо цвета дубленой кожи, большие оттопыренные уши, маленькие черные глазки. В темных волосах появилась седина, раньше ее не было. Такие безобразные физиономии попадают, слава богу, не часто. А здоров мужик, из той породы людей, с которыми до гробовой доски ничего не делается, проживи они хоть миллион лет. Он стоял в дверях несокрушимый и прямой, точно аршин проглотил.

– Рад тебя видеть, – искренне сказал он.

Мы пожали друг другу руки. Блестящие глазки-бусинки сверлили меня. У него всегда был пронизывающий взгляд.

– А ты поправился.

– В ширину больше, сверху меньше. – Я пригладил волосы. Плешь пока никто, кроме меня, не замечал. – Заходите. Что вы делаете в Танфере?

– Я вышел в отставку, больше не служу. Много слышал о тебе любопытного, был тут по соседству и решил заглянуть. Но конечно, если ты занят...

– Не занят. Пиво? Проходите на кухню. – Я повел его во владения Дина: в отсутствие старика некому было защитить их. – Вы давно ушли из армии?

– Года три назад.

– Да ну? Я думал, вы так и помрете в форме – лет эдак ста пятидесяти.

Его звали Чен Питерс, а ребята из роты прозвали Черным Питом. Он был нашим командиром, единственным посредником между нами и Богом – или дьяволом? – другого мы не знали. Профессиональный солдат, негнибемый вояка. Я не представлял его штатским. Три года? Он все равно походил на переодетого сержанта морской пехоты.

– Все меняется. Я стал чересчур много думать, вместо того чтобы просто выполнять приказы. Пиво неплохое.

Пиво просто превосходное. Вейдер, владелец пивоваренного завода, прислал мне боченок из своих запасов – в доказательство, что ценит мои прежние услуги, и чтобы напомнить о

нашем договоре. Я давненько не появлялся у него, и Вейдер беспокоился, что рабочие снова начнут поворовывать.

– Чем занимаетесь теперь?

Я чувствовал себя немного неловко. Мой отец погиб в Кантарде, когда мне было четыре года, поэтому собственного опыта я не имел, но ребята рассказывали, что в первый раз разговаривать с отцом на равных, как мужчина с мужчиной, совсем не легко. Мы с Черным Питом не были друзьями. Он был командиром. Пусть бывшим, но смотреть на него иначе у меня не получалось.

– Я служил в штабе генерала Стэнтнора. Он вышел в отставку и предложил мне последовать за ним. Я согласился.

Гм. В мое время Стэнтнор был полковником. Он командовал всей морской пехотой в Фулл-Харборе, примерно двумя тысячами человек. Встретиться мне с ним не привелось, но слышать доводилось немало, в основном отнюдь не лестные вещи. Ко времени моей демобилизации он стал главнокомандующим военно-морских сил Каренты и отбыл в Лейфмолд, где размещалось командование флота и морской пехоты.

– Работа почти такая же, а денег больше, – продолжал Питерс. – А у тебя, похоже, дела идут неплохо. Сам себе хозяин, я слышал.

И вот тут в душу мою закралось подозрение. Сначала оно было несерьезным, так, маленький червячок. Он, видно, расспрашивал обо мне, прежде чем явиться сюда, а значит, вовсе не случайно забрел поболтать о прежних временах.

– Голодать не приходится, – согласился я. – Но уверенности в завтрашнем дне нет: пока котелок варит, но... С ногами уже проблемы.

– Тренировался бы побольше. Совсем не следишь за собой, сразу видно.

Я фыркнул. Еще один Морли Дотс выискался!

– Ну-ну, полегче, нечего мне талдычить о здоровой пище и прочей дряни. Я не корова, чтоб травку жевать, и у меня уже есть один добренький крестный, он мне плешь проел этой чепухой.

На физиономии Черного Пита выразилось замешательство.

– Извиняюсь. Шутка. Выходит, теперь у вас работы немного?

Я почти ничего не слышал о Стэнтноре после его отставки. Знал только, что он уехал домой в Танфер и поселился в семейном имении к югу от города. Он жил отшельником, ни бизнеса, ни политики – обычных занятий уцелевших в боях офицеров бесконечных кантардских войн.

– У нас не было выбора. – По лицу Питерса пробежала тень беспокойства. – Генерал планировал заняться строительными подрядами, но заболел, может, подцепил что-нибудь на островах. Это изматывает его. Он почти не встает с постели.

Жаль. Стэнтнор все же был молодцом, он не отсиживался в штабе в Фулл-Харборе, передвигая солдат, как фигурки по шахматной доске. Во время больших морских боев он был с нами, в гуще сражения.

Жаль его. Я так и сказал Питерсу.

– Не просто жаль, Гаррет. Дело куда серьезней. Мне кажется, он умирает. Ему становится все хуже. И думаю, кто-то помогает ему умереть.

Подозрение превратилось в уверенность.

– Вы не случайно оказались по соседству.

Он не стал вилять:

– Нет. Я хочу, чтобы ты заплатил по счету.

Пояснений не требовалось.

Однажды мы были застигнуты врасплох на одном из островов. Враги напали неожиданно и перебили почти всех. Мы, кому удалось спастись, бежали на болота и отсиживались там,

питаюсь животными, которые не успевали съесть нас первыми. Сержант Питерс вывел нас, и поэтому я его должник.

Но это еще не все. Во время набега я был ранен, и он вынес меня на себе. Он не обязан был это делать. Он мог оставить меня лежать и ждать неминуемой смерти.

– Старик много значит для меня, Гаррет, – заговорил Питерс. – Другой семьи у меня нет. Кто-то медленно убивает его, но я ума не приложу кто и как. Не могу помешать им. Никогда я не чувствовал себя таким беспомощным и поэтому пришел к тебе, человеку, о котором говорят, будто он умеет решать неразрешимые задачи.

Мне не нужен клиент. Но Гаррет отдает долги.

Я сделал большой глоток, глубоко вздохнул, ругнулся про себя.

– Выкладывайте.

Питерс покачал головой:

– Не хочу сбивать тебя с толку. Я отнюдь не уверен, что мои соображения имеют под собой почву.

– Черт возьми, сержант...

– Гаррет! – Голос у Питерса по-прежнему был властный, можно было и не повышать тон.

– Слушаю.

– У генерала есть и другие неприятности. Я убедил его нанять специалиста, который может разобраться с ними. Я расхваливал тебя, рассказывал, какая у тебя репутация, и поделился воспоминаниями о нашей совместной службе. Он увидится с тобой завтра утром. Если ты не забываешь вытирать ноги у дверей и умеешь пользоваться носовым платком, генерал тебя наймет. Делай, что он велит, но при этом помни об истинной цели. Понятно?

Я кивнул. Замысловато, конечно, но клиенты часто ведут себя так, словно нарочно хотят все запутать.

– Для всех ты – наемный работник. Чем занимаешься – неизвестно. Прошное тоже практически неизвестно. Возьми другое имя: твое не подходит, чересчур громкое, а дурная слава быстро бежит, может подняться переполох.

Я вздохнул:

– Похоже, мне придется проводить там много времени.

– Все время, пока не кончишь работу. Мне уже сейчас надо знать, каким именем ты намерен воспользоваться, иначе тебя не пропустят.

– Майк Секстон.

Я ляпнул, не подумав, но, наверное, то было внушение свыше. Однако я рисковал. Майк Секстон командовал в нашей роте отрядом разведчиков. Он не вернулся с острова. Питерс услал Майка перед началом ночной битвы, и мы никогда больше его не видели. Майк был правой рукой и единственным другом Черного Пита.

Лицо сержанта окаменело. Он прищурился, открыл было рот... нет, грозный Пит всегда сначала думал, потом говорил.

– Сойдет, – буркнул он. – Они слышали от меня о Майке. Это объяснит, откуда мы знаем друг друга. Я вроде бы никому не говорил о его смерти.

Вряд ли он сделал бы это. Он не любил признаваться в своих ошибках – даже себе самому. Пари держу, в глубине души Питерс не переставал ждать, что Секстон вернется и явится с докладом.

– Я это и имел в виду.

Он допил пиво.

– Так я могу рассчитывать на тебя?

– Вы знали, что можете, еще до того, как постучали в дверь. У меня нет выбора.

Питерс улыбнулся. На его угрюмой физиономии улыбка выглядела как-то неуместно.

– Стопроцентной уверенности у меня не было. Ты всегда был упрямый сукин сын.

Он достал потрепанный холщовый кошелёк – тот же, что и раньше, но теперь он стал потолще, и отсчитал пятьдесят монет. Серебряных монет. Ничего себе! После того как Слави Дуралейник объявил Кантард независимой республикой, не подчиняющейся ни Венагете, ни Каренте, вообще никому, цены на серебро подскочили.

Без серебра невозможно колдовать. И Карента, и Венагета раздираемы на части интригами колдунов. Самый богатый серебряный рудник находится в Кантарде, поэтому приходившие к власти шайки сражались за эту территорию ещё с тех пор, как мой дедушка был желторотым птенцом, пока жадный Слави не сыграл свою шутку. Но долго ему не продержаться. Он нагадил всем и теперь со всех сторон окружен врагами.

Я открыл было рот, чтобы отказаться от денег: ведь Питерс – мой кредитор. Но потом понял, что должен взять их. Питерс призвал меня выполнить свое обязательство, но не рассчитывал, что я буду работать бесплатно. Может быть, заплатив по счету, он за что-то рассчитается с генералом.

– Восемь в день и расходы, – сказал я. – Для друзей скидка. Если останется – верну, если понадобится больше – представлю счет.

Пятьдесят монет я для сохранности спрятал в комнате Покойника. Он у меня тяжеленький, больше ста пятидесяти килограммов, и – самое в нем лучшее – все время дрыхнет, уже давным-давно не просыпался, даже скучно стало. Поймав себя на таких мыслях, я понял – в самом деле пора приниматься за работу. Скучать по Покойнику – все равно что скучать по инквизитору.

Я вернулся в кухню. Питерс собирался уходить.

– Итак, завтра утром? – уточнил он.

В голосе сержанта мне послышались нотки отчаяния:

– Приду, не сомневайтесь.

2

В одиннадцать часов утра небо было отвратительного свинцового цвета, но я все же решил тронуться в путь на своих двоих, хотя от Южных ворот до лачуги генерала добрых шесть миль. Ничего не поделаешь, я на лошади – картина невероятная.

Мне пришлось раскаяться в своей опрометчивости: я слишком долго не отрывал задницу от стула, и ноги быстро устали. К тому же начался дождь, капли величиной с монетки застучали по дороге. Я раскаивался все сильнее. Теперь уж точно придется столкнуться со стариком, а то на обратном пути промокну вконец.

Я перекинул сумку на другое плечо и попытался идти быстрее. Напрасный труд.

Дома перед выходом я помылся, побрился и причесался – словом, постарался привести себя в надлежащий вид для встречи с богатеями и теперь надеялся, что они оценят мои старания и не прогонят от дверей, не спросив имени. Надеялся я также, что Черный Пит не подкачал и заранее сообщил мой псевдоним привратнику.

Назвать домишко Стэнтноров лачугой – не совсем точно. На него угрохали, полагаю, на миллион кирпича, камня и отборного леса. На такой территории спокойно можно захоронить целый батальон. Я не захватил с собой карты, но заблудиться было мудрено. Генерал точно специально для меня велел провести к дому мощеную дорогу.

Лачужка ничего себе. Каменная, с деревянной отделкой, в пять этажей, по бокам четырехэтажные флигели. Я поднял с земли камень и попытался добросить до другого угла – недолет, а бросок был недурен.

За шиворот мне потекла вода. Я прыжком преодолел двенадцать мраморных ступенек и остановился на минутку перед дверью, чтобы привести себя в порядок и не выглядеть чересчур взъерошенным. Когда имеешь дело с богачами, главное – не робеть, держать хвост пистолетом.

Дверь – такими воротами мог бы гордиться и замок – бесшумно приоткрылась, выглянул какой-то человек. Я с трудом удержался от вопроса, сколько масла пошло на смазку этих чудовищных дверных петель.

– Да?

– Я Майк Секстон. Меня ждут.

– Да.

Человек поморщился, выражение лица у него было довольно кислое. Интересно, где он посреди зимы ухитрился раздобыть лимон?

Вряд ли я произвел на него благоприятное впечатление, однако он впустил меня в холл. Вот это да! Здесь свободно поместилась бы парочка мамонтов, если бы хозяину стало жаль оставлять их мокнуть под дождем.

– Пойду доложу генералу, – сказал он и ушел, точно ему кол в спину вогнали, маршируя под слышный лишь ему одному барабанный бой. Сразу видно, тоже бывший морской пехотинец.

Он исчез, а я принялся развлекаться, шатаюсь по холлу и знакоюсь с предками Стэнтнора, целая дюжина коих сердито пялилась на меня с портретов на стенах. Судя по всему, от художников требовалось одно – поймать на лицах моделей выражение нестерпимого страдания. Все эти стариканы определенно мучились от запоров.

Я насчитал трех бородатых, трех усатых и шесть гладковыбритых, но кровь Стэнтноров – крепкая штука. Они выглядели как братья, а не как представители разных поколений семьи, существовавшей со времен основания государства Карента. Датировать портреты можно было только по форме изображенных на них Стэнтноров.

Все они были в форме или доспехах. Все Стэнтноры – солдаты, моряки, морские пехотинцы. Судьба их predetermined от рождения. Хочешь не хочешь – не важно, Стэнтнор обязан служить в армии. Может, этим объясняется семейное (поголовное и хроническое) расстройство пищеварения.

Последним в левом ряду висел портрет самого генерала, написанный в бытность его главнокомандующим армией Каренты. Длиннющие седые усы свирепо топорщились, а глаза смотрели мимо тебя, как будто он стоял на корме военного корабля, пытаясь различить что-то на горизонте. В этой галерее только портрет генерала не следил за тобой неотступно, куда бы ты ни пошел. Сердито сверкающие глаза старых служак смущали меня. Наверное, это задумано не случайно – запугивать выскочек вроде вашего покорного слуги. Напротив висел, единственный среди стариков, портрет молодого человека – сына генерала, лейтенанта Королевской морской пехоты. Он не успел выработать в себе стэнтноровскую семейную мрачность. Мне не удалось припомнить имя юноши, но я знал, что молодой Стэнтнор погиб на островах, я тогда еще не демобилизовался. Других сыновей у старика не было, не было больше и портретов на обшитой темными панелями стене.

Холл кончался стеной из дымчатого небьющегося стекла, украшенной мозаиками на весьма кроважидные сюжеты из мифов и легенд. Герои убивали драконов, расправлялись с великанами и походя, от нечего делать, попирали ногами горы маленьких трупиков эльфов и гномов. Все это относилось к тем давним временам, когда люди не больно церемонились со своими меньшими братьями.

Дверь в стене была нормального размера и покрыта мозаикой в том же роде. Дворецкий, или как он там назывался, оставил дверь приоткрытой. Я воспользовался ненавязчивым приглашением.

Холл по ту сторону перегородки походил на собор.

Не меньше парадного, в четыре этажа высотой, весь из коричневого со светлыми прожилками камня. На стенах боевые трофеи Стэнтноров. Оружия и знамен хватило бы на целый полк. Пол в шахматную клетку из белого мрамора и зеленого змеевика. Посредине – фонтан: герой на поднявшемся на дыбы жеребце вонзал копье в сердце свирепого дракона, подзрительно похожего на большого летающего громового ящера. Рискованная позиция – еще секунда, и он свалится прямо в когти чудовища. Вид у обоих был невеселый. Я не мог порицать их за это: помирать никому не охота. Скульптор, несомненно, выразил нечто важное для себя,

но до меня, увы, не дошло ничего. «Ребята, вы оба хотите заполучить девицу, – обратился я к противникам, – так заключили бы любовное соглашение».

Стуча каблуками, я направился к фонтану. Эхо сопровождало меня.

Я огляделся кругом. Коридоры вели в западное и восточное крыло здания. По лестнице можно было подняться вверх, на балконы. На каждом этаже – балкон, на каждом балконе – множество темных, полированных колонн и эхо, эхо. Не дом, а дворец. Музей какой-то. Любопытно, кому могла прийти в голову дикая мысль соорудить такой домище и поселиться в нем?

Холодрыга, почти как на улице. Я вздрогнул, подошел поближе к фонтану. Он не работал. Жаль, журчание воды скрасило бы обстановку. Они, наверное, врубают его только в дни приемов. Я всегда лелеял в глубине души мечту разбогатеть. Думаю, большинство из нас подвержены этой слабости. Но если так живут богатые, я лучше останусь при своих.

По роду занятий мне приходилось бывать во многих богатых домах, все они какие-то неуютные. Брр. Самый красивый, что я видел, принадлежал Чодо Контагью, королю преступного мира Танфера. Он настоящее чудовище, но в его дворце есть хоть намек на нечто человеческое. Архитектор Чодо не скрывал своих пристрастий. В тот раз, когда мне случилось посетить Контагью, дворец был битком набит голыми красотками. Это, я понимаю, обстановка! Куда веселее уймы дурацких военных побрякушек.

Я скинул сумку и небрежно облокотился на ограду фонтана:

– Давайте, ребята, не стесняйтесь, постараюсь вам не мешать.

Ноль внимания. Герою с драконом было не до меня.

Я огляделся. Где, черт возьми, люди? Для такого громадного помещения нужна целая армия слуг. А то будто среди ночи в музей забрел. Будто... Стоп! Не так уж все плохо.

Я заметил прелестное личико. Оно выглядывало из-за колонны на балконе слева от меня, в западном крыле. Женщина, и красивая. Она была слишком далеко, чтобы сказать еще что-нибудь, но хватило с избытком – кровь моя вновь заструилась по жилам. Красотка оказалась робкой, точно дриада. Глаза наши встретились, мгновение – и она исчезла.

Я уже говорил: женщины – моя слабость. Удастся ли разглядеть ее? Хочется надеяться. Какое личико! Но очаровательница упорхнула. Мимолетное видение. Ах, если бы она вернулась! На нее стоило посмотреть второй, а может, и третий, и четвертый раз. Длинноволосая стройная блондинка, в чем-то белом, прозрачном, перехваченном в талии красным пояском. Около двадцати, плюс-минус. Довольно аппетитна. Я плотоядно ухмыльнулся.

Если только она не привидение. Она проскользнула мимо абсолютно неслышно. Как бы то ни было, не успокоюсь, пока не познакомлюсь с ней поближе.

Вполне возможно, это место действительно посещают духи. Здесь так холодно, так... Нет, дело во мне самом. Наверное, никого другого оно не беспокоило бы. Я смотрел кругом и слышал звон оружия, слышал стоны убитых на полях сражений, откуда Стэнтноры навезли все эти эмблемы своей славы. Я дал волю воображению и видел лишь собственное отражение, отражение своего настроения.

Попробуем лучше стряхнуть мрачные мысли. Просто эта халупа не располагает к веселью.

Итак, девушка исчезла, а в холле, стуча каблуками, снова появился давешний привратник и по-военному четко остановился шагах в шести от меня. Я бегло оглядел его. Рост под шесть футов, вес около восьмидесяти килограммов, лет пятидесяти, но выглядит моложе. Волосы черные, волнистые, густые, как у двадцатилетнего, и чем-то смазаны, чтобы пряди не выбивались из прически. Если и была седина, он хорошо умел прятать ее. Глаза как льдинки, но о такой лед можно обжечься. Субъект из тех, кто убьет и даже не задумается о ваших детках-сиротах.

– Генерал ждет вас, сэр, – известил он, повернулся и пошел.

Я последовал за ним. Сначала я пытался идти нормально, но скоро сдался и замаршировал по-солдатски. Тело вспомнило давнюю муштру и отказалось повиноваться доводам разума.

– У тебя имя есть? – осведомился я.

– Деллвуд, сэр.

– Где служил, пока не вышел в отставку?

– Я принадлежал к штабу генерала, сэр.

Это абсолютно ни о чем не говорило.

– Профи?

Идиотский вопрос, Гаррет. Готов заложить семейную ферму, ты здесь единственный непрофессиональный солдат, кроме девушки, возможно. Генерал не потерпел бы в своем окружении недоносков, в просторечии именуемых штатскими.

– Тридцать два года в армии, сэр.

Сам он не задал ни одного вопроса. Молчалив, не любит трепаться? Нет. Я его не интересовал: я был одним из «них».

– Может, мне следовало войти с черного хода?

Он что-то проворчал.

Черт возьми. Я уважал генерала, но за то, кем он стал, а не за то, кем родился.

Деллвуд был двадцатью годами старше, но запыхался к четвертому этажу именно я. Не меньше шести остроумных замечаний родилось в моей голове, но поделиться ими не хватило дыхания. Деллвуд мельком глянул на меня, видимо с трудом скрывая презрение к слабакам штатским. Я отдышался немного и сразу взял быка за рога:

– Пока ждал, я видел женщину. Она наблюдала за мной. Робкая, как мышка.

– Это, надо полагать, мисс Дженнифер, сэр. Дочь генерала.

Казалось, он сомневается, не совершил ли ошибку, добровольно выдав так много. Из тех, кто не расколется, хоть пятки ему поджаривай. Интересно, в свите генерала все изготовлены по такому образцу? Зачем я тогда понадобился Питерсу? Справились бы сами.

Мы добрались до верхнего этажа западного крыла. Деллвуд приоткрыл дубовую дверь, занимавшую половину стены, и доложил:

– Майк Секстон, сэр.

Волна жара обдала меня, едва я вошел в комнату вслед за Деллвудом.

Не знаю, чего я ожидал, но обстановка кабинета удивила меня, показалась чрезмерно спартанской. Кроме размеров комнаты, ничто не указывало на богатство генерала Стэнтнора.

Ни одного ковра, только несколько стульев с прямыми спинками, неизбежный металлический скарб, два письменных стола, поставленные нос к носу. Один, побольше, видимо, генеральский, а второй для посетителей, если они захотят что-либо написать. Почти мавзоль. Жар шел от огня, пылавшего в камине. Огонька хватило бы зажарить быка. Рядом лежала гора поленьев, и еще один отставной солдат с негнущейся спиной подбрасывал их в огонь. Он взглянул на меня и посмотрел на старика за большим столом. Тот кивнул, и истопник вышел. Наверное, они с Деллвудом на досуге совершенствуются в строевой подготовке и прочих боевых искусствах.

Осмотрев кабинет, я принялся за его хозяина.

Подозрения Черного Пита были небезосновательны. От генерала Стэнтнора осталось не много. Он мало чем отличался от людей внизу, на портретах. Генерал почти целиком был закутан в ватное одеяло, но, похоже, весил он не больше мумии. Десять лет назад он был с меня ростом и килограммов на пятнадцать тяжелее.

Кожа генерала, желтоватого оттенка, казалась полупрозрачной. Зрачки мутные от катаракты, губы ядовитого сине-серого цвета. Волосы выпадали прядями, осталось всего несколько клочков, не просто седых, а синеватого оттенка смерти. Жизнь угасала в нем.

Я не знал, как далеко зашла катаракта, но взгляд старика был тяжелым и строгим. При моем появлении он не шелохнулся.

– Майк Секстон, сэр. Сержант Питерс попросил меня зайти к вам.

– Берите стул. Поставьте его здесь, передо мной. Я не люблю смотреть на собеседника снизу вверх. – В голосе генерала мне послышалась скрытая сила, хотя не представляю, откуда он брал ее. Я воображал, что он будет говорить замогильным шепотом. Я сел напротив. Он продолжал: – Я уверен, что сейчас нас не подслушивают, мистер Гаррет. Да, я знаю, кто вы. Питерс все мне подробно рассказал, только тогда я решился принять вас. – Он продолжал таращить глаза, как будто одним лишь усилием воли мог преодолеть катаракту. – Но в дальнейшем мы будем придерживаться версии «Майк Секстон». Теперь обговорим условия.

Я сидел близко от него и чувствовал запах. Запах был не из приятных. Странно, что вся комната не провоняла. Наверное, обычно старик находился в другом помещении.

– Питерс не сказал, что вам нужно, сэр. Он просто потребовал вернуть старый долг – вот я и появился.

Я бросил взгляд на камин. Еще чуть-чуть – и здесь можно печь хлеб.

– Мне необходимо тепло, много тепла, мистер Гаррет. Прошу прощения за неудобства. Я постараюсь не задерживать вас долго. Я стал похож на ящерицу: кровь у меня холодная, совсем не греет.

Я покорно ждал продолжения и обильно потел.

– Питерс сказал, вы были хорошим морским пехотинцем. – Такая рекомендация много значила здесь. – Он ручается за вас – каким вы были тогда. Но люди меняются. Каким вы стали?

– Я был разбойником в подчинении у других разбойников, а стал свободным художником. Что вам и требуется, генерал, иначе бы вы меня не позвали.

Он издал звук, которому надлежало изображать смех.

– А я слышал, у вас острый язык, Гаррет. Но нетерпеливым приходится быть мне, не вам. Мне осталось так мало. Да. Питерс ручается за вас и сегодня. В определенных кругах о вас сложилась репутация человека надежного, но своенравного. Говорят, вы не лишены чувствительности. Это у нас никого не волнует. Говорят, вы имеете слабость к женскому полу. Полагая, вы обратите на мою дочь больше внимания, чем она заслуживает. Говорят, вы склонны беспощадно осуждать пороки и грешки моего класса.

Может, он в курсе и как часто я меняю белье? Зачем понадобился еще один сыщик? Он мог смело поручить все тому, кто составлял досье на меня.

Опять этот жалкий смех.

– Представляю, о чем вы думаете. Но мои сведения – лишь общеизвестные факты. Слава бежит впереди вас. – Grimаса, в лучшие времена означавшая улыбку. – За годы работы вы добились прекрасных результатов. Но для этого вам пришлось стоптать не одну пару башмаков.

– Я простой парень, генерал. Стараюсь, как могу.

– Не думаю, что такой уж простой. Вы совсем не боитесь меня.

– Не боюсь.

Я не боялся его. Я встречал слишком много действительно страшных людей. Душа моя заглубела, закалилась в боях.

– Десять лет назад, наверное, боялись.

– Другие обстоятельства.

– В самом деле. Хорошо. Мне нужен человек, который не будет бояться. Особенно меня: опасаюсь, что, выполнив поручение, вы скроете от меня правду, которую мне больно было бы услышать. Правду столь жестокую, что мне захочется прогнать вас взащей. Вы не скроете ее?

Он сбил меня с толку.

– Я совсем запутался.

– Обычное состояние живого человека. Я имею в виду: когда я найму вас – если найму и если вы согласны взяться за эту работу, – вы обязаны довести ее до конца. Не обращая внимания на то, что я стану говорить впоследствии. Я прослежу, чтоб вам заплатили сполна вперед, – и избавлю от искушения стараться ради денег.

– Я все же никак не пойму, в чем дело.

– Я горжусь тем, что способен посмотреть правде в лицо. Я хочу покончить с этим. У меня нет выбора, как бы ни было больно и неприятно. Понимаете?

– Да.

Я понял: он готов посмотреть правде в лицо. Но какой правде? Мы оба потратили массу времени, туманя друг другу мозги. Люди его класса на этом собаку съели, но генерал всегда имел репутацию человека, твердо стоявшего обеими ногами на земле. Не однажды он поступал по-своему, нарушал приказы, потому что они исходили из умозрительных представлений штабных крыс, державшихся по меньшей мере в двухстах милях от поля сражения. И каждый раз исход дела доказывал правоту Стэнтнора. Но у него было мало друзей.

– Прежде чем взять на себя какие-либо обязательства, я должен знать, чего вы хотите.

– В моем доме – вор, мистер Гаррет.

Генерал запнулся: спазма сжала его горло. Я подумал, что у него сердечный приступ, и бросился к двери.

– Подождите, – прокаркал он. – Это пройдет.

Я остановился на полпути между стулом и дверью, но через минуту спазма прошла. Я снова уселся.

– Вор в моем доме. Хотя здесь нет никого, кого бы я не знал тридцать лет, кому много раз не доверял свою жизнь.

Забавная ситуация: жизнь доверить можешь, а кошелек – нет.

Я начал понимать, зачем ему понадобился человек со стороны. Паршивая овца среди старых товарищей. Они прячут голову под крыло, отказываются видеть правду, или... Кто знает? Морские пехотинцы устроены не так, как все.

– Я слушаю. Продолжайте.

– Недуг свалил меня вскоре после возвращения домой. Вероятно, это чахотка. Болезнь развивается медленно. Я редко теперь выхожу из своих комнат. Но я заметил, что в течение прошедшего года кое-какие вещи, столетиями принадлежавшие нашей семье, постепенно пропадали. Никогда не исчезали крупные вещи, только блестящие безделушки, бросающиеся в глаза. Просто сувениры, ценные в основном как память. Но сумма набирается уже не маленькая.

– Ясно.

Я взглянул на огонь. Пора повернуться, а то с другого бока не прожарюсь как следует.

– Уделите мне еще несколько минут, мистер Гаррет.

– Конечно, сэр. В последнее время в доме были посторонние? Постоянные посетители?

– Не много. Люди с Холма. Не из тех, что промышляют мелкими кражами.

Я не стал говорить, но, по моему мнению, худшие из преступников как раз выходцы с Холма. Наши дворяне способны стащить медяки с глаз мертвеца. Но в одном генерал прав. Они не будут красть своими руками. Они наймут кого-нибудь.

– У вас есть список пропавших вещей?

– А нужно?

– Может пригодиться. Кто-то что-то ворует – он хочет продать это и получить деньги. Верно? Я знаю некоторых торговцев, оптовые поставщики которых – люди с нечистыми руками. Вы что хотите: вернуть украденное или поймать вора?

– Сначала последнее. Потом поговорим о возмещении убытков.

Внезапно, как гром среди ясного неба, его сразил новый приступ. Я чувствовал себя совершенно беспомощным, понятия не имея, как помочь старику. Скверное чувство.

Приступ прошел, но на этот раз генерал казался совсем ослабевшим.

– Придется кончить побыстрей, Гаррет. Мне надо отдохнуть, а то следующий припадок сведет меня в могилу. – Старик улыбнулся, и я увидел, что зубов у него не хватает. – Еще одна причина рассчитаться сразу. Мои наследники могут не счесть нужным заплатить вам.

Я хотел сказать что-нибудь ободряющее, типа «вы еще меня переживете», но слишком уж цинично обнадеживать человека в подобном состоянии. Иногда мне удается промолчать, правда обычно не к месту.

– С удовольствием познакомился бы поближе, но природа берет свое. Я нанимаю вас, если вы согласны считать меня своим клиентом. Вы найдете вора? На моих условиях?

– Не отступать ни за что?

– Именно.

– Да, сэр. – Мне пришлось сделать над собой усилие. Я ведь и правда ленив. – Я берусь за ваше поручение.

– Хорошо, хорошо. Деллвуд ждет за дверью. Скажите ему, мне нужен Питерс.

– Будет сделано, генерал.

Я поднялся и направился к двери. Даже в нынешнем состоянии старик сохранил частичку того обаяния, магнетизма, какие присущи образцовым командирам. Я не просто жалел его, я действительно хотел найти негодяя, который, по мнению Черного Пита, пытается убить старика.

3

В коридоре было холодно, как холодной зимой в Арктике. Черт возьми, еще отморозишь что-нибудь.

Генерал не ошибся насчет Деллвуда. Он был на месте, ждал, причем точно как приказал хозяин, на почтительном расстоянии, чтоб ничего из разговора не слышать. Хотя вряд ли через эту дверь можно было расслышать даже взрыв. Деллвуд – парень, в общем, ничего, решил я, хоть спина у него чересчур прямая.

– Генерал просит Питерса.

– Хорошо, сэр. Я, пожалуй, прежде всего выполню его указание. Вы не могли бы вернуться вниз и подождать у фонтана?

– Конечно. Но идите быстрее. Что с ним такое? При мне у него было два сильных приступа.

Деллвуд переменялся в лице, уставился на меня и словно окаменел. Очевидно, он любил этого старика и сейчас был очень встревожен.

– Очень нехорошие приступы, сэр?

– Мне так показалось. Но я не врач. Он сократил нашу встречу: испугался, что еще одного припадка ему не вынести.

– Лучше я сначала проведу его, остальное подождет.

– Что с ним такое? – снова спросил я.

– Не знаю, сэр. Мы пробовали приглашать врачей, но он, едва узнав, кто это, прогонял их. У генерала патологический страх перед медиками. Но из их слов я понял, что от врачей толку чуть. Они ничего не делают, только в затылках скребут.

– А ты ведь умеешь разговаривать, Деллвуд, у тебя неплохо получается. Приятное открытие.

– Генерал принял вас на борт, сэр. Вы теперь один из домочадцев.

Конструктивный подход редко встречается: в основном люди или врут почему зря, или совсем отказываются говорить.

– Хотелось бы потолковать с тобой, когда выдастся свободная минутка.

– Да, сэр.

Он зашел к генералу, а я отправился отыскивать фонтан. Это было нетрудно. После исчезновения Секстона я стал одним из ротных разведчиков и много тренировался. Питерс не уставал твердить, как много средств вложило в меня государство.

Сумку я оставил у фонтана, чтоб зря не таскаться с ней. Я подумал, что в этом царстве мертвых с ней ничего не случится. И ошибся. Подойдя к безумной милитаристской скульптуре, я увидел, что некто уже вовсю роется в моих вещах.

Она стояла ко мне чрезвычайно аппетитным задом. Высокая стройная девушка. Брюнетка в желтовато-коричневом платье-рубашке, стилизованном под крестьянское. Крестьянину не заработать на такое и за пять лет. Незнакомка копалась в сумке, и задок ее соблазнительно колыхался. Похоже, она только начала.

Я подкрался незаметно, как опытный разведчик, остановился шагах в четырех, одобритивно кивнул ее заднице и спросил:

– Нашли что-нибудь интересное?

Она быстро обернулась.

Я вздрогнул. Лицо – копия того, что я видел раньше, но на этот раз робости в нем не было ни капли. Более жесткое, мирское. В том, другом, кроме застенчивости, мне почудилась монашеская отрешенность.

Глаза знакомки сверкнули.

– Кто вы?

Ни тени смущения. Мне нравится, когда кое в чем не раскаиваются, но не в том же, что рылись в моих пожитках.

– Секстон. Кто вы? Зачем залезли в чужую сумку?

– Не тяжело таскать с собой такой арсенал?

– Он нужен мне для работы. Я ответил на два вопроса. Теперь ваша очередь.

Девушка осмотрела меня с головы до ног, приподняла бровь, как бы сомневаясь, довольна ли увиденным. Задела меня за живое! Затем фыркнула и ушла. Я, конечно, не Аполлон, но к подобному обращению не привык. Видимо, это было частью ее плана.

Я смотрел вслед красотке. Двигалась она манерно, сознавала, что за ней наблюдают, и немного кокетничала своей походкой. Она скрылась под балконом в западном крыле особняка.

– Странные существа здесь обитают, – пробормотал я.

Я проверил сумку. Девушка перевернула все вверх дном, но ничего не пропало. Я вовремя спугнул ее, она не успела добраться до внутреннего кармашка с бутылками. Я дважды проверил его.

Там было три бутылочки: ярко-синяя, изумрудно-зеленая, рубиново-красная. Каждая весом около двух унций. Я раздобыл их во время одного из прошлых расследований. Содержимое было приготовлено колдуном. В трудную минуту они могли здорово пригодиться. Но я надеялся, что применять их не придется.

Господи, во скольких передрыгах пришлось побывать! Я одежды столько не сносил, а одежду-то хоть постирать можно.

В ожидании Деллвуда я, осторожно ступая, обошел холл. Все равно что музей в одиночку осматривать. Детали обстановки ничего для меня не значили. Несомненно, каждая из них имела богатую историю, но я не из тех, кто интересуется историей из чистой любознательности.

Деллвуд медлил. Через полчаса я уже пялился на старинный горн и раздумывал: что, если дунуть в него пару раз? Потом на глаза мне опять попала блондинка. Она разглядывала меня издали. Я помахал ей. Старик Гаррет ведь дружелюбный и общительный парнишка.

Она тут же пропала. Ну точно мышка.

Наконец появился Деллвуд.

– С генералом все в порядке? – спросил я.

– Он отдыхает, сэр. Все будет хорошо. – Голос его звучал не слишком уверенно. – Сержант Питерс сделает, что вы просили. – Теперь в голосе слышалось недоумение: – Позвольте полюбопытствовать, сэр. Что вы делаете здесь?

– Генерал послал за мной.

Он с минуту смотрел на меня, потом сказал:

– Пойдемте со мной, я покажу вам комнату.

Мы отправились в восточное крыло здания, вскарабкались на четвертый этаж. Я опять запыхался. Деллвуд решил зайти с другой стороны:

– Вы к нам надолго?

– Не знаю.

Надеюсь, что нет. Дом Стэнтнора успел надоест мне: слишком уж он напоминал склеп. Рядом умирал владелец. Когда умирает хозяин, кажется, что дом умирает вместе с ним.

Деллвуд открыл дверь.

– Что вы намерены делать после смерти генерала? – спросил я.

– Я не заглядываю так далеко вперед. Не думаю, что он скоро умрет. Он справится. Все его предки доживали до восьмидесяти-девяноста лет.

Деллвуд успокаивал себя. Он понимал, что будущего у него нет. В мире не так много места для профессиональных вояк, отдавших армии лучшие годы.

Поразительно, неужели кто-то в доме хочет, чтобы Стэнтнор сыграл в ящик раньше времени? Нет, подозрения Черного Пита нелогичны, неправдоподобны. Но когда дело доходит до убийства – тут уж не до логики.

Не следует торопиться с выводами. Сперва надо поразведать, поразнюхать, просто послушать.

– Как насчет еды, Деллвуд? Экипировки для парадных обедов я не захватил.

– С тех пор как генерал заболел, мы не одеваемся к обеду. Завтрак в шесть, ланч в одиннадцать, в кухне. Обед в пять в столовой, но без формальностей. Гости и слуги обедают вместе. Вас это не смущает?

– Нет, я демократ, сторонник равноправия. Ланч я пропустил?

С таким расписанием мне придется туго. В шесть утра я иногда и спать-то не ложусь. Не люблю утро за то, что оно начинается слишком рано.

– Что-нибудь придумаем, сэр. Я скажу кухарке, что у нас новый гость.

– Спасибо. Я устроюсь, а потом спущусь.

– Отлично, сэр. Если что не в порядке, скажите. Я постараюсь исправить.

– Не сомневаюсь.

– Конечно. Спасибо.

Деллвуд зашагал прочь. Я проводил его глазами и закрыл дверь.

4

Вряд ли потребуются исправления: порядки у них, насколько я успел заметить, строгие. Деллвуд ввел меня в покои, размером превосходящие первый этаж моего дома. Я очутился в комнате с панелями из розового дерева и потолочными балками из красного. Полки во всю стену, набитые книгами. Мебели столько, что хватит разместить взвод. Обеденный стол на четыре персоны. Письменный стол, стулья. Окна из простого и цветного стекла, выходящие, увы, на север. Ковер. Какая-нибудь почтенная леди лет двести назад ткала его последние двадцать лет своей жизни. Ламп хватило бы на весь мой дом. Люстра – с массой светильников, впрочем сейчас потушенных.

Вот как живут богачи. Двойная дверь вела в большую комнату. Спальня? Да, попал в точку.

По обстановке она не уступала первому помещению. Такой мягкой и широченной кровати мне раньше видеть не доводилось.

Я огляделся в поисках укромных местечек. Кое-что из вещей припрятал хорошенько, кое-что оставил на виду, а кое-что ни так ни сак: можно заметить, а можно и прозевать. Самое важное я оставил при себе. Теперь лучше пойти на кухню, пока меня не раздумали кормить. Подкрепившись как следует, я отправлюсь на разведку, и ничто не укроется от моего зоркого глаза.

В лучшие времена в кухне работало не меньше дюжины слуг, пекарей, кондитеров и так далее, трудившихся сутки напролет. Но сейчас всех их заменила одна женщина, весьма древняя на вид. Она мало напоминала человеческое существо. Наверное, наполовину тролль.

Морщинистая, высохшая, сгорбленная, она все же была на добрых два фута выше меня и килограммов на пятьдесят тяжелее. Невзирая на солидный возраст, у нее достало бы сил перебросить меня через голову, если бы я не сопротивлялся.

– Новенький? – проворчала она, увидев меня.

– Именно. Секстон. Майк Секстон.

– Ты опоздал. Чтоб этого больше не повторялось, юноша. Садись.
Она показала пальцем куда.

Я не стал спорить и уселся за стол, на три четверти заваленный глиняной посудой и прочей утварью.

Бах! Она с грохотом поставила передо мной тарелку.

– Вы тоже служили вместе с генералом?

– Не умничай. Хочешь лопать? Лопай. Нечего комедию ломать.

– Ладно. Просто беседу поддерживаю.

Я посмотрел в тарелку. Рис был залит густым соусом, изготовленным из кусочков не опознанных мною продуктов. Я взялся за еду с опаской – как в единственном в городе общедоступном вегетарианском ресторане моего дружка Морли.

– Если мне захочется поговорить, я попрошу об этом. Разуй глаза. Разве похоже, что у меня есть время чесать языком? Кенди дали пинка под зад и все свалили на меня. Я не перестаю твердить старому упрямому придурку, что мне нужен помощник. Думаешь, он слушает? Как же, держи карман! Рад-радешенек, что выгадал две монеты в неделю.

Я попробовал немножко оттуда, немножко отсюда. Там были моллюски и грибы и еще пара штук не разобрал чего именно, но все было отменно вкусно.

– Вкуснотища, – похвалил я.

– Где же ты обычно ешь? Это просто помой. Я ведь одна, у меня нет времени как следует присмотреть за всем.

Она швырнула в раковину несколько кастрюлек, подняв фонтан брызг.

– Я едва успеваю приготовить жратву к следующей кормежке. А эти свиньи... ты думаешь, они замечают разницу? Да подай я кашу из опилок, стрескают – и вся недолга.

Может быть. Но мне уже давно готовил старина Дин, и я был способен отличить хорошую готовку от плохой.

– Скольких вы кормите?

– Восемнадцать. Проклятая орава. Но тебе-то что до моих забот, мистер Девятнадцать? Боишься оказаться последней каплей, той соломинкой, что свалила верблюда?

– Так много? Это место похоже на замок с привидениями. Я видел генерала, Деллвуда, вас, старичка-истопника в генеральском кабинете...

– Кид.

– И двух женщин. Где остальные? На маневрах?

– Умничаешь? Где ты видел двух женщин? Неужели гаденыш Хэркорт опять протащил сюда свою шлюшку? Черт возьми. Надеюсь, так оно и есть. Ей-богу, надеюсь. Старик отправит его на черные работы по крайней мере на год. Пора вычистить эту выгребную яму. А что, кстати, здесь делаешь ты? Новеньких у нас не появлялось уже года два. И порядочных гостей не было полтора года, только воображалы с Холма – носы задерут, словно они и срут не как простые люди.

Ух!

– По правде сказать, мисс... – (Она проигнорировала намек.) – По правде сказать, я еще не определился. Генерал послал за мной, сказал, что хотел бы меня нанять. Но он не успел: начался приступ...

Она сразу как-то обмякла. От ее нелюбезности не осталось и следа.

– Серьезный приступ? Наверное, мне лучше пойти посмотреть.

– Деллвуд позаботился о старике. Сказал, что ему просто нужно отдохнуть. Он перевозбудился. Вы начали о Хэркorte. Он имеет обыкновение приводить в дом своих подружек?

– Нет. Последние два года нет. Какого черта ты спрашиваешь? Не твое собачье дело, чем мы занимаемся и с кем. – Она вдруг застыла как вкопанная, потом отошла от мойки, обернулась и одарила меня весьма недружелюбным взглядом. – Или это-то и есть твое дело?

Я постарался увильнуть от ответа, вручив ей пустую тарелку:

– Нельзя ли еще чуть-чуть? В животе как раз осталось немножко свободного места.

– Так вот чем ты занимаешься! У старика новая фантазия. Думает, что кто-то хочет с ним разделаться. Или ограбить. – Она покачала головой. – Ты зря тратишь время. А может, и нет. Какая разница, за что получать денежку? Черт возьми. Наверное, для тебя даже лучше, если ничего найти не удастся. Ты и сам ограбишь его не хуже всякого другого. Пока блажь у старика не пройдет, можно доить его, сколько душе угодно.

Я был смущен, но скрыл это:

– В доме завелся вор?

– Никто его не грабит. У старика нет ни шиша, не считая этого проклятого каменного сарая. А он, дьявол его возьми, слишком велик, его не утащишь. Однако, если б кто и грабил его, тебе бы я ни слова не сказала. Ни слова чужаку. Я никогда не разговариваю с пришлыми. Свора жуликов – и ничего больше.

– Достойно похвалы.

Я призывно подвигал тарелку по столу.

– Я мою посуду, у меня руки мокрые до локтей, а у тебя с ногами все нормально. Возьми сам.

– С удовольствием, но я не знаю где.

Она раздраженно фыркнула, но все же сооблаговолила сделать скидку на мою неопытность:

– На плите, черт возьми. Рис в металлической кастрюле, тушеное мясо в чугунке. Я беспокоюсь о старике. Эти его причуды... Чем дальше, тем хуже. Это болезнь на него действует. Совсем тронулся. Впрочем, ему всегда всюду чудились происки врагов.

Ни слова чужаку. Классная тетка.

– Разве никто не может обокрасть его на самом деле? Бывает, и параноики оказываются правы.

– А кто? Вот что вы мне скажите, мистер Любопытный Нос. Все в этом проклятом домище готовы сразиться за него с целой стаей драконов. Да ребята рады были бы помереть вместо него.

Доказательств пока нет, но люди часто идут на весьма странные сделки со своей совестью. Я без труда мог представить, что человек, готовый умереть за генерала, в равной степени готов и обокрасть его. Найдется масса смягчающих обстоятельств, легко убедить себя, что кража абсолютно необходима.

Итак, кухарка раскусила меня за пятнадцать минут. Эдак и дня не пройдет, она разболтает остальным.

– Домовые вас никогда не беспокоили?

Окрестности Танфера периодически страдали от их нашествий, как от термитов и мышей. Эта мелюзга любит безделушки и напрочь лишена уважения к частной собственности.

– Есть немножко. Я их приспособливаю к делу.

Да, это в ее духе.

– Деллвуд намекал, что у генерала предубеждение против докторов. А ему не мешало бы полечиться.

– Его не уломаешь. Упрямства в нем на десятерых. Когда миссис умерла, он твердо решил, что никогда не подпустит к себе ни одного докторишку. Он от своего решения не отступал и не отступит.

Гм. Она не станет говорить с чужаком. Ни за что!

– Видишь ли, он любил эту девочку, мисс Тиффани. Что за прелестное дитя она была! Она разбила наши сердца. Над ним смеялись – ведь она была гораздо моложе... Генерал был ее рабом, он, который раньше никого не любил. Потом появилась мисс Дженнифер. Роды были

такими долгими. Он не мог ждать и смотреть на ее мучения. Он привез из города врачей. И когда мисс Дженнифер наконец родилась, один проклятый придурок перепутал лекарства. Думали, он дает ей снотворное. Ужасная ошибка и, главное, глупая.

– Она истекла кровью?

– Да. Может статься, миссис была обречена. Она была болезненным, бледненьким созданием, но генерала вам ни в жизнь не переубедить.

Ошибки, за которые человек заплатил жизнью, трудно понять и простить. Но они случаются. Нам, смертным, приходится мириться с тем, что доктора тоже люди. А значит, они совершают ошибки, как все люди. Это неизбежно. Но когда ошибаются врачи, люди умирают. Мне-то нетрудно и понять, и простить: я не знал и не любил жену генерала.

– После ее смерти вся жизнь генерала пошла наперекосяк. Он уехал в Кантард вымещать свое горе на Венагете. – Когда ошибаются генералы, страдает еще больше людей. – А ты, парень, видно, расположился тут на весь день. Давай-ка лучше засучивай рукава и принимайся за мойку. Нам трутни не нужны.

Она, безусловно, ценный источник информации, но не до такой же степени.

– Может, позже. Если другой работы в самом деле не окажется, я наймусь судомойкой.

Она фыркнула:

– Ловко я придумала, как от тебя отделаться. Не родился еще на свет мужик, у которого достанет храбрости добровольно подступить к горе грязной посуды.

– Ланч великолепный. Спасибо, мисс...

Не сработало и на этот раз.

5

Фонтан – удобная отправная точка. Я уселся на ограду, переваривая сообщения поварихи. Видно, не миновать мне мытья посуды: нет другого способа выудить из этой мрачной и чудовищно молчаливой старухи все, что мне необходимо.

Вдруг у меня возникло неприятное, жутковатое ощущение, знаете, как бывает, когда почувствуешь, что кто-то тайком наблюдает за тобой? Я оглянулся – словно случайно.

Снова она, блондинка. Осмелела, спустилась ко мне на первый этаж и молнией пронеслась по темному коридору. Я притворился, что ничего не замечаю, подождал минуту, встал, потянулся и двинулся в ее сторону, по-прежнему прикидываясь, что ни о чем не подозреваю. Она метнулась, как испуганная птица. Я бросился за ней, позвал: «Дженнифер!» Она скрылась между колоннами... Куда она подевалась, недоумевал я. Но белокурой незнакомки и след простыл.

Чертовщина какая-то.

– Эй, Майк! Чем ты тут занят?

Я подскочил:

– Питерс. Не подкрадывайтесь. Я и без того начинаю верить в привидения. Есть здесь кто живой?

– Кто? Все на работе, – удивился Питерс.

А ведь верно. Такое громадное здание, да еще земли вокруг, немудрено целую армию потерять, не то что восемнадцать человек.

– Но хоть кто-нибудь...

– Временами тебе будет одиноко. – Он улыбнулся. Второй раз за два дня. Рекорд. – Я подумал, ты захочешь пройтись по поместью.

– Я найду дорогу. В морской пехоте я был разведчиком.

Улыбка увяла. Черный Пит смотрел на меня, как в былые времена: будто я недостаточно смышлен, чтоб самостоятельно зашнуровать ботинки. Он резко указал рукой в северный конец холла, на дверь в стене с мозаикой из цветного стекла, изображавшей пятьдесят свирепых вояк.

Эге. У мамочки Гаррет дебилы не рождались. Я смекнул, в чем дело.

– Я, пожалуй, не прочь прогуляться. Вы растолкуете мне, где что.

Он слегка расслабился, браво развернулся на сто восемьдесят градусов и зашагал. Я за ним – ать-два левой. А ведь никакой ностальгии по паршивым старым временам я не испытывал.

Питерс не проронил ни слова, пока мы не отошли достаточно далеко от дома и не миновали сад позади него, в котором могли укрыться соглядатаи.

– Ты видел старика. Что думаешь?

– Он в плохой форме.

– Ты знаешь яды, которые могли оказать подобное действие?

– Нет, – честно ответил я. – Нужен специалист. Я знаю парня, который разбирается в таких вещах, но он должен осмотреть генерала.

Морли Дотс знает все на свете, может, потому, что он полукровка и эльфийской крови в нем больше, чем человеческой.

– Не получится. Довольно одного чужака, чтоб все здесь на рогах стояли.

– Ну да.

Настоящий растревоженный улей. До сих пор нам не попало ни единого живого существа.

– Когда хочешь знать наверняка, спрашиваешь у того, кто в этом разбирается.

– Я попытаюсь.

– Теперь о ворах. Это правда? Повариха считает, что генерал выдумывает.

– Нет. Она так считает. Когда-то, мы только переехали сюда, у него действительно случались заскоки. Но она так редко выходит из кухни, что у нее у самой ум за разум заходит. Она даже не знает, какой год на дворе.

– Она пыталась запрячь меня в работу.

– С нее станется. О боги! Я помню твою стряпню.

– А я помню, что мне приходилось готовить. Крысы с кореньями, а на гарнир жуки.

Он проворчал что-то и снова почти улыбнулся.

– Неужели у вас могли сохраниться нежные воспоминания о тех днях?

– Нет, Гаррет. Я не настолько ненормален, хоть и профи. Я не скучаю по войне. – Он вздрогнул.

– А? В чем дело?

– Тревожные слухи ходят. Говорят, готовится поход против Слави Дуралейника и могут призвать ветеранов.

Я засмеялся.

– Что тут, черт побери, смешного?

– Давненько не слышал такой славной шутки. Вы представляете, скольких загребут? Всех мужчин старше двадцати пяти. И вы думаете, они пойдут, как овечки на заклание? Хоть один из них? Да если объявят такой призыв, будет революция.

– Может быть. Ты думаешь, его действительно хотят отравить?

– Допускаю.

– Я ничего не знаю о ядах. Каким образом его могут давать старику?

Я не специалист. Но из профессионального интереса всегда держу ушки на макушке, когда речь заходит о подобных вещах.

– В еде, в питье. Могут рассыпать по постели, чтобы яд проникал через кожу. Он может быть даже в воздухе. Пока мы будем доискиваться «как» – он в ящик сыграет. Надо выяснить «что». Поговорим о людях. Кто имеет доступ к генералу?

– Все, так или иначе.

– Пошли дальше. Кому это выгодно? Если есть убийца, значит есть и причина.

– Очевидно, убийца уверен, что делает это не зря, – проворчал Питерс. – Я пытался обмозговать это с самого начала, но ни к чему не пришел.

Ничего страшного.

– Сколько стоит поместье? К кому оно переходит?

– Бессмыслица. Дженнифер получает половину. Другая половина будет поделена между нами.

– Назовите примерную цену в золоте. А потом спросите себя, на что готовы пойти некоторые ваши знакомые за малую толику этой суммы.

Он пожал плечами:

– Миллиона три за дом. Миллион за обстановку. Два-три миллиона за землю. В прошлом году за два северных участка генералу предлагали три миллиона. Он чуть было не соблазнился: проблемы с наличными, а старик не хочет, чтоб Дженнифер в чем-нибудь нуждалась.

– Три миллиона только за часть имения?

– Кому-то понадобилась земля поблизости от города. Но старик колебался, и сделка не состоялась. Они купили участок подешевле у одного типа с Холма.

– Обошлось без обид?

– Обошлось, насколько мне известно.

У меня возникла рабочая гипотеза. Каждый из наследников получит около ста тысяч марок. Я знал парней, которые за такие деньги перережут сто тысяч глоток. Стоит предположить, что кому-то не терпится получить свою долю, – и мотив налицо.

– Все знают о завещании?

– Конечно. Старик много раз говорил о нем. Говорил и о том, что деньги получат лишь те, кто будет добросовестно трудиться.

Ха!

– Кухарка упоминала некоего Кенди.

– Не он. Он давно ушел. У него вовсе не было шансов. Он даже не человек. И само собой, генерал не включал его в завещание. Он не из тех, кого старик привез с собой. Он из компашки, управлявшей поместьем, пока мы были в Кантарде.

– Она упоминала также Хэркорта, который доставал всех со своими девчонками.

– Хэркорт? – Питерс нахмурился. – Полагаю, он сыт по горло нашими, как он любил выражаться, дерьмовыми правилами. Он слинял около шести месяцев назад. Старик вычеркнул его. Хэркорт наверняка знает об этом. Ему ничего не светит. Кроме того, он не сможет возвратиться незамеченным.

– Давайте вернемся назад и посмотрим на дело с другой стороны.

– С какой?

– На чем я должен основываться? На ваших предчувствиях. Но я задаю вопросы, а в ответ каждый раз слышу «нет, только не он». Как будто никому и в голову не придет пришить старичка, нет, нет, смешно подумать. И пользы никому от этого не будет – все подозрительные личности вычеркнуты из завещания. Не за что ухватиться.

– Ты к чему клонишь?

– Я думаю, генерал просто умирает от рака желудка. Вам нужен не я, а хороший врач.

Он помолчал несколько минут. Я тоже молчал. Мы спокойно прогуливались. Он – погруженный в тяжелые раздумья, я – глаза по сторонам. Наверное, летом на полях кто-то работал. Сейчас же не было никого. Я взглянул на небо. Оно все сильнее затягивалось свинцовыми тучами. Зима вновь вступала в свои права.

– Я пытался, Гаррет, месяца два назад. Кто-то донес старику. Доктор никогда не ступит на порог этого дома.

По его тону я понял, он знает кто. Я спросил. Он не хотел говорить.

– Кто, сержант? Нам не приходится выбирать, кого подозревать, кого нет.

– Дженнифер участвовала в заговоре, но сплеховала. Она странная девушка. Ее главная цель – добиться любви и утвердиться в жизни. А старик не знает, как ей помочь. Он побаивается ее. Дженни выросла без него. Не важно, что с виду она очень похожа на мать. Ее мать умерла.

– Кухарка мне рассказала.

– Еще бы. Старая карга знает все и выкладывает любому, кто готов слушать. Переезжай в кухню, скорей войдешь в курс дела.

Мы прошли еще немного, теперь в южном направлении, вокруг дома.

– Нелепая ситуация, – заговорил Питерс. – Чем глубже ты будешь залезать в наши дела, тем большая путаница будет у тебя в голове. У старика много бзиков. Ему часто мерещилось, что его хотят погубить, а никто ничего подобного и в мыслях не держал. Чертовщина какая-то: теперь, пока убийца у всех на глазах не воткнет в генерала нож, никто не поверит, что его жизнь в опасности.

Я хмыкнул. Был у меня приятель, Шнырь Пиготта, тоже детектив. Теперь он уже умер. Однажды ему попался похожий случай. Чокнутая старушонка с кучей денег все время носилась с воображаемыми болезнями, отбивалась от воображаемых врагов. Шнырь и ухом не вел. В один прекрасный день сынок пришел ее. Пиготта не переставал казнить себя до последнего вздоха.

– Я не буду торопиться с выводами.

– Только об этом я и прошу. Не заикливайся ни на чем.

– Конечно. Но если хотите быстрее получить результаты, лучше пригласить специалистов.

– Я же сказал, попытаюсь. Но не трать время, не жди. Нелегко было пригласить и тебя.

Мы продолжали кружить по поместью. Прошли мимо кладбища.

– Фамильное? – спросил я.

– Триста лет.

Я взглянул на дом. Он мрачно нависал над нами.

– Непохоже, что он такой старый.

– Он не старый. Было другое здание. Осмотри служебные постройки за домом. Старый дом разобрали, а материал пошел на хозяйственные помещения.

Надо осмотреть их хотя бы бегло. Надо изучить все вдоль и поперек. Не оставить не перевернутым ни одного камня. Но интуитивно я уже склонялся к тому, что разгадка, если существует загадка, внутри большого дома.

Питерс прочел мои мысли:

– Если я не прав и старик просто умирает от болезни, я хочу знать это точно. Ясно?

– Ясно.

– Я провел с тобой больше времени, чем рассчитывал. Мне пора вернуться к работе.

– Где я вас найду, если понадобится?

Он усмехнулся.

– Я как лошадиное дерьмо. Всюду. Лови где удастся. Такие же трудности у тебя будут со всеми нами. Особенно пока не кончится охотничий сезон: браконьеры покоя не дают. Кроме кухарки, никто не сидит на месте.

Мы повернули к дому, прошли через небольшой фруктовый сад с незнакомыми мне деревьями и белым летним домиком, поднялись по скату и по лестнице к парадному входу. Питерс вошел в дом, а я остановился и окинул взглядом владения Стэнтнора. Холодный ветер кусал щеки. Земля под затянутым тучами небом казалась бесцветной и унылой, как старое потускневшее олово. Как будто жизнь покидала ее вместе с владельцем.

На земле наступит весна. Но старик вряд ли увидит ее. Если я не найду отравителя.

6

Я вошел в главный холл и услышал затихающие шаги Черного Пита. Полутемный холл казался мрачным и заброшенным, как никогда. Я подошел к фонтану, оглядел еще раз возящегося с драконом героя. Что дальше? Осмотреть дом? Брр. Заранее дрожь пробирает. Почему бы не покончить сперва со служебными постройками?

Я почувствовал на себе чей-то взгляд. По привычке обыскал все темные углы. Блондинки не было. Вообще нигде никого. Тогда я поднял глаза и заметил какое-то смутное движение на балконе третьего этажа с восточной стороны. Соглядатай скрылся. Кто он? Один из многих, еще не виденных мною обитателей дома? Странно, почему они не показываются, рано или поздно я все равно со всеми встречу.

Я вышел через черный ход на улицу.

Сразу за домом начинался английский сад, на который я раньше не обратил внимания: Питерс хотел отойти подальше, чтобы мы могли спокойно поговорить. Теперь я осмотрел его.

Там было много причудливых каменных сооружений – статуй, фонтанов с сухими бассейнами (зимой вода замерзает, и лед разломал бы стенки бассейна). А еще изгороди, фигурно стриженные деревья, клумбы для весенних и летних растений. В сезон сад, возможно, производил впечатление, но осенью и зимой казался запущенным и печальным.

Я остановился у изгороди с северной стороны сада и огляделся кругом. Великолепный сад, но великолепие его какое-то призрачное. Но совсем одинок я не был. По крайней мере один человек следил за мной из окна третьего этажа западного крыла.

Имей в виду, что бы ты ни делал, Гаррет, куда бы ты ни пошел, за тобой следят.

Шагов через пятьсот за забором начинался ряд тополей. Их посадили, чтобы замаскировать служебные постройки: низменная сторона жизни оскорбляла взор господ. Так поступают богачи, они не желают знать, что их комфорт оплачен потом работников.

С полдюжины разных строений, в основном каменных, хотя это вовсе не тот камень, что пошел на постройку большого дома. Первое строение, очевидно, конюшня. Кто-то копошился

внутри: я услышал стук молотка. Второе, судя по запаху, предназначено для скота. За остальными строениями, включая теплицу справа от меня, давно никто не следил. Слева находилось длинное низкое здание, похожее на барак. Им тоже, наверное, не пользовались много лет. Я решил начать с теплицы.

Смотреть там оказалось практически нечего. На стекло угрохали массу денег, но так и не вставили. Несколько окон было разбито. Каркас, когда-то белый, нуждался в краске. Покосившаяся дверь осела, я с трудом приоткрыл ее и проник внутрь.

Никто не заходил сюда много месяцев. Все заросло сорняками. Единственным обитателем оказалась вороватая, одичавшая рыжая кошка. Завидев меня, она дала стрекача.

Небольшая основательная постройка слева, наоборот, носила следы многочисленных посещений. Выяснилось, что это колодец. Такой домина требует много воды, но я думал, она поступает по трубам, из резервуара.

Следующей была конюшня, ее я пропустил. С работающим там человеком поговорю потом, после разведки. Дальше – сарай поменьше, набитый всякими рабочими инструментами и сельскохозяйственными орудиями, с виду в плохом состоянии. Там жила другая кошка, много мышей, а летучих мышей, судя по запаху, целый батальон. Летучие мыши – самые вонючие твари на земле.

Коровник? Да, я не ошибся. Внизу скот – мясной и молочный; наверху – сено, солома, корма. Никого вокруг, кроме коров и еще нескольких кошек. По-видимому, были и совы, потому что летучими мышами не воняло. Хлев нуждался в ремонте. Коровы при моем появлении не проявили ровно никаких чувств, даже любопытства.

День клонился к вечеру, смеркалось. Лучше прервать осмотр. Скоро обед.

Здание, которое я про себя назвал баракком, вероятно, предназначалось для сезонных рабочих. Полмили в длину, пятнадцать дверей. За первой я обнаружил помещение, похожее на пыльную вместительную спальню. Следующая вела в меньшее помещение, разделенное на три комнаты: сразу с порога вход в большую, за ней две маленькие. Еще несколько дверей вели в такие же помещения, – должно быть, в них жили семейные рабочие. Непонятно назначение пустого, неиспользуемого пространства между квартирками.

В дальнем конце барака я обнаружил кухню размером со спальню. Вход в нее был с противоположной стороны здания. Взглянув на его фасад, я увидел и другие двери, что объясняло мнимую потерю площади. Просто часть квартир выходила на другую сторону. Кухня, темная, без окон, и в лучшие времена могла вызвать уныние. Дверь я подпер и оставил приоткрытой, чтобы свет проникал внутрь.

Ничего интересного. Пыль, паутина и кухонная утварь, которой не пользовались много лет. Еще одно заброшенное место. Странно, что все не растащили. Чего-чего, а воришек в Танфере хватает, а утварь имеет определенную рыночную стоимость. Неоткрытая золотая жила?

Дверь со стуком захлопнулась.

– Проклятый ветер, – пробормотал я и стал бочком пробираться в темноте, вспоминая, что находится между мной и выходом.

Кто-то задвинул заржавленный засов.

Это не ветер. Это человек, и человек, враждебно настроенный.

Положение неважноецкое, Гаррет. Поблизости ни у кого никаких дел нет. Толстые каменные стены. Я могу хоть обкричаться, никто не услышит. Дверь – единственный выход и источник света.

Я нашел ее, ощупал, легонько толкнул и фыркнул. А потом разбежался на несколько шагов и изо всех сил ударил в нее ногой.

Засов отскочил от сухого старого дерева. Я вырвался наружу с ножом наготове – и никого не увидел. Добежал до конца барака – все равно никого.

Проклятье! Я прислонился к стене. Что-то тут нечисто, даже если это не то, о чем думает Черный Пит.

Отдышавшись, я вернулся к кухонной двери и поискал следы. Кое-что заметил, но в сумерках как следует не разобраться.

Ладно. Ничего не поделаешь. Отправлюсь обедать и посмотрю, кого удивит мое появление.

7

Я опоздал: следовало бы заранее изучить дом. Я не знал, где едят, и отправился в кухню. Подождал, пока кухарка обратит на меня внимание. Она одарила меня убийственным взглядом:

– Ты чего сюда приперся?

– Жду, хочу выяснить, где мы едим.

– Болван. – Она подняла тяжеленную кастрюлю. – Бери и пошли.

Я повиновался. Мы протиснулись через покосившуюся дверку в просторную кладовую, прошли ее насквозь и вышли через такие же шатающиеся двери.

Столовая как столовая. В ней спокойно можно принять сотни три ближайших друзей. Большая часть помещения была погружена в темноту. Все сидели за одним из угловых столов. Украшения, как и во всем доме, доспехи, шпаги...

– Туда, – указала кухарка.

Нетрудно было догадаться, что она имеет в виду пустующее место. Я поставил кастрюлю на стол и уселся.

Народу было не много. Питерс, брюнетка, которую я утром поймал на месте преступления у своей сумки, плюс три парня, с которыми я раньше не встречался, и кухарка, устроившаяся напротив меня. Генерала, видимо, не ждали.

Девушка и незнакомые парни рассматривали меня. Сплошь морские пехотинцы в отставке, чего и следовало ожидать. Девушка выглядела отлично. Она переоделась в весьма соблазнительный наряд.

Гаррет, ты попался... Нет, авось пронесет. Было в ней что-то неприятное. Она излучала готовность, призыв, а хотелось отвернуться, отступить. Точно, есть в ней нечто опасное, недоброе, чувствуется раздвоенное копытце.

Как Морли учит? Ни в коем случае не связывайся с ненормальными бабами, у тебя и без того с головкой неладно. Взрослею помаленьку, не иначе. Конечно, в один прекрасный день и

свинья может взвиться в облака. Но перерасти это свое качество я планировал не раньше чем годков через шестьсот.

– Майк Секстон, – представил меня Питерс. – Он был со мной на островах десять лет назад. Майк, это наша кухарка. – Он указал на троллеобразную старуху.

– Мы уже знакомы.

– Мисс Дженнифер, дочь генерала.

– С ней я тоже встречался. – Я поднялся и через стол протянул девушке руку. – Раньше случая не представилось. Обе ваши ручки были в моей сумке.

Кухарка хихикнула, а Дженнифер посмотрела на меня так, будто прикидывала, в каком виде я вкуснее – в печеном или жареном.

– Деллвуда ты знаешь. Следующий за ним Каттер Хокес.

Хокес сидел слишком далеко, я не мог обменяться с ним рукопожатиями и просто кивнул. Он кивнул в ответ. Хокес был тощим субъектом с тяжелым взглядом серых глаз и впалыми щеками, лет пятидесяти пяти, несговорчивый на вид. Он походил скорее на сбившегося с пути попа, чем на старого служаку. Смешливый, должно быть, парень. И юморной – как булыжник.

– Арт Чейн.

У Чейна были разбойничьи черные, начинающие седеть усищи, немного волос на макушке и килограммов десять лишнего веса. Глазки тоже черненькие. Еще один тип с аллергией на смех. Он вообще не соизволил поздороваться. От счастья лицезреть меня он лишился речи.

– Фрэйдель Кид.

Кид был старше генерала, ему перевалило за семьдесят. Тощий, вялый, один глаз стеклянный, да и второй не больно хорош, взгляд у него поэтому был несколько неопределенный. Но зато он не производил впечатления человека, положившего жизнь на то, чтобы, не дай бог, не улыбнуться. И сейчас, когда Питерс назвал его имя, он улыбнулся. Это был тот самый человек, который при мне растапливал камин в покоях генерала.

– Рад познакомиться, мистер Секстон.

– Взаимно, мистер Кид.

Видите? Я могу вести себя по-джентльменски. Слухи, что Гаррет, мол, неотесанный грубиян, – клевета завистников, не более.

Дженнифер не дала мне приняться за еду:

– Что вы здесь делаете?

– Генерал послал за мной.

Все интересовались моей особой. Приятно иногда оказаться в центре внимания. Покойника пока в печку не засунешь, он и ухом не поведет.

– Зачем?

– Спросите его. Он сам вам скажет, если захочет.

Дженни прикусила язычок. Глаза ее метали молнии. Интересные это были глаза: голодные, кошачьи, – наверное, она могла видеть в темноте. В полумраке столовой я не разобрал, зеленые они или нет. Неопределенный, странный цвет, единственный в своем роде. Чертовски красивые глазки, но совсем не манящие.

– Чем же вы занимаетесь? – спросил старик Кид.

– Гм. Меня можно назвать дипломатом.

– Дипломатом?

Всеобщее изумление.

– Именно. Я привожу в порядок дела, заставляю людей изменить свое мнение, я вроде армии, но в миниатюре. Частные услуги.

Питерс предостерегающе взглянул на меня.

– Не меньше вашего, ребята, люблю хорошую беседу, – сказал я. – Но я проголодался, а вы все скопом на меня навалились. Разрешите отвлечься?

Они странно посмотрели на меня. Кухарка удивилась больше других, – может, она думала, что ошиблась на мой счет.

– Где остальные, сержант? – спросил я, помешивая кочергой в камине.

Питерс нахмурился:

– Все тут. Кроме Тайлера и Уэйна. У них свободный вечер.

– Снэйк, – добавил Кид.

– Да, точно. Снэйк Брэдон. Но он никогда не заходит в дом. Черт возьми. Не слинял ли он совсем? В последнее время он мне не попадался. Кто-нибудь видел Снэйка?

Отрицательные поматывания головой.

– Позавчера он приходил за продовольствием, – сказала кухарка.

Не хотелось задавать сразу слишком много вопросов, поэтому я не стал выпытывать подробности о Снэйке Брэдоне. Поймаю Черного Пита одного и обо всем расспрошу.

– Все равно не сходится, – сказал я. – Я слышал, что, не считая меня, в доме восемнадцать человек.

Все, исключая кухарку, выглядели озадаченными.

– Здесь уже много лет не было столько народу, – сказал Чейн. – Мы, кухарка, Тайлер, Уэйн и Снэйк, пытаемся помешать этому сараю развалиться на части.

Я проглотил кусочек. Кушанье было столь же вкусное, как за ланчем, но еще более непонятное. Кухарка явно с любовью относилась к своему искусству.

Вскоре молчание стало угнетать меня. Они молчали не в честь моего бенефиса. Они и без меня такие же разговорчивые.

– А блондинка? Кто она?

Я загнал их в тупик.

– Какая блондинка? – спросил Питерс.

Я смотрел на него секунд десять. Черт его разберет, может, и правда не понимает.

– Лет двадцати, весьма примечательная. Высокая, как Дженнифер, потоньше. Волосы почти белые, до пояса. Глаза, полагаю, синие. Робкая, как мышка. Одета в белое. В течение дня я засек ее несколько раз, она за мной наблюдала. А, припоминаю. Деллвуд, я ведь при тебе ее видел. Ты сказал, что это Дженнифер.

Деллвуд состроил недовольную гримасу:

– Да, сэр. Но я-то ее не видел и подумал, что это мисс Дженнифер.

– Я сегодня не надевала белого, – сказала Дженнифер. – Какое на ней было платье?

Я приложил все силы, чтобы описать его, и получилось неплохо. Заслуга Покойника: он научил меня наблюдать и описывать увиденное.

– У меня нет ничего подобного. – Дженнифер безуспешно пыталась говорить скучающим, безразличным тоном.

Они переглянулись. Похоже, никто из них действительно не знал, кто такая блондинка.

– Кто сейчас ухаживает за генералом? – осведомился я. – Если все вы здесь?

– Он спит, сэр, – ответил Деллвуд. – После обеда мы с кухаркой разбудим и покормим его.

– С ним никого нет?

– Он не хочет, чтоб с ним нянчились.

– Ты задаешь чертовски много вопросов, – взорвался Чейн.

– Привычка. Работа такая. Есть в доме пиво? Не помешало бы на десерт.

– Генерал не одобряет выпивку, сэр, – просветил меня Деллвуд.

Неудивительно, что у них так весело. Я сурово взглянул на Питерса:

– Вы не предупредили меня.

Сержант схалтурил. Выполни он свою работу как следует, он разузнал бы, что я жить не могу без пива. Питерс улыбнулся и подмигнул. Сукин сын.

– Неплохо приготовлено. Что бы это ни было. Помочь убрать со стола?

Все посмотрели на меня как на помешанного.

– Сам напросился – получай. – Кухарка поймала меня на слове. – Нагружайся, и за мной.

Я так и сделал, а когда вернулся за второй порцией, столовая уже опустела.

Надо выпросить у Питерса, как кухарка могла перепутать число обитателей дома.

8

После обеда я побрел к себе, подошел к двери и порылся в карманах в поисках ключа, который мне оставил Деллвуд. Но дверь была приоткрыта. Так.

Я не удивился. Чему удивляться после проделок Дженнифер и штучек в бараке?

Я остановился. Идти вперед, как кавалерия? Или принять меры предосторожности? Излишняя осторожность не в моем стиле. Но она способствует продлению жизни. Кроме того, меня никто не видит.

Я опустился на колени и проверил замок. На старой медной пластинке вокруг замочной скважины – несколько свежих царапин. Замок этот был просто примитивной железякой, открыть его мог любой, обладающий мало-мальским терпением. Я нагнулся и посмотрел в замочную скважину.

Ничего. Темнота. А я оставил лампу зажженной. Ловушка?

Если ловушка, то подстроил ее тупица, тем более что дверь была не закрыта до конца. Старые вояки, конечно, не спецы-взломщики, но вряд ли они допустили бы столь грубую ошибку. Но если это не ловушка, значит просто обыск. Но тогда они не стали бы тушить лампу и выдавать себя.

«Дезинформация», – мелькнуло у меня в голове. Словечко из игры в шпионов. Поставлять не просто ложную информацию, но больше информации, чем нужно, причем львиная доля ее ничего не стоит. Следовательно, тень сомнения ложится на всю получаемую информацию.

Я отошел, прислонился к стене и кивнул. Да, похоже, интуиция не подвела. Мне позволяет думать все, что угодно, большинство предположений не соответствуют истине, бесполезны или вводят в заблуждение. Мудрено сложить головоломку, когда кусочков у тебя в три раза больше, чем нужно.

Но что делать сейчас? Может, какой-нибудь невежа все же дожидается в темноте и жаждет пристукнуть меня.

Так почему бы не ответить ударом на удар?

Коридор был шириной добрых десять футов, слишком велик, как и все в доме, и точно так же завален металлическим хламом. Меньше чем в двадцати шагах от меня валялся панцирь. Я подтащил его и поставил у двери, затем отошел и потушил ближайшие лампы – затаившийся злоумышленник увидит лишь силуэт. Я встал за оловянным прикрытием, легонько толкнул дверь, держась на пару шагов позади панциря. Остановился, как бы удивленный.

Ничего не произошло. Я вернулся, взял лампу и внес ее в комнату. Никого, кроме меня и панциря-манка. Я проверил шкафы, спальню, гардеробную. Никого. Все вроде в порядке. Если кто и рылся здесь, то это был крупный специалист. Он замел малейшие следы. Не за что уцепиться.

Итак, что мы имеем? Некто старался, взламывал замок, просто чтобы потушить лампу?

Я закрыл дверь, похлопал панцирь по плечу:

– Шутки с нами шутят, дружище. Оставайся-ка под рукой.

Я оттащил его к платяному шкафу, запихал внутрь. Шкаф пришелся как раз впору. Потом я зажег лампы, одну отнес обратно в коридор, вошел внутрь, заперся и уселся к письменному столу обработать полученные за обедом сведения.

Дело не спорилось. Парочка кружек пива мне не помешала бы. Неплохая идея – смыться на время и заодно проконсультироваться со специалистами.

В ящике стола нашлись и бумага, и чернильница, чего там только не было! Я вынул и начал делать заметки: выписал имена тех, с кем встречался и с кем не встречался, и отдельно загадочную блондинку. Питерс, Деллвуд, генерал, кухарка, Дженнифер, Хокес, Чейн, Кид, выходные Тайлер и Уэйн и некий Снэйк Брэдон, асоциальный тип, который не заходит в дом. Некто по имени Кенди, его теоретически можно не считать, потому что он давно пропал. Хэркорт, который ухитрялся протаскивать в дом подружек, но ушел полгода назад.

Кухарка говорила – восемнадцать. Но у меня выходит одиннадцать плюс таинственная блондинка. В морской пехоте это называлось недосчитаться личного состава.

Стук в дверь.

– Да?

– Майк, это Питерс.

Я впустил его:

– В чем дело?

– Я принес список пропавших вещей. Не ручаюсь за его полноту. Не те вещи, которые видишь каждый день и сразу замечаешь, когда они пропадают.

Он вручил мне пачку бумаги. Я сел и просмотрел ее:

– Много всего.

Мелочишка. Напротив каждого пункта стояла предполагаемая цена. Золотые медали, ювелирные украшения, принадлежащие давно покоящимся суровым и грубоватым отставным морским пехотинцам. Декоративное оружие.

– Если хочешь, я могу пройти по комнатам и составить более подробный список. Но трудно сказать, что пропало: никто не знает, где какая вещь должна находиться.

– Не стоит. Вряд ли это поможет напасть на след. Вор, судя по всему, действовал с оглядкой.

Но и без дополнений итог получился такой, что у меня глаза на лоб полезли.

– Двадцать две тысячи?

– Я постарался максимально точно прикинуть стоимость металла и камней. Но у скупщиков, полагаю, цена будет куда ниже.

– Да, но частично это компенсируется художественной ценностью. Эти вещи не какая-нибудь рухлядь, они не могли испариться без следа.

– Возможно.

– Нам поручено найти вора? – Именно об этом просил меня генерал.

Я понимал чувства Черного Пита.

– Старика не долго осталось. Он не должен сойти в могилу с таким грузом: зная, что кому-то сошло с рук воровство.

– Верно. Я найму еще одного человека, он поработает со скупщиками. Иногда удастся выйти на вора с другого конца. Дайте мне описание четырех-пяти примечательных вещей из списка.

– За это придется заплатить дополнительно?

– Да. А что, жаль генеральских медяков?

– Нет. Но я не привык доверять без оглядки. Тебе еще что-нибудь нужно?

– Мне нужно побольше узнать о здешних жителях. – Я взглянул на свой список. – Считая трех парней, которых я не видел, и не считая мою милочку-привидение, получается одиннадцать. Кухарка говорит – восемнадцать. Где еще семь?

– Говорю тебе, у нее крыша едет. Она здесь с тех пор, как построили первый дом. Я не преувеличиваю, она не знает, какой год на дворе. Когда мы только приехали из Кантарда, было восемнадцать человек, считая ее и Дженнифер. Было и больше, пока генерал не разогнал прежних слуг. Теперь – одиннадцать.

– Куда делись остальные?

– Сэм и Тарк умерли сразу. Уэллек, когда мы случали коров, подошел к быку не с той стороны, и бык его забодал. Остальные просто разбегались. Они были сыты по горло, появлялись здесь все реже и реже, а потом ушли совсем.

Я наклонился, достал чистый лист бумаги, разделил пять миллионов на два и отделил два с половиной миллиона Дженнифер. Потом разделил два с половиной на шестнадцать, и вышло сто пятьдесят шесть тысяч с мелочью.

Неплохо. Я никогда не встречал человека, способного пройти мимо такой суммы, все равно, в золоте или в серебре.

Я произвел еще кое-какие вычисления. Два с половиной миллиона на девять выходит двести семьдесят тысяч с мелочью. Черт возьми, вдвое больше.

Эге, да здесь еще что-то происходит!

Но я не высказал своих догадок вслух, затаил их в уме.

– Есть какие-нибудь предположения? – спросил Питерс.

– Да нет.

Предпримем несколько отвлекающих маневров.

– Нелегко во всем разобраться. Можно ли отыскать тех четырех? И мне надо побольше узнать о завещании генерала.

Он нахмурился:

– Зачем?

– Большое поместье. Вы сказали, он использовал наследство как стимул заставить людей работать? Четырех он, выходит, обидел. Может, один из них пытается взять реванш, свести счеты – с помощью кражи или даже отравления.

– Ты меня озадачил.

– Еще не все. Копия завещания. И выяснить, не было ли трений между генералом и теми четырьмя.

– Но ведь ты не думаешь, что они тайком возвращаются назад и...

Я не думал, нет. Я думал, что они давно покойники. Я настолько доверяю людям, что сейчас не сомневался – играет кто-то из оставшихся, причем играет дьявольски тонкую игру. В таком случае этот кто-то невиновен в покушении на старика. Ему генерал нужен живым и здоровым, пока не уменьшится число наследников. Этот кто-то даже мог пригласить детектива со стороны... если представить, что у него были серьезные причины для беспокойства.

– У кого-нибудь есть запасной ключ от моей комнаты?

Вопрос застал его врасплох.

– У Деллвуда. А почему...

– Пока я обедал, кто-то сломал замок и проник внутрь.

– Зачем бы...

– Ну а зачем кому-то убивать генерала? Если этот кто-то существует, его должно нервировать мое присутствие. Что вы все делали, разойдясь после обеда?

Призовем на помощь логику. Исключим меня и кухарку, потому что я этого не делал, а она была со мной. Исключим из числа подозреваемых Деллвуда, потому что ему не требовалось взламывать замок. Питерса, потому что он знает обо мне. Исключим и тех, кто был с ними.

– Деллвуд собирался пойти к генералу и приготовить его к обеду. Полагаю, Дженнифер пошла с ним, как обычно. Она ждет, пока кухарка принесет еду, и кормит старика, если сам он не в силах. Я был у себя и составлял список.

– Угу. – Я с минуту подумал. – Есть проблема, сержант. Приходится всем объяснять, почему я здесь. Мне нужно задавать вопросы. Нужно использовать все лазейки, дергать за все ниточки. Не обойтись без надежной крыши. Кухарка уже ругается, что я не в меру любопытен.

– Я надеялся, но не очень верил, что ты сможешь работать, не выдавая себя.

– Сколько людей знает о пропаже безделушек? И сколько знает о ваших подозрениях? Почему бы не сказать правду? Сказать, что старик нанял меня искать вора. Они могут найти это забавным, если думают, что дело в его больном воображении. А предполагаемый убийца расслабится. Другие же, если я докажу, что старика в самом деле обкрадывают, станут относиться ко мне с большим доверием. Верно?

– Предположим, – без особого энтузиазма отозвался Питерс.

– Давайте сделаем так. Пусть все знают, но думают, что я не знаю, что они знают. Пусть смеются над новой фантазией генерала.

– Хорошо. Что-нибудь еще?

– Нет. Я хочу завалиться поспать. Собираюсь завтра с утра смотаться в город, велеть кому-нибудь заняться краденными вещами.

– Это намек?

Так оно и было.

– Я не нарочно, но, выходит, намек.

– Увидимся утром.

Он вышел. Я запер за ним дверь и вернулся к письменному столу.

Похоже, здесь три загадки. Кто обкрадывает генерала, кто пытается убить его и кто сокращает число наследников. Можно предположить, что три преступления, если они действительно совершаются, не зависят друг от друга. Кража еще не убийство, а убийство генерала не в интересах того, кто пытается увеличить свою долю.

Боже, сколько негодяев на мою бедную голову!

Я пошел спать. Вряд ли Питерс, зная мои привычки, поверил мне. Но мне действительно необходимо было успеть выспаться до трех часов утра.

9

Обычно я своим временем располагаю сам – когда захочу, ложусь, встаю тоже когда захочу плюс-минус десять минут. И на этот раз я проснулся как раз вовремя.

И еще глаз не успел открыть, как сразу ощутил чье-то присутствие. Не знаю как. Возможно, звук, такой тихий, что до сознания он не дошел. Почти неуловимый запах. Или шестое чувство. Как бы то ни было, я знал, что в комнате кто-то есть.

Я лежал на левом боку, лицом к стене, укутавшись пуховым одеялом, так что даже под угрозой пытки раскаленным железом быстро повернуться не мог и попытался сделать это осторожно, медленно, будто просто ворочаюсь во сне.

Обман не удался. Я увидел только кончик платья выскользнувшей из спальни блондинки.
– Эй! Постой! Я хочу поговорить с тобой.

Умчалась.

Выкарабкиваясь из кровати, я запутался в покрывале и проворчал про себя пару ласковых. Молодчина Гаррет, крепко стоишь на ногах. Настоящий гимнаст, ловок, как кошка. Я вышел в гостиную. Ее не было. Никаких следов. Дверь заперта.

Я зажег несколько ламп и осмотрел приемную. Дверь вроде бы не скрипела, ключ в замке не поворачивали – ничего не было. В этом проклятом доме с привидениями есть небось потайные ходы, раздвижные панели и так далее, а может, и подземная тюрьма, и кости, погребенные под фальшивым фундаментом.

Наплевать, все равно славно проведу время, пусть даже в компании духов и привидений.

Я подошел к окну. Светало, на чистом небе виднелся бледнеющий серп месяца.

– Ну же. Не халтурьте. Подавайте мне гром и молнию, и туман над торфяными болотами, и зловещие завывания в ночи.

Вернувшись, я осмотрел комнату, но потайных ходов не обнаружил. Придется заняться этим попозже, когда будет время ощупать стены и все такое. А сейчас пора выбираться потихоньку, пока никто из обитателей дома меня не заметил.

Я перетащил своего оловянного друга из шкафа в спальню, снял с подпорки, которая поддерживала его в вертикальном положении, и уложил в кроватку. Любой злоумышленник решит, что я дома, это куда лучше, чем гора подушек. Я накрыл панцирь простыней, и стало совсем хорошо.

– Приятного отдыха, старина.

Мне не нравилось, как идут дела. Кто-то настроен отнюдь не дружелюбно. Я прихватил свой любимый во всех спорах аргумент – увесистую дубинку со свинцовым набалдашником – и выскользнул в коридор.

Там было пусто. Горела лишь одна лампа: бережливый Деллвуд экономил масло. Кроме него и кухарки, я больше никого не видел за работой.

Надо выяснить, чем занимаются остальные. Спрошу при случае Питерса.

Я прошел в восточный конец коридора, к маленькому окошку, выходившему на улицу. Снаружи ничего – полумрак и звезды. Вурдалаки и вампиры нынче выходные. Я направился к первой слева двери.

Кроме меня, на этом этаже никого не было, поэтому, не стараясь соблюдать тишину, я спокойно взломал замок и вошел, лампа в левой руке, дубинка в правой. Напрасная предосторожность – комната оказалась просто затянутой паутиной каморкой. Никто сюда не заходил минимум лет десять.

Я бегло осмотрел ее и отправился в следующую комнату – на другой стороне коридора, наискосок. То же самое.

И так повсюду на этаже, за исключением последней комнаты. В ней сохранились следы недавнего посещения: местами пыль на камине лежала не таким толстым слоем, как будто что-то передвигали – подсвечники или другие небольшие предметы. Я попытался прочесть что-нибудь по следам на полу. Всегда надеешься отыскать нечто сногшибательное: отпечаток слоновьего копыта или двупалой босой ноги. Надежды мои не оправдались. Посетитель волочил ноги, хотя, вероятно, не нарочно. Среднестатистический вор о таких вещах не задумывается.

Обыск затянулся. Я решил быстренько все обойти, а детальный осмотр оставить на потом. По крайней мере, буду знать, где что находится.

По лесенке с перилами я поднялся в мезонин. Мезонин представлял собой одну огромную комнату размером больше главного холла, загроможденную хламом таким же пыльным, как и комнаты внизу. Узкий проход вел к лестнице. Это был самый короткий путь на четвертый этаж западного крыла.

Другой вариант: спуститься на второй этаж и пройти через него к узенькому балкончику над черным ходом – с этого балкончика ораторы некогда обращались к собравшейся внизу толпе. Неплохо также пройти через мезонин в западное крыло, вернуться на первый этаж, а потом снова подняться.

Западное крыло оказалось обитаемым. В комнаты проникнуть не удалось. Может, завтра ночью. В городе надо будет показать слесарю мой ключ, чтобы он сделал отмычку для замков такого типа.

Коридор четвертого этажа, прогулка по балкону. Ничего. Как и на третьем. Но некоторые отличия от моей части дома все же имелись. Коридоры уже и короче, в конце их – двери, ведущие в покои хозяев. Из-под двух дверей пробивался свет. Кто-то или полуночничает, или боится темноты.

На втором этаже было только пять больших помещений, наверное для почетных гостей, графов, герцогов, адмиралов и прочих равных им по чину господ.

Первый этаж предназначался для хозяйственных нужд. Судя по всему, в былые времена в западном крыле велись дела имения. Двери в некоторые комнаты были открыты. Я отважился зайти и ничего не нашел.

Из западного крыла я направился в восточное, где, как я знал, располагались кухня, кладовые, столовая. Я уже проходил через него, но не имел возможности удовлетворить свое любопытство.

Я прошел мимо героя, упрямо пронзающего дракона, и вдруг мною снова овладело знакомое, леденящее душу чувство. Я оглянулся и никого не увидел. Моя поклонница-блондинка? Черт побери, она что, в самом деле привидение?

Не поймите меня превратно. В том доме даже в полдень дрожь пробирала, он словно явился из истории с привидениями. Но я не допускал мысли, что они действительно водятся в нем. Мир полон странного, таинственного и сверхъестественного, но в данном случае это ни при чем. Деньги, презренный металл, – вот корень здешних интриг.

Подробное знакомство со столовой показало, что первое впечатление не было обманчивым. Просторная комната, украшенная обычными в берлоге Стэнтноров предметами. Потрясающе: в скольких же битвах они участвовали?

Высокий потолок наводил на мысль, что второй этаж восточного крыла меньше первого. Верно. Я выяснил это, осмотрев кладовую.

Дверь ее открывалась на лестничную клетку. Одна лестница вела наверх, вторая – вниз. Внизу было темно, как у вампира в сердце. Я пошел наверх. Лестница привела меня на склад домашней утвари. Некоторые предметы выглядели так, будто лежали здесь с начала века. Кто-то из покойных ныне Стэнтноров сэкономил, закупив товары оптом. Все в полном порядке, хоть пол не подметен и пыль никто не вытирает. Множество мошек налетело на свет моей лампы.

Зачем понадобилось отводить под склад такое большое помещение?

Я подошел к куче дубовых балок толщиной дюйма по четыре, обитых по краям железом. На каждой мелом был поставлен номер – белый на потемневшем металле. Любопытно. Я пригляделся. Ага, ставни. Ставни, чтобы защищать окна при осаде, они, должно быть, ровесники самому дому. Использовались ли они когда-нибудь? Во всяком случае, не в нашем столетии.

В конце восточного крыла я обнаружил комнату-сейф. Дверь была закрыта на щеколду, но не заперта. Склад оружия. С таким вооружением можно провести целую кампанию – если не хватит того, что развешено на стенах в жилых помещениях. Стальные части смазаны, деревянные покрыты парафином. Приятная, нечего сказать, обстановка была в стране во времена постройки этого дома.

Я слишком долго задержался на складе. Кухарка уже гремела посудой. Мне удалось незаметно проскользнуть мимо кухни.

В коридоре четвертого этажа я вновь заметил белое платье. Моя прекрасная загадочная дама. Я послал ей воздушный поцелуй.

10

В моей комнате вновь побывал непрощенный гость. На этот раз он удалился в спешке: ключ торчит в замке, дверь открыта. Почему – я понял, войдя в спальню.

Он убил панцирь. Вошел, прикончил беднягу старинным боевым топором и оставил истекаль кровью. Топор он бросил на месте преступления.

Я рассмеялся. Пари держу, он в штаны наложил со страху: перепугался, что угодил в западню.

Но веселость моя быстро прошла. Я хожу по краю пропасти, следующее покушение может стать последним. Необходимо принять меры.

Я заперся, спрятал ключ в карман: он был не идентичен моему, а значит, мог послужить отмычкой. Затем я вытащил своего оловянного приятеля из кровати и вынул из него топор:

– Извини. Мы им еще отомстим.

Топор я укрепил над дверью в спальню. Теперь уж не обессудьте, мысленно обратился я к своим врагам, встреча будет не очень гостеприимной. Только потом я прилег вздремнуть часок.

К завтраку я явился первым. Кухарка хлопотала вовсю.

– Помочь?

– Работы хватит на десятерых. Не знаю, чего ты добиваешься, парень, чего подлизываешься, но не сомневайся, я этим воспользуюсь. Загляни в печь – как там булочки.

Я повиновался:

– Через несколько минут можно вынимать.

– Ты смыслишь что-нибудь в выпечке?

Я объяснил ей заведенный у меня порядок. Черной работой и готовкой занимается Дин. Но он научил и меня. Дин – хороший повар, и я тоже сносно готовлю, когда приходится. Например, когда отпускаю Дина, чтобы принять кое-кого без свидетелей.

– Не знаю, врешь ты или нет. Врешь, наверное. Я никогда не встречала мужика, умеющего готовить.

Я не стал говорить ей, что, по мнению Дина, стоящие повара только мужчины.

– Свести бы вас вместе. Интересно, что получится?

– Угу. Пора, вынимай булочки и тащи сюда горшок с маслом.

Я понюхал масло:

– Свежее.

– Снэйк только что принес.

– Он будет завтракать с нами?

Она засмеялась:

– Только не Снэйк. Он ни с кем не разговаривает. Просто берет продукты и уходит. Не очень-то он общительный, наш Снэйк.

– А что с ним такое?

– С головой не в порядке – после Кантарда. Он пробыл там двадцать лет и не получил ни царапины. Снаружи. – Она покачала головой и принялась накладывать на деревянную доску колбасу и бекон. – Печальная история. Я знала его мальчуганом. Славный был парнишка. Чересчур нежный и чувствительный для морской пехоты. Но он считал, что должен попробовать. И вот теперь он совсем старик и мозги набекрень. Он здорово рисовал, этот парень. Мог бы стать великим художником. У него глаз был волшебный. Все видел насквозь и рисовал, что видел. Что сверху лежит, каждый дурак нарисует, подумаешь, хитрость. Но чтоб видеть правду, нужен особый талант. Парень видел ее. Ты что, вознамерился торчать здесь и чесать языком до самого ланча или все-таки собираешься поест?

Я занялся посудой и не стал говорить кухарке, что она мне и словечка не дала вставить.

Она не унималась:

– Я говорила старику – он тогда как раз был произведен в генералы: стыд и срам держать в армии такого парня. Повторила еще раз, когда он вернулся. А генерал мне сказал: «Твоя правда, кухарка, грех это, он много чего мог бы сделать для людей. Но не запретишь же ему». А Снэйк, упрямый осел, вообразил, что его долг – идти с хозяином на войну.

В кухне постепенно собирался народ. Я заметил два новых лица – Тайлера и Уэйна. Похоже, ночка у них выдалась бурная. Все брали свои приборы и шли в столовую.

– Тайлер и Уэйн? – спросил я кухарку.

– Как ты догадался?

– Так и догадался. Есть еще кто-нибудь, кого я не видел?

– Кому еще здесь быть?

– Не знаю. Вчера вы сказали, их восемнадцать человек. Я видел десятерых плюс робкий Снэйк и блондинка, которая показывается только мне. Восемнадцать никак не набирается.

– Восемнадцати и нет.

– Вы сказали – восемнадцать.

– Слушай, парень, мне четыреста лет. Мне нужно сосредоточиться, чтоб вспомнить, где я нахожусь. Я только готовлю, накрываю на стол и мою посуду – до другого мне и дела нет. Хожу туда-сюда. Ничего не вижу, ни с кем не говорю. Когда я последний раз поднимала глаза, их было восемнадцать, считая меня. Наверное, прошло какое-то время. Эге, может, поэтому остается так много обедков: я-то готовлю на восемнадцать человек.

– Я не заметил, что на столе слишком много приборов.

Она помолчала.

– Пожалуй, ты прав.

– Вы давно у Стэнтноров?

– Я пришла к ним совсем сопливой вместе с мамой. Давным-давно, когда Карента еще была империей. До того, как Стэнтноры переехали в новый дом. Ему-то от силы лет двести. Славный получился домик, как игрушечка. Теперь-то он старый стал, ветхий.

– Должно быть, немало вы повидали на своем веку.

– Да уж кое-что повидала. В этой самой столовой мне случалось прислуживать королям, маршалам и адмиралам.

Разговор наш оборвался: она направилась в столовую. Я пошел следом. Особых эмоций мое появление не вызвало. Досады никто не проявил, но и кувыркаться от радости никто не собирался. Мрачное сборище.

Эти ребята провели вместе всю жизнь. О чем им говорить? Они уже все сказали друг другу. Я не в первый раз попадал в такую компанию. Иногда это чувствуется сразу, без слов.

Тайлер и Уэйн были типичными морскими пехотинцами. Независимо от физических отличий служба в армии накладывает определенный отпечаток. Тайлер – тощий, узколицый, с тяжелым взглядом карих глаз, волосы цвета соли с перцем, густая, пегая борода коротко и аккуратно подстрижена. Уэйн моего роста, килограммов на десять тяжелее, но не толстый. Крепкий на вид – если как следует разозлить, справится с пятью бешеными быками. Дюйма на четыре выше Тайлера, светловолос, с ледяными синими глазами. И все же они похожи, как близнецы.

Я пять лет провел в обществе таких людей. Любой из них, если ему западет в голову, способен на убийство. Человеческая жизнь для них почти не имеет цены: слишком много смертей они видели.

Но есть одна загвоздка. Морские пехотинцы – ребята прямые. Понадобись кому пришить старика – он и пришил бы. Если, конечно, нет веских оснований убивать его постепенно. К примеру, увеличение своей доли наследства – чем не основание?

Гадать бесполезно, и бесполезно торопить события.

Я помог кухарке убрать со стола и собрался в дорогу.

11

Я не был у Морли несколько месяцев. Мы не ссорились, просто не было необходимости и не хотелось, будто корова, щипать травку, которой потчуют в его ресторане. Я пришел в девять. Заведение было закрыто. Ресторан Морли работает с одиннадцати вечера до шести утра и обслуживает всех мазохистов, готовых питаться одними овощами.

Кто только здесь не бывает! Даже некоторые из моих лучших друзей, мне тоже волей-неволей иногда приходится.

Итак, девять часов. Закрыто. Я подошел к черному ходу и постучал условным стуком, то есть колошматил в дверь и вопил, пока подручный Морли Клин с пятифутовым куском свинцовой трубы в руках не изъявил желание сделать из меня яичницу.

– Я по делу, Клин.

– Еще бы... стал бы ты так горячиться из-за вегетарианской жрачки. И носа не кажешь, пока чего не понадобится.

– Я плачу за услуги.

Он фыркнул. Он не доверял мне, считал, что я использую Морли, поскольку и он нередко втягивает меня в разные опасные предприятия, не спрашивая моего согласия.

– Звонкой монетой, Клин. И Морли не приходится даже задницу от кресла отрывать – у него всегда есть мальчик на побегушках.

Клин помрачнел: он как раз был одним из этих мальчиков. Но дверь не захлопнул.

– Проходи.

Он посторонился, запер дверь и провел меня через кухню, где повара резали капусту, к бару. В баре он сунул мне кружку яблочного сока, буркнул: «Жди» – и пошел наверх.

Зала была голой, тихой и унылой. Здесь не часто собирается много народу.

Морли Дотс – безжалостный негодяй, кровопийца и шантажист. Как и те, кто на него работает. Он паразит, использующий в своих грязных целях самые темные стороны человеческой натуры. В этом ему нет равных, разве кое-кто из парней Чодо Контагью.

В общем, Морли Дотс – квинтэссенция всего, что я ненавижу. Когда-то я и сам был таким, но, твердо решив исправиться, отделался от подобных субъектов. Но Морли я люблю. Ничего не поделаешь – любовь зла.

Клин вернулся и печально провозгласил:

– Он помешался на здоровье.

– Подумаешь, новость! Да он из кожи вон лезет, лишь бы обратить еще кого-нибудь.

Морли – единственный в своем роде убийца-вегетарианец. Он ужасно переживает, что его ближние губят свое здоровье, поедая мясо, не дожидаясь, пока он самолично перережет им глотки. Сдается мне, логика у него хромает. Впрочем, я могу ошибаться.

– Он выдумал что-нибудь новенькое? В последний раз, когда я его видел, он зарекся играть в азартные игры и пытался отказаться от женщин. Но без них он и дня не протянет.

– Да, с этим покончено. Напомни ему. Сейчас у нас на повестке дня режим. Рано ложиться, рано вставать. Он уже на ногах, оделся, поел и делает зарядку. Нет, только подумай! Год назад в это время суток я не мог его вытащить из постели даже под страхом смерти.

– Ну уж... Разве ты не веришь в чудеса? Стоило посулить ему солидный куш и...

– Он зовет тебя наверх. Налить еще?

– Давай. Все равно ничего покрепче у вас не дождешься.

Клин подмигнул – Морли так и не удалось обратить его – и наполнил мою кружку. Я захватил ее и поднялся в кабинет Морли, представлявший собой надстройку над основным помещением ресторана. Я, можно сказать, ближайший друг Морли, но во внутренние покои мне путь заказан: я чересчур коротко подстрижен, не крашу губки и не подвожу глазки.

Дотс приседал как заведенный, у меня от одного этого зрелища заболел живот.

– Для своего возраста ты в неплохой форме, – похвалил я.

Черт его разберет, может, это врожденное. В жилах Морли течет кровь эльфов, а они долго сохраняются.

– Ты, видно, снова взялся за работу, – заговорил он без малейшего напряжения, не переставая приседать.

Да, зарядка и мне не помешала бы. В моем возрасте, стоит распуститься, восстановить форму уже нелегко.

– С чего ты взял?

– Без дела ты сюда не заходишь.

– Неправда. С Майей я приходил почти каждый день.

Раньше, до нашего разрыва.

– Ты проворонил настоящую жемчужину, Гаррет.

Морли перевернулся и начал отжиматься.

Темная кровь эльфов в нем почти незаметна. Он выглядел просто невысоким, стройным темноволосым мужчиной в отличной форме. Морли легок на ногу. Вокруг него всегда атмосфера риска и приключений, но без угрозы, поэтому женщины находят его неотразимым.

– Наверное, ты прав. Мне порой недостает ее. Славная малышка.

– И прехорошенькая. А с Тинни как? Встречаетесь?

Моя подруга Тинни Тейт – рыженькая, темпераментная девица. У нас с ней весьма бурные и непредсказуемые отношения.

– Встречаемся. Если ей не взбредет в голову наказать меня, лишив своего общества.

– Хорошо, что ты не проболтался ей о Майе. За все время нашего знакомства других разумных поступков за тобой не числится.

Морли быстренько отжался положенные пятьдесят раз и вскочил. Он даже не вспотел. Мне ужасно захотелось пнуть его в зад: ничего не поделаешь, зависть – страшная штука.

– Ты слышал о генерале Стэнтноре?

– Командовал морской пехотой?

– Именно.

– И что же?

– Парень, что работает у него, – мой бывший сержант – потребовал вернуть старый должок. Он хочет, чтобы я кое-что сделал для старика.

– Ты делаешь что-то просто так, ради самой работы? Все-таки ты редкий экземпляр, Гаррет.

– Знаю. Я как собака – пальцем не шевельну, если не голоден.

– Короче. Я-то работаю всегда, и работы у меня навалом.

– Старик умирает. Сержант думает, что его пытаются убить. Медленно, чтоб было похоже на изнуряющий недуг.

– Его в самом деле убивают?

– Не знаю. Он болен уже давно. Ты представляешь, как это можно сделать?

– Какого он цвета?

– Цвета?

– Ну да. Есть яды, которые действуют постепенно, накапливаясь. Распознать их можно по цвету лица больного.

– Он болезненно-желтый. Волосы выпадают клоками. Кожа точно прозрачная.

Морли наморщил лоб:

– Ни синего, ни серого?

– Желтый. Как помадка.

Он покачал головой:

– Ничего не могу сказать.

– Он еще страдает припадками.

– Бешенства?

– Сердечные или что-то в этом роде.

– Ни на что не похоже. Если б увидеть его...

– Да. Но вряд ли это можно устроить. Они там все с приветом, не выносят чужаков.

Я бегло описал ему обитателей дома Стэнтнора.

– Похоже на психушку.

– Вроде того. Все они, кроме кухарки и Дженнифер, лет по тридцать прослужили в морской пехоте, главным образом в Кантарде.

Морли усмехнулся:

– От комментариев воздержусь.

– Молодец. Избегайте соблазнов, и мир станет чуточку лучше. Еще одно. Старик воображает, что я занят поисками вора. Кто-то крадет его серебро и военные трофеи. – Я протянул список, Морли начал читать. – Я заплачу дополнительно тому, кто возьмется разведать, не проходят ли некоторые из этих вещей по обычным каналам.

– Плоскомордому нужна работа.

Плоскомордый Тарп – наш общий приятель, что-то среднее между Морли и мной. Он совестливей Дотса и честолобивей меня, но огромный, как дом, и кажется недоумком. Тарпа трудно принимать всерьез, и ему редко достается хорошая работа.

– Ладно. Я заплачу по обычным расценкам. Плюс если найдет что-нибудь из списка. Плюс если опишет вора.

– Деньги при тебе?

Намек понят. Я выплатил ему аванс.

– Мы с Плоскомордым благодарим тебя, – сказал Морли. – Конечно, хочется сделать одолжение старому товарищу, но задаром это чертовски скучно. Особенно если старик просто помирает своим ходом.

– Что-то там происходит. Меня пытались замочить.

Я вкратце рассказал ему.

– Вот бы посмотреть на физиономию того парня. Он вдарил топором, а ты зазвенел как колокол, – заржал Морли. – Однако тебе повезло.

– Надо полагать.

– В чем же, по-твоему, суть дела?

– Не знаю. Деньги? Больше там ничего нет. У старика примерно пять миллионов. Сын его умер. Жена умерла двадцать лет тому назад. Его дочь Дженнифер получает половину, а другая половина переходит к его приятелям – морским пехотинцам. Три года назад было семнадцать наследников. С тех пор двое умерли, предположительно естественной смертью, одного забодал бешеный бык, а четверо пропали. Посчитать нетрудно: доля оставшихся в живых почти удвоилась.

Морли уселся, положил ноги на стол и поковырял зубочисткой в жемчужно-белых зубах. Я не мешал ему думать.

– Да, в этом муравейнике может подняться довольно паршивая возня.

– Такова уж человеческая природа.

– Я не любитель держать пари, но тут можно смело ставить на жадность. Кому-то не хватает его доли.

– Такова уж человеческая природа.

– Никто не пройдет мимо таких денег. Ни ты, ни я, ни даже святой. Думаю, ты копаешь в правильном направлении.

– Беда в том, что мне никак не удастся увязать все вместе. Если я найду вора – кстати, зачем воровать, когда тебя ожидает огромное наследство? – не станет ни на йоту ясней, кто убивает генерала. Для того, кто сокращает число наследников, это смысла не имеет. Ему, наоборот, надо, чтоб старик протянул подольше.

– Что будет, если дочка сыграет в ящик раньше его?

– Проклятье!

Это же очень важно, а мне и в голову не приходило. Если все перейдет к служакам, ей надо держать ухо востро.

– Странно, по их поведению не заподозришь, что они знают о происходящем. Похоже, они настроились жить себе поживать тихо-мирно. Они и не думают следить друг за другом, а я, пробыв там всего день, сразу заметил, что дело нечисто.

– Вы, сыщики, дальше своего носа не видите.

– Ты о чем?

– Ведь они все старые товарищи. Кому-то одному взбрело на ум разбогатеть, перерезав остальных. Но кто же заподозрит своего старого кореша? Представь только, через что они прошли вместе.

Он прав. У меня тоже такое в голове бы не уместилось. Нельзя вдруг перестать доверять старому товарищу, с которым провел бок о бок много лет. Невозможно вообразить, что он так изменился.

– В конце концов, может, так оно и есть: трое умерли естественной смертью, а четверым надоели заведенные в доме порядки, и они ушли, наплевав на деньги.

– А земля плоская и стоит на трех китах.

– Ты пессимист.

– Я реалист. Ты разуй глаза. На днях тридцатилетний мужик зарезал отца с матерью за то, что они не дали ему денег на бутылку. Такова жизнь, Гаррет. Люди – хуже самых жутких чудищ из ночных кошмаров. – Он усмехнулся. – Тебе еще повезло: никакой мистики – ни вампиров, ни оборотней, ни ведьм, ни колдунов, ни встающих из могил мертвецов. Всякая дрянь не путается под ногами.

Я фыркнул. Такие штуки встречаются не на каждом шагу, но они тоже часть жизни, и рано или поздно приходится с ними сталкиваться. Лично меня чертовщина интересовала мало. Впрочем, мне еще не довелось иметь с ней дело.

– Кажется, я видел привидение.

– Чего?

– Привидение. Я все время вижу женщину, которую никто не впускал в дом. Никто больше ее не видит. Если они не морочат меня, но, скорее всего, морочат.

– Или тебе мерещится. Роскошная блондинка, верно?

– Блондинка. Недурна.

– Ты просто грезишь наяву.

– Ну, со временем узнаем. Меня еще кое-что тревожит, но пока не могу выразить словами, что именно.

– Пустяки, наверное.

– Пустяки? Лучше мне вернуться туда.

– У тебя есть с собой что-нибудь эдакое? Неприятно думать, что ты в окружении убийц – и не вооружен ничем, кроме зубов и ногтей.

– Есть пара штучек.

– Всегда у тебя что-нибудь припасено, – хмыкнул Морли. – Смотри не поворачивайся ни к кому спиной.

– Не буду.

Я уже закрывал дверь, когда Морли окликнул меня:

– А дочка, какая она из себя?

– Двадцать с небольшим. Красотка, но не из разговорчивых. Испорченная девчонка, надо полагать.

Он задумчиво поглядел на меня, передернул плечами, встал из-за стола, опустился на пол и снова принялся за отжимания. Я хлопнул дверью: тяжело смотреть, как человек сам себя мучает.

12

Я повернул на юг, весьма довольный собой: я знал своего Морли, любопытство погубит его. Он умрет, а выяснит, где собака зарыта. Всех поднимет на ноги, все вверх дном перевернет, но разузнает, что происходит у Стэнтноров, если что-нибудь происходит.

Когда я вышел за Южные ворота, самодовольство улетучилось. Начал моросить дождик. Я обругал себя за недоверие к лошадям. Черт возьми, не умеешь ездить верхом, нанял бы карету: ведь карету можно отнести к необходимым расходам, и пускай Стэнтнор платит. Расходы – удивительно гибкая статья, особенно если клиент не имеет возможности контролировать тебя.

До поместья я добрался уже насквозь мокрый. Странно. Большинство крупных загородных поместий имеют названия «Клены», «На ветру», иногда и вовсе бессмысленное, типа «Британский камень». Но у Стэнтноров – точно не имение, а лачуга овцевода. Поместье Стэнтноров – и все. Старинное семейное жилище, роскошное, как музей, но ни для кого оно не стало домом, никому не пришло в голову дать ему название.

Я не дошел до входа в особняк шагов пятьсот, Дженнифер Стэнтнор вылетела мне навстречу из парадного подъезда. Она даже шали не накинула. Питерс шел следом, но не похоже было, что он хочет ее задержать.

Они поравнялись со мной одновременно. Казалось, Дженнифер уже довела Питерса до белого каления и теперь не прочь отделаться от него. Я постарался прикинуться удивленным. Это было нетрудно: я не переставал удивляться ни на минуту. Я приподнял бровь – один из моих самых эффектных трюков. Дженнифер остановилась, но молчала, пытаясь отдышаться. Питерс, он запыхался меньше, хоть и был в три раза старше, сообщил:

– На охоте произошел несчастный случай.

Я и глазом не моргнул:

– Да?

– Давай зайдем в дом, а то промокнем.

Я взглянул на Дженнифер. Казалось, она намеревается заговорить.

– Это не несчастный случай, – мрачно заявила она.

Нет, вероятно, если есть жертвы. Но вслух я этого не сказал, только хмыкнул.

– Нас беспокоят браконьеры, – рассказывал по дороге Питерс. – На наших землях водятся олени – целое стадо.

– Они привлекают браконьеров, – вставила Дженнифер. – Раньше этих разбойников было меньше.

– Трое за весь прошлый год, – сказал Питерс. – Но сам понимаешь, крестьяне... Олени – удобная мишень: они здесь не очень пугливы. За последний месяц к нам вторгались шесть раз. Точнее, нам известно про шесть.

– Папе не оленей жалко, – сказала Дженнифер, – его больше огорчают нарушения границы. По границам у нас лежат такие штуки, вроде шпал...

– После последнего случая, – продолжал Питерс, пока мы поднимались по ступенькам крыльца, – генерал велел регулярно патрулировать территорию. Он хотел поймать кого-нибудь и примерно наказать. Сегодня дежурили Кид, Хокес, Тайлер и Снэйк. Хокесу, видимо, удалось поймать нарушителя, схватить его, как говорится, за руку. Он затрубил в рог.

– А когда прибежали остальные, – подхватила Дженнифер, – он лежал на земле, а из тела его торчала стрела. Освеженный олень валялся среди деревьев шагах в ста от него.

– Интересно. Интересно и печально. Но при чем тут я? Разбирайтесь сами.

Дженнифер удивилась, а Питерс огрызнулся:

– Не болтай чепухи. Ты здесь единственный разведчик. Остальные – морские пехотинцы и ни черта не смыслят в следах.

– Угу. – Может, и так. – Столько лет прошло. Да и хорошим разведчиком я никогда не был. – Я вспомнил свои недавние неудачи.

– Даже средний разведчик лучше, чем ничего. – Питерс взглянул на направлявшегося к нам Чейна. – Как он?

– Ему самому не справиться. Нужен хирург.

– Ты же знаешь. Никаких врачей в доме.

– Перевозить Хокеса нельзя: это убьет его.

– Приведите врача! – вскричала Дженнифер. – Отец не узнает: он ведь не выползает из своей комнаты.

– Деллвуд доложит ему.

– Деллвуда я беру на себя.

– Ступай, – велел Питерс Чейну.

Чейн зашагал прочь.

– Надеюсь, Хокес выживет, – сказал я.

– Он борется.

– Могу я поговорить с ним?

– Он отключился. Без сознания. И маловероятно, что он вообще придет в себя, если Чейн не привезет хирурга.

– Покажите мне место, где это случилось, пока дождь не смыл следы.

Пришлось ехать верхом. Мое всегдашнее везение. Лошадь казалась смирной и приветливой. Но еще когда ее выводили, на морде чудовища я заметил ухмылку. Она, видимо, много слышала обо мне и теперь надеялась на приятную прогулку.

Ехать пришлось порядочно. У Стэнтноров было много земель. Мы мало разговаривали. Я осматривал окрестности: вдруг пригодится.

Я с молодых ногтей развивал в себе эту привычку, поэтому и пошел добровольцем в разведку, когда исчез настоящий Секстон.

– Похоже, Снэйк возвращается, – сказал Питерс.

Мы спустились с холма и приближались к месту событий. Под дубом, недалеко от застрявшей в деревьях туши оленя, я увидел человека.

– Сержант, в армии я ни разу не встречал никого из ваших парней. Кто-нибудь из них знал Секстона?

– Не думаю.

Я спешился, привязал повод к молодому дубку. Лошадь недовольно зыркнула на меня.

– Размечталась, думала, я отпущу поводья и ты спокойненько удерешь?

– Что ты сказал? – переспросил Питерс.

– Я к лошади обращаюсь. Люблю разговаривать с лошадьми: они понятливей людей.

– Снэйк, это Майк Секстон. Был разведчиком у меня на островах. Ты, наверное, слышал о его приезде.

Снэйк что-то проворчал и оглядел меня с головы до ног. Я в долгу не остался.

Снэйк перещеголял даже Чейна. Волосы он не стриг с тех пор, как ушел из армии, борода торчала клочьями. Вряд ли он часто мылся и менял одежду. Штаны были заляпаны причудливыми разноцветными пятнами.

– Слышал, – подтвердил он.

– Что-нибудь нашел?

Снэйк проворчал что-то. Это означало «нет».

Я взглянул на тушу:

– Некрупная особь.

– Олененок, – ответил Снэйк, – только начал линять.

Однако. Зачем браконьеру олененок, если ему нужно мясо, а звери здесь не пугливы? Он скорее убьет оленя покрупней. Я внимательно осмотрел тушу.

Я не разглядывал дичь уже лет десять, но видно было, что работал дилетант, который никогда не делал этого сам, а лишь видел, как делают другие.

– О сегодняшнем патруле. Был у вас определенный план? Распределение обязанностей?

– Ты о маршруте? Был, – ответил Питерс. – Маршруты наметили таким образом, чтобы четыре человека могли проконтролировать всю территорию.

Я не совсем это имел в виду, но спросить точнее не мог – из боязни выдать больше, чем хотел.

– Где был Хокес, когда это произошло?

– Там, выше.

Я пошел за Питерсом. Место преступления сразу бросалось в глаза: Хокес, упав, цеплялся за траву. Он потерял порядочно крови, и глупые мухи, вместо того чтобы лететь кормиться на золотую жилу – оленью тушу в кустах, облепили место, где он упал. Да, Хокес упал шагах в ста от оленя. С такого расстояния не промазал бы даже слепой лучник.

Я отыскал след Хокеса и прошел по нему до того места, где он оборвался.

– Здесь, полагаю, он затрубил в рог. Потом спустился вниз и остановился второй раз.

– И тут браконьер уложил его.

Во всяком случае, кто-то сделал это.

– Когда это произошло?

– Около девяти.

– Ага.

Тот олененок умер гораздо раньше.

Я вернулся вниз, Снэйк по-прежнему стоял, уставившись на тушу.

– Тебя что-то смущает? – спросил я.

– Кому понадобился маленький олененок? – проворчал он.

Его не волновало, что старый товарищ лежит поверженный со стрелой в груди. Он оплакивал олененка.

Я снова осмотрел тушу, но смертельной раны не обнаружил.

– В ней была стрела?

– Нет.

Снэйк явно не страдал излишней болтливостью.

Дерево, на котором повис олененок, росло в нескольких шагах от края небольшого, футов триста, лесочка, за ним начинался ручей. Я пошел вниз по склону, поглядывая по сторонам в поисках следов разбойника. И нашел. Некто в страшной спешке продирался сквозь заросли. Оно и понятно: он только что подстрелил парня и боялся, что вот-вот появятся его товарищи.

Питерс шел за мной.

– Каждый маршрут был подробно разработан? – спросил я.

Он удивленно нахмурился:

– Нет, мы просто разъехались в разные стороны, чтобы не топтаться всем сразу на одном пятачке.

Значит, снайпер шел не за кем-то определенным, ему был нужен любой. Если допустить, что стрелу пустил не запаниковавший браконьер, а человек, специально устроивший эту ловушку.

Я не сомневался – второй раз Хокес остановился потому, что увидел кого-то знакомого. Он застыл на месте, он колебался, с чего бы ему еще останавливаться?

Тот человек и есть убийца.

Понял ли это Питерс? Он ведь далеко не глуп.

– Вы ладите с соседями?

– Мы их игнорируем, они нас. Многие нас боятся.

Я бы тоже боялся.

Шагов через пятьдесят снайпер немного успокоился. Он свернул на старую звериную тропу. Здесь следы были видны плохо – слишком много листьев под ногами, но я различал путь, по которому он уходил: там листья были примяты.

– У вас есть собаки? Если нет, где их достать?

– Следопыты? Нет.

Звериная тропа вывела нас к ручью. Здесь была развилка. Одна дорожка шла через ручей, другая – вдоль по берегу. Убийца выбрал последнюю.

Через тридцать футов тропинка ушла в широкий, мелкий рукав ручья с песочным дном. И не вышла с другой стороны.

– Я потерял след.

– Посмотри получше, черт побери.

Я посмотрел. Питерс не заметил в мелкой воде лошадиных лепешек. Некто поехал дальше по дну ручья. Штука нехитрая: глубина нигде не превышала фута.

Многие ли крестьяне, вынужденные промышлять незаконной охотой на оленей, имеют возможность держать лошадей?

– К сожалению, ничего нет.

– Что ж, придется доставать этих треклятых собак.

Мы снова поднялись на холм.

– Кто у вас ведаёт конюшнями?

– В основном Снэйк. Тайлер и Хокес помогают. Шут его разберет, этого Снэйка. Ему нравится ухаживать за животными. Но сесть на лошадь вы его не заставите и под страхом казни.

Перебор, пожалуй, но понять можно.

Я задал еще несколько вопросов, но получил в ответ лишь любопытные взгляды. Если они не лгали и не были ни виновниками, ни соучастниками, Хокеса прихлопнул кто-то другой. Самоубийством он тоже не кончал. Круг подозреваемых сузился, но недостаточно. Мне хотелось отделаться от Снэйка и Питерса и пройти по ручью до места, где стрелок вышел на берег.

– Дерьмо! – вдруг взорвался Питерс. – Эх ты! Головой надо соображать, а не задницей.

– Что такое?

– Как мы поступали после набегов на венагетов на проклятом острове? Что я вколачивал в ваши глупые головы каждый треклятый день?

До него дошло.

– Да. В воде не остается. Перед набегом мы всегда проверяли, есть ли путь к отступлению по реке или ручью.

– Негодяй пошел по ручью. Поэтому ты ничего не нашел.

– Да.

– Пошли же.

– Я проверю сам. Вас я больше не задерживаю.

Он гневно взглянул на меня, обернулся, проверяя, не слышит ли Снэйк:

– В чем дело, Гаррет? Что-то ты темнишь, я не первый раз замечаю.

– Я не темню, я выполняю свою работу, как умею. Пока не доказано обратное, подозреваемые – все и никто. Не важно, хорошо я их знаю или нет.

Он начинал злиться.

– Перестаньте. Вы хотите, чтобы я выяснил, кто убивает старика? Кто из ваших парней? Никто и в то же время один из вас. Пока я не выведу негодяя на чистую воду, я буду вести себя с вами так же, как со всеми остальными. Даже если здесь не происходит ничего хуже воровства. Ясно?

– Хочешь играть в одиночку? Что ж, ты профессионал. Я потерплю. Какое-то время потерплю.

– Хорошо. Но выбора у вас нет. И нечего из себя выходить.

Он прямо кипел от злости. Все они так. Все думают, что должны быть исключением из правил.

Питерс стегнул лошадь и умчался прочь. Пускай сердится. Главное, убрался, остальное ерунда.

13

Вид у моей лошади был весьма недовольный. Я взял ее под уздцы и повел вдоль края леса. Если ничего не найду до границы поместья, пойду назад, к дальнему концу леса.

Негодяй был хитер, но ограничен. Его мер предосторожности хватило бы, не появившись у меня поводов для подозрения. Но они появились.

Я нашел место, где всадник выехал из леса. Довольно близко от места падения Хокеса, но отсюда уже не видно. Расстояние между следами копыт показывало, что теперь он уже не так торопился. Значит, его не беспокоило, как объяснить свое присутствие на землях Стэнтнора. Поэтому я вновь занес Тайлера и Чейна в список подозреваемых. Их я еще не допросил.

Надо будет опросить оставшихся в живых участников патруля, кто что говорил и делал до начала охоты. Может, удастся за что-нибудь зацепиться.

В смелости убийце не откажешь. Он объехал холм, за которым устроил засаду, а потом направился к дому. Охотники за браконьерами в это время суежились вокруг Хокеса. Я потерял след. Покружил вокруг, пошарил там и сям, ничего. Дождик и холодный ветер победили мою профессиональную добросовестность. Я поехал к дому.

Я прошел через музей, то бишь через главный холл, и собирался зайти к себе переодеться, как откуда ни возьмись выскочила Дженнифер. Девушка казалась более женственной, хрупкой и ранимой, чем обычно. Она была взволнована и испугана. Я остановился, хоть и не испытывал никакого желания видеть ее.

– Сержант Хокес умер, – выпалила она. – Умер у меня на руках. По его телу прошла дрожь, он дернулся, издал какой-то странный звук – и все, его больше нет.

– Когда?

– Несколько минут назад. Я искала Деллвуда, но увидела вас. Мне нужен кто-нибудь, я не знаю, что делать.

За утешениями она обратилась определенно не по адресу. Я был не расположен утешать никого, даже роскошную брюнетку с соблазнительными формами, способными воскре-

силь мертвого епископа. Ночка и утро выдались хлопотливые. Я чувствовал себя так, точно мне на плечи навьючили груз килограммов в пятьдесят. Хуже – я пропустил ланч.

Я уже убедился, что с кухаркой разговаривать бесполезно. Она понятия не имела, что делается на свете, все пропускала мимо ушей.

– Поговорите лучше с Деллвудом.

Вот и он – легок на помине. Обычная невозмутимость покинула его.

– Мисс Дженнифер, вам не следует оставлять Хокеса.

– Он во мне больше не нуждается.

Деллвуд вытаращил глаза:

– Он... он...

– Да. Что будем делать?

– Деллвуд, – сказал я, – мне нужно видеть генерала. По возможности срочно. Я буду у себя.

Я намеревался вздремнуть: следующая ночь тоже, скорее всего, будет долгой. Отдохну, пока есть возможность.

Я оглянулся на Дженнифер и Деллвуда. Может, они были хорошими актерами, может, в самом деле были огорчены и измучены. Все же они немного переигрывали, очень уж им хотелось произвести на меня благоприятное впечатление.

Мне без разницы. Пусть хоть вопят и пляшут от радости. На мой взгляд, в доме только один славный парень и зовут его Гаррет.

14

Проснулся я к обеду, но отдохнувшим себя не чувствовал: пол моей туалетной оказался не слишком удобным ложем. Но он безопасней кровати – стоит лишь взглянуть на раны моего оловянного друга.

Я решил разбить лагерь в одном из свободных помещений. Придется им поохотиться, если захотят прикончить меня во сне. Не из-за меня ли погиб Хокес? Я заснул с этой мыслью. Не послужило ли мое присутствие толчком, заставившим злодея изменить график убийств? Я не мог ничего исправить, но не переставал изводить себя.

Я прошел по коридору на балкон, посмотрел вниз. Дженнифер сидела у фонтана, прислонившись к крылу дракона. Чейн и Кид протопали мимо, не обратив на нее внимания. Они шли обедать.

Напротив ниже этажом я заметил притаившуюся в тени колонны блондинку. Она мельком взглянула в мою сторону. Я махнул рукой. Из коридора напротив, тоже на четвертом этаже, показался Черный Пит, нахмурился и помахал в ответ. Я указал вниз, он перегнулся через перила.

Слишком поздно. Она скрылась.

Теория моя разлетелась прахом. Дело в том, что я начал было обдумывать – наполовину всерьез – одно предположение насчет этих постоянных явлений. Я решил, что блондинка – это Дженнифер в парике, быстро меняющая одежду. Сложение у них очень похожее, лица тоже. Мне – а старина Гаррет всегда был немножко романтик – блондинка казалась более привлекательной. Но до сих пор я не видел их вместе. Оставался лишь вопрос: на кой черт Дженнифер понадобилось такое странное развлечение? Но иногда теории наши соответствуют истине, иногда нет. Мои, как правило, нет.

К первому этажу я убедил себя, что просто поторопился с выводами. Блондинка в самом деле красивее. Есть в ней нечто неповторимое, воздушное, неземное. Дженнифер этого нипочем не изобразить.

Конечно, я и Дженнифер не знаю как следует. Я работаю всего день и никого не изучил досконально, разве кухарку, да и ее недостаточно. Впрочем, маловероятно, что мне удастся изучить их. Не того сорта люди, чтоб близко подпустить чужака.

Питерс встретил меня у лестницы:

– Ты чего хотел? Чего махал-то?

– А я не вам махал. Под вами на балконе стояла моя блондинка. Она скрылась, когда я указал на нее.

Питерс взглянул на меня, точно сомневался, того ли человека пригласил.

Что ж, закроем тему.

– У меня к вам вопрос. Исключительно гипотетический. Если бы вы кого-нибудь здесь убили и захотели избавиться от тела – какое место в имении самое подходящее?

Он изумленно посмотрел на меня:

– Гаррет... Чудной ты какой-то. Или ты так изменился после ухода из армии? Для чего ты спрашиваешь?

– Мое дело спрашивать, ваше – отвечать. Вам не нужно понимать, какую цель преследуют мои вопросы. Черт возьми, они и для меня не всегда имеют смысл. Но такие уж у меня методы.

– Но хоть намекнуть ты можешь? Если б я собирался зарыть...

У него мелькнула догадка: он подумал, что я ищу место, где спрятаны генеральские безделушки.

– Зависит от обстоятельств – сколько у меня времени, как надежно хотел бы я упрятать тело. Черт возьми, будь у меня время, я зарыл бы его поглубже. Но если б времени не было – вообще не стал бы его закапывать, дотащил бы до болота, привязал пару камней – и привет.

– Что за болото?

– По дороге, за кладбищем. От подъезда видны вершины деревьев, там небольшой холм, а за ним болото. Здоровое болото, был даже план осушить его, а то очень воняет. Но старый Мельхиор, владелец земли, слышать об этом не хочет. Сходи посмотри на него: оно тебе кое-что напомнит из времен войны.

– Посмотрю. Пойдемте поедим, пока кухарка о нас не забыла.

Мы с Питерсом отправились в столовую. Кухарка действительно подавала последнее блюдо и обиженно покосилась на меня, как на предателя. Ах да, я ведь не помог ей. Таковы люди, помоги один раз – и тебе сядут на шею.

Как и прошлым вечером, трапеза проходила в молчании. Никаких разговоров, кроме глухих угроз по адресу браконьера. Обстоятельства гибели Хокеса никому не казались подозрительными.

Невероятно. Их убивают – одного за другим, а они точно слепые. Может, дело в военной выучке? В начале кампании в моей роте было двести офицеров, сержантов, солдат. Через два года из тех, что воевали с самого начала, осталось восемнадцать человек. Убивают одного-другого, через некоторое время начинаешь принимать это как должное. Живешь себе, пока можешь, покорно ждешь своей очереди – и становишься абсолютным фаталистом.

– Кто сегодня работает в конюшне? – спросил я.

Они взглянули на меня, будто только что заметили.

– Никто, – ответил Питерс. – Снэйк в патруле.

Он хотел спросить, зачем мне это. И другие хотели. Но лишь посмотрели на меня.

Я встретился глазами с Дженнифер. Она робко, зазывно улыбнулась. Оттаивает потихоньку.

– Я говорил с генералом, – сказал Деллвуд. – Он встретится с вами после обеда.

– Хорошо. Спасибо. Я не сомневался, что ты не забудешь.

Все опять повернулись ко мне: они недоумевали, чего ради мне понадобился старик. Интересно, какие теории они строят на мой счет? Питерс им, похоже, ни слова не сказал.

– Как вы развлекаетесь, ребята? – спросил я. – Здесь чертовски уныло.

Совсем забыл о пиве. Ладно, отложим до завтра.

– У нас нет времени развлекаться, – проворчал Чейн. – Слишком много работы, а генерал больше никого не наймет. Кстати, теперь придется вкалывать и за Хокеса. Значит, все остальное придется послать к черту.

– Хозяйство разваливается, – подхватил Уэйн, – хоть мы и вертимся как грешники на сковородке. Деллвуд, постарайся довести это до его ума.

– Постараюсь, – без особого оптимизма отозвался Деллвуд.

И пошло-поехало. Я узнал даже больше, чем хотел, о том, что именно разваливается, что может подождать, а что необходимо сделать в срочном порядке.

– Я и говорю, мы зря тратим время на проклятых браконьеров, – заявил Тайлер. – Черт с ними, незачем их ловить. Генерал больше не выходит, не ему судить, стоит возиться с этими паршивцами или нет. Пусть хоть всех оленей сожрут и подавятся. Нам надо серьезными вещами заниматься.

Разгорелся спор.

Дженнифер не принимала в нем участия. Она больше интересовалась мной. Мой неотразимый шарм наконец подействовал. Впрочем, может, ее просто восхитило, как здорово я расшевелил старых пней.

15

Мы с Деллвудом помогли кухарке убрать со стола. Деллвуду явно не хотелось выпускать меня из виду. Кухарка была молчалива, но в присутствии свидетеля другого ждать не приходилось. Деллвуду не терпелось начать разговор. Он и начал, как только мы вышли из кухни:

– Надеюсь, вы продвигаетесь успешно. Хорошо бы сегодня сообщить генералу что-нибудь обнадеживающее, поднимающее настроение.

– Почему именно сегодня?

– Он хорошо себя чувствует, оживлен, и голова на редкость ясная. Поел без посторонней помощи. Похоже, ваше присутствие взбодрило его. И если б ваш доклад поддержал его настроение...

– Не знаю, не знаю... Вряд ли мое сообщение порадует генерала. Постараюсь не огорчать его понапрасну.

Мы поднялись наверх. Кто-то следил за нами. На сей раз точно Дженнифер. Странная она, а жаль, такая хорошенькая...

Не пойму, что со мной: роскошная женщина, а я холоден как лед. Сроду со мной этого не случилось. Я ведь неисправимый бабник. Что-то с ней все же неладно, на первый взгляд соблазнительная, а внутри какая-то червоточинка.

– Кто растил Дженнифер?

– Кухарка в основном. И слуги.

– Вот как? А куда они подевались?

– Генерал их уволил, чтобы освободить комнаты для нас. Предполагалось часть земли отдать в аренду, но ничего не вышло.

– Он оставил кухарку, почему именно ее?

– Она величина постоянная. Жила здесь всегда, вырастила и генерала, и его отца, и его дедушку. Старик не лишен сентиментальности.

– Что ж, это хорошо.

В бытность свою главнокомандующим он сентиментальностью не отличался. Впрочем, у меня не было случая узнать его поближе.

– Он обходится без слуг.

Деллвуд провел меня в покои генерала, в комнату, в которой я встречался со стариком в прошлый раз. И опять Кид разжигал огонь в камине.

– Подождите здесь. Я приведу его через несколько минут.

Жара стояла адская.

– Конечно. Благодарю.

Ждать пришлось довольно долго, но на старика стоило поглядеть. Он улыбался, на щеках заиграл румянец.

Генерал дождался, пока уйдут Деллвуд и Кид.

– Добрый вечер, мистер Гаррет. По-видимому, у вас есть новости?

– Есть, генерал, но это плохие новости.

Чем объяснить улучшение в его здоровье? Отравитель испугался моего присутствия и затаился?

– Не важно, плохие, хорошие, главное, дело сдвинулось с мертвой точки.

– Сегодня утром я ходил в город. Я нанял людей проследить, не появились ли пропавшие вещи у скупщиков краденого. Мои люди знают свое дело. Если вор воспользовался этими каналами, они найдут вещи и опишут продавца. Мне нужны ваши указания. Должны ли они вернуть указанные ценности обратно? Продажа состоялась, и вы окажетесь во власти их новых хозяев.

– Прекрасно, сэр, прекрасно. Конечно вернуть, всеми средствами постараться вернуть. Я все хочу получить назад, хотя боюсь, что вряд ли их охотно нам отдадут. – Он улыбнулся.

– Вы в хорошем настроении, сэр.

– В превосходном. Я не чувствовал себя так хорошо много месяцев. Да что месяцев – лет! Не вы тому причиной, но началось это после вашего появления. Вы приносите удачу. Если так пойдет, через месяц я буду танцевать.

– Надеюсь, сэр. Теперь плохие новости. Но сперва я должен признаться – я здесь не только для того, чтобы разоблачить вора.

– То есть? – Глаза его сверкнули.

– Да, сэр. Сержант Питерс считает, что кто-то медленно отравляет вас. Он хотел, чтоб я выяснил кто, если подозрения его небеспочвенны.

– И что? Нашли что-нибудь? – Он не на шутку встревожился.

– Нет, сэр. Ничего.

Лицо его прояснилось.

– С одной стороны, ничего. Тишь да гладь. Остается только радоваться вашему выздоровлению. Я и радуюсь. Но я подозрителен по природе.

– Это и есть ваши плохие новости?

– Нет, сэр. Они куда хуже. Я бы сказал, обширнее.

– Продолжайте. Я не казню вестников несчастья, и я не из тех, кто затыкает уши, лишь бы не слышать неприятных известий.

– Разрешите начать с просьбы взглянуть на ваше завещание.

Он нахмурился:

– Питерс просил копию. Это для вас?

– Да.

– Продолжайте.

– Я опасаюсь, не в нем ли корень зла. – Я начал выражаться напыщенно, но с генералом Стэнтнором нелегко было держаться непринужденно. – Возрастает ли доля оставшихся в живых с уменьшением числа наследников?

Он пронизывающе посмотрел на меня:

– Половину я завещал Дженнифер, половину – остальным. Сперва их было шестнадцать человек. После сегодняшнего утра – только восемь. Значит, доля оставшихся удвоилась.

Взгляд его стал тяжелым. Я подумал, что он способен выкинуть меня вон, несмотря на прежние свои заявления о нежелании прятать голову под крыло.

– Обоснуйте ваши подозрения, мистер Гаррет.

– Вас покинули четыре человека. Мне это кажется невероятным. Один – может быть, максимум двое. Но люди так устроены, что не в силах пройти мимо таких денег. Четверо? Невероятно!

– Понимаю. Может, вы правы. Что еще?

– Кто бы ни подстрелил Хокеса, убийца подготовил все заранее. Олень был мертв задолго до убийства. Стрелок ускакал на лошади. Разве у крестьян, вынужденных промышлять в чужих поместьях, есть лошади? Кроме того, всадник, выйдя из засады, направился к дому. Хотя проследить его до конца мне не удалось: на полпути я потерял след.

Генерал долго молчал. Лицо его опять побледнело. Я таки расстроил его.

– Не хочется отнимать у вас время собственной персоной, но на мою жизнь уже дважды покушались. Кто, я не знаю.

Он посмотрел на меня, но ничего не сказал.

– Расследование убийств не входило в наш договор. Но я подумал, вы должны знать о происходящем. Продолжать ли мне это дело?

– Да! – Он запнулся. – Не укладывается в голове. Воровство – мелочь. Но пытаться отравить меня, перебить моих людей! Немыслимо!

– Именно. У меня тоже пока не получается связать все это вместе.

– Я отказываюсь верить вам, мистер Гаррет. Я знаю этих людей лучше, чем... Два покушения на вашу жизнь, говорите?

Я рассказал ему.

Генерал кивнул:

– Не допускаю, что вы... Нет. Я верю вам. Позовите Деллвуда.

Я поднялся:

– Можно сначала вопрос, генерал?

– Задавайте.

– Может ли оказаться виновным кто-то посторонний? Есть ли у вас враги, достаточно злобные, чтобы попытаться подкупить ваших домашних?

– Конечно, у меня есть враги. У человека моего возраста, занимавшего такое положение, не может не быть врагов. Но не думаю, чтоб они пошли на такое... Нет, этот человек наверняка живет здесь.

Я кивнул и открыл дверь. Деллвуд ждал в коридоре на подобающем расстоянии от входа.

– Генерал просит вас.

16

Итак, я все сказал старику, и он сразу взял быка за рога. Я не ожидал, что он поступит по-умному, но это его дом, его жизнь, его здоровье и его право рисковать.

Он велел Деллвуду привести всех. Усадил. Велел мне стать рядом, лицом к ним. Они все смотрели на нас и недоумевали. Питерс и Чейн пошли искать Снэйка. Кид подбросил дров в камин, и я опять вспотел.

Никто не произносил ни слова. Только Дженнифер сделала слабую попытку заговорить, но генерал оборвал ее:

– Подожди.

Одно слово, произнесенное тихим голосом, но подействовало оно как удар хлыста.

Чейн и Питерс привели Снэйка. Он постарался придать себе приличный вид и, хотя не очень преуспел в этом, был допущен в комнату.

– Закрой дверь, Питерс, – велел Стэнтнор. – Запри на замок. Спасибо. Дай мне, пожалуйста, ключ.

Питерс повиновался. Присутствующие следили за ним. На лицах их отражались различные чувства, но почти все нахмурили брови.

– Благодарю, что пришли. – Как будто у них был выбор. – У нас возникла проблема. – Генерал протянул руку.

Я вложил в нее завещание. Старик разрешил мне прочесть его, пока мы ожидали прихода домочадцев.

– Вот мое завещание. – Точнее было бы назвать этот до неправдоподобия наивный документ призывом к убийству. – Вы в подробностях знакомы с его содержанием. Я напоминал вам его достаточно часто. Похоже, оно и стало причиной преступления.

На столе перед ним стояла свеча. Он поднес бумагу к пламени, подождал, пока она загорелась, положил на стол и оставил гореть. Я следил за реакцией слуг.

Они были поражены, может быть, разочарованы и оскорблены. Но ни один не двинулся с места, не потерял выдержки, не выдал себя.

– Эта бумага послужила орудием убийства. Я не собираюсь произносить длинные речи. Факт установлен. Теперь мотив устранен. Завещание отменяется, на днях я напишу новое.

Он заглянул в глаза каждому, по порядку. Ни один не отвел взгляда, не смутился. Но все казались озадаченными и расстроенными.

– Я не понимаю, сэр, – заговорил Деллвуд.

– Надеюсь, что не понимаете. Но те, кто не понимает, должны запастись терпением. Все выяснится. А сначала я представлю вам человека, стоящего рядом со мной. Его зовут Гаррет. Кроме прочих своих талантов, мистер Гаррет – сыщик-профессионал. Я нанял мистера Гаррета, чтобы узнать, кто обкрадывает меня, и до сих пор был доволен его работой. – Из старика вышел бы неплохой шахматист. – Мистер Гаррет нашел доказательства куда более ужасного преступления. Он сообщил мне, что кто-то из вас убивает товарищей, чтоб увеличить свою долю наследства.

– Сэр! – запротестовал Деллвуд, остальные только зашевелились и беспокойно переглянулись.

– В армии, к твоему сведению, Деллвуд, Гаррет был разведчиком. Он нашел следы сегодняшнего браконьера. Они привели к нашей конюшне.

Это была намеренная неточность. Старик нарочно не упомянул, что я потерял след в полях. Пусть виновный почувствует безвыходность своего положения.

– Мистер Гаррет составил себе имя на расследовании подобных дел. Я попросил его найти убийцу, и он согласился. В его способностях я абсолютно уверен. Теперь вы все знаете. Невинных я призываю действовать заодно с мистером Гарретом. Чем быстрее мы покончим с этим, тем лучше. А теперь обращаюсь к виновнику злодеяний. Попытайся скрыться, беги, но знай, я достану тебя и на дне морском. Ты обманул мое доверие, ты причинил мне жгучую боль! Тебе нет прощения! Дай срок, я доберусь до тебя, я вырву твое подлое сердце!

Я старался не смотреть на генерала, но зрелище было впечатляющее. Старый черт зашел дальше, чем я предполагал.

Он сжег завещание и тем самым устранил угрозу для жизни невинных. Теперь никто ничего не выиграет. Если генерал умрет, не оставив завещания, все имение отойдет королю, а значит, все останутся с носом. Даже отравитель до поры до времени заинтересован в сохранении его жизни.

Неглупый мужик этот генерал Стэнтнор. Но меня он подставил.

– Положение ваше определилось, мистер Гаррет. Спрашивайте, что вам нужно.

– Сэр... – начал Чейн.

– Нет, сержант Чейн. Задавать вопросы будет мистер Гаррет. А вы помалкивайте, пока вас не спросят. Мы все останемся здесь, пока мистер Гаррет не будет удовлетворен.

– Мистер Гаррет не уверен, что продержится на ногах так долго, – заметил я.

Собрать вместе всех подозреваемых и опутать злодея паутиной хитроумных вопросов – нет, это не для меня. Я больше похож на быка в посудной лавке или, скажем, в тихом прудике – он плюхается в воду и барахтается в ней, покамест не распугает всех лягушек. Эх, сюда бы моего Покойника. У него много талантов, и один из самых полезных – умение читать мысли. Он бы мигом покончил с этой волюнкой.

К тому же я все-таки допускал возможность вмешательства со стороны, хотя и не находил мотивов. Не отбросив эту возможность, загадки не разгадать.

Они смотрели на меня и ждали. Генерал тоже взглянул в мою сторону, словно приглашая: давай, старина Гаррет, покажи себя во всей красе.

– Кто-нибудь хочет признаться? Мы бы не теряли зря времени и отправились бы спать. Добровольцев нет. Чего и следовало ожидать.

– Именно этого я и боялся.

– Когда мне было девять лет, я спер у сестренки леденец, – сострил Чейн.

– Неплохое начало преступной деятельности. Но все же нет необходимости углубляться так далеко в прошлое. Давайте ограничимся сегодняшним утром. Что вы делали сегодня, сержант Чейн? Расскажите нам, кого вы видели, и что этот кто-то делал, и кто видел вас и за какими занятиями.

Придется запастись терпением и выслушать девять историй о сегодняшнем утре. Но из этого может выйти толк. Каждая история добавит штрих к общей картине. Каждая история – разумеется, правдивая – все сильнее будет загонять злодея в угол.

Чейн насупился, но успел лишь проворчать нечто нечленораздельное. Стэнтнор тут же осадил его:

– Я призываю к сотрудничеству, Чейн. Точно выполняй указания мистера Гаррета. Отвечай на его вопросы, и обойдемся без оговорок. В противном случае убирайся прочь и знай, что ты – главный подозреваемый.

Чейн прикусил язык и недружелюбно взглянул на меня. Да, вряд ли этот парень станет твоим собутыльником, старина Гаррет.

– Постарайся припомнить все свои наиболее существенные действия за сегодняшний день и как можно точнее назвать время.

– Я не смотрю на часы. Я слишком занят. Из кожи вон лезу, и все равно всех дел не переделать.

– Поблагодарите убийцу: еще пара рук долой. Выслушав всех, мы будем знать, кто что делал, где и когда. Вперед. Мы не ограничиваем тебя во времени.

Умница, Гаррет: сам себя приговорил к пытке. Битых сорок пять минут Чейн докладывал мне, что между завтраком и ланчем не делал ровным счетом ничего интересного и видел только пятерых домочадцев – Деллвуда, Питерса и тех, что были в патруле.

– Есть возражения? – спросил я. – Кто-нибудь хочет уличить его во лжи?

Нет желающих.

– Хорошо, Снэйк. Ты чувствуешь себя здесь не в своей тарелке. Хочешь избавиться от нас? Прошу.

Рассказ Снэйка оказался не лучше. Все, кого он видел, занимались самыми невинными вещами. А видел он Деллвуда до отъезда, других охотников во время облавы и Питерса, явившегося вместе со мной. Потом он вернулся в конюшню и вновь забился в свой угол.

– Не люблю я людей. Плохо мне с ними, – откровенно признался он. – Разрешите идти, генерал?

Старик, видимо, задремал, но отозвался он без промедления:

– Разве тебе не интересно, что будут говорить другие в твоё отсутствие?

– Нет, сэр. Мне скрывать нечего. И мне чертовски неспокойно здесь.

Бедняга и правда выглядел каким-то востропанным и испуганным.

Генерал взглянул на меня. Я пожал плечами. Стэнтнор протянул ключ, я отпер дверь и выпустил Снэйка.

– Спокойной ночи.

Проходя мимо меня, он шепнул:

– Приходите, когда закончите. Возможно, я знаю, кто убил Хокеса.

Спорить не приходилось. Я просто включил его во все удлиняющийся список дел, которыми придется заниматься, пока добрые люди спят, закрыл дверь и огляделся. Не подслушал ли кто? По лицам ничего не разберешь. Но шепот был довольно громкий.

Затем я взялся за Уэйна. Результат нулевой. Кухарка, не сократи я ее немножко, проговорила бы всю ночь и весь следующий день. Она видела всех, и все видели ее.

Итак, минус четыре. Прошло три часа. Осталось еще пятеро. Картина начинала вырисовываться. Но ничего занимательного, обычная, повседневная суета. Деллвуда видели все, он не успел бы отлучиться. В любом случае врать он, как и кухарка, не стал бы.

Значит, следующий Питерс. Он негодовал, что его подозревают наравне с другими, но подчинился беспрекословно. Генерал, казалось, снова задремал, но, возможно, так только казалось.

Питерс не сообщил ничего нового. Едва он закончил, подала голос Дженнифер:

– Мистер Гаррет – или это тоже псевдоним? – давайте следующая буду я, а то нервы уже на пределе.

– А у меня нет?

Она ни черта не делала все утро. Сидела у себя и вязала. Деллвуд может подтвердить: там он ее и нашел, когда принес известие о Хокесе.

Прекрасно.

– Я пойду? Страшно устала, и голова просто раскалывается.

Я сочувствовал ей: у меня тоже начинала болеть голова. Наверное, простудился, немудрено при такой погоде.

– Пока нет. Потерпите еще, я постараюсь ускорить допрос. Кто следующий?

Нет желающих. Я выбрал Тайлера. Он даже не пытался скрыть раздражение. Скукота. Но концы с концами сходятся, ухватиться не за что. Еще один человек видел Деллвуда – и все.

– Кид? Что скажешь?

Скучная история, в основном о патруле.

Надежды мои не оправдались. Вне подозрения – на девяносто процентов – лишь Деллвуд и кухарка.

– Деллвуд, хоть это и потеря времени, изложи нам свою версию.

Его рассказ оказался лишь немного короче кухаркиного. Он не навел меня на след. Практически у всех было время убить Хокеса.

Что ж, ты должен перевернуть каждый камешек, Гаррет.

– Благодарю за помощь и терпение. После буду говорить с каждым в отдельности, сколько понадобится. Любое убийство можно раскрыть. Если что-либо придет в голову, дайте мне знать, я сохраню ваше имя в тайне. Все свободны.

Они ринулись к двери, позабыв, что ключ у меня. Первая спохватилась Дженнифер. Она вырвала его у меня с грацией разъяренной росوماхи.

– Еще одно. Я видел в доме вторую женщину. – Я описал белокурую красотку. – Кто она? Секрет это или нет, я требую ответа.

Они недоумевающе уставились на меня. Некоторые покачали головой, засомневавшись в моем здравом рассудке. Все ушли, кроме Деллвуда. Он положил ключ на письменный стол:

– Я уложу генерала, сэр, если вы не возражаете.

– Не возражаю, если он не возражает.

– Идите, Гаррет, – заговорил старик, доказывая, что он и не думал спать. – Я не в силах продолжать. Увидимся после завтрака.

– Слушаюсь, сэр.

Я устал. Не урвать ли несколько часов, не вздремнуть ли? Когда еще придется поспать всласть: ведь старик сделал из меня живую мишень.

Нет. Сперва Снэйк. Судя по всему, навряд ли он сообщит нечто полезное. Но с другой стороны, черт его разберет. А вдруг... Тогда я смогу не бояться, что меня опять попытаются зарубить во сне топором.

Я направился вниз, в холл. И тут же застыл как вкопанный, разинув рот.

Опять эта женщина. На балконе, наискосок от генеральских покоев. На моем балконе. Я дрожал мелкой дрожью, но не отрываясь смотрел на нее, точно грезил наяву. Она скользила, как призрак, не замечая меня. Я бросился к лестнице, ведущей на пятый этаж, прокрался в восточное крыло, спустился на балкон.

Напрасные старания. Она исчезла. Надо поймать ее в ловушку, иначе с ней не поговоришь. А мне безумно этого хотелось.

Желание порой играет с нами странные шутки. Она возбуждала меня, а победительное очарование Дженнифер почему-то оставляло равнодушным.

17

Поскольку вход в мою комнату был сразу из коридора, я подумал, что не помешает принять меры предосторожности. Пожалуй, ножа может оказаться недостаточно, если ночной гость будет настроен чересчур воинственно.

Уходя, я просунул между дверью и косяком листок бумаги. Но это была лишь приманка. Листок трепыхался на виду и сразу бросался в глаза. Настоящим сигнальным устройством служил мне волос, высовывающийся из-за двери на пару дюймов. Его-то уж на место неставишь.

Волоса не оказалось.

Войти или нет? Видимо, злоумышленник еще там: между собранием у генерала и моим приходом прошло совсем немного времени, он не успел бы обыскать комнату.

Я подумал было расположиться с комфортом и подождать снаружи. Но это значило бы отсрочить свидание со Снэйком.

Может, пойти ва-банк и удивить непрошеного гостя? Я снял со стены булаву, достал ключ, отпер дверь и сильно пнул ее ногой, чтобы отбросить притаившегося в засаде. С булавой наготове я ворвался в комнату.

Пусто. Темно. Кто-то опять задул лампу.

Я поспешно вернулся в коридор: мой силуэт мог послужить отличной мишенью для человека, вооруженного арбалетом.

В дверном проеме показалась чья-то фигура.

– Это я.

Морли Дотс. Я осмотрелся, нет ли кого в коридоре, и зашел в комнату:

– Какого черта ты тут делаешь?

Я отбросил булаву и зашарил по столу в поисках лампы.

– Стало любопытно, что у вас здесь происходит.

Я зажег лампу и захлопнул дверь:

– Ты так прямо взял и вошел?

– Подумаешь, у вас все двери нараспашку.

– Как тебе мои апартаменты?

Он постучал себе по носу:

– Запах. У эльфов тонкий нюх, а в твоих апартаментах воняет мясом. Сразу ясно, ты не вегетарианец.

Издевается, мерзавец.

– Значит, ты явился. Что прикажешь с тобой делать?

– Новости есть?

– Да. Еще один убитый. Это случилось сегодня утром, пока я был в городе. Поэтому вечером старик созвал совещание, доложил всем, кто я такой, и пригрозил, что виновных детектив Гаррет по стенке размажет. Между делом старик спалил свое завещание. А что новенького в городе?

– Плоскомордый кое-где побывал, но нашел не много. Ты знаешь, сколько штамповалось этих медалей, в любом ломбарде их полным-полно. Ценность представляют только серебряные: на Холме вечно не хватает серебра.

Холм – центр Танфера. Там живут все важные шишки, в том числе шайка колдунов, ведьм и прочих, кому серебро нужно позарез: для волшебства серебро что дерево для огня. С тех пор как Слави Дуралейник сосредоточил все запасы серебра у себя в Кантарде, цены на него взлетели до небес.

Впрочем, это к делу не относится.

– Что с подсвечниками и прочей дребеденью?

– Кажется, он нашел пару. Люди, купившие их, не помнят продавца. Но ты ведь знаешь Плоскомордого. Убеждать он умеет.

Он убедителен, как оползень: станешь на дороге – рискуешь быть раздавленным.

– Великолепно. Что будем делать?

– Завтра он попытается снова. Жаль, что ворюга не спер что-нибудь эдакое, примечательное, – тогда бы его наверняка запомнили.

– И правда. Дал он маху. Слушай. У меня назначена встреча с одним человеком. Он говорит, что знает убийцу. Может, и впрямь знает. Надо поспешить, а то он передумает и не станет разговаривать.

– Вперед, отважный рыцарь.

Морли частенько подсмеивается над моей романтичностью и сентиментальностью. Но он и сам небезгрешен. Взять хоть его появление здесь. Ни в жизнь не признает, что не захотел оставлять меня одного среди акул. Любопытно ему, видите ли, стало.

– Дом с привидениями, да и только, – ворчал Морли, пока мы осторожно спускались по лестнице. – И как они тут живут?

– Говорят, дома стены помогают. Привыкаешь через какое-то время, перестаешь замечать.

– Что это за брюнетка, на которую я наткнулся по дороге, в пустом холле?

– Генеральская дочка Дженнифер. К ней не подступишься.

– А может, ты не знаешь, как взяться за дело.

– Может. Но сдаётся мне, с ней не все в порядке.

Мы вышли через черный ход. Светила луна, и я почти не спотыкался, а Морли... тому без разницы, он из тех, кого хоть в гроб заколот, – зрение как у кошки.

– По крайней мере, у вас все без затей: ни призраков, ни вампиров, ни великанов – просто людская жадность.

Я подумал о женщине в белом. Надеюсь, она не призрак: я не умею общаться с бестелесными существами.

Морли схватил меня за плечо:

– Здесь кто-то есть.

Я ничего не увидел, но услышал звук – будто человек вдруг остановился.

– Услышал нас, – шепнул Морли и как сквозь землю провалился.

Я подошел к конюшне, позвал:

– Снэйк? Ты где? Это Гаррет.

Не отвечает. Я просунул голову внутрь. Темно, лошади беспокойны. Лучше обойти вокруг, сразу заходить рискованно.

С северной стороны конюшни из щелей между досками пробивался слабый, неверный свет, похоже было, что горит оплывающая уже свечка.

В углу оказалась небольшая дверца, – видимо, я наткнулся на убежище Снэйка.

– Снэйк? Ты здесь? Это Гаррет.

Снэйк не отвечал.

Я открыл дверь.

Снэйк не ответит больше никому, во всяком случае в этом мире. Его зарезали.

Нечистая работа. Удар пришелся в грудь, но не в сердце, лезвие прошло через легкое, кончик ножа торчал из спины.

Появился Морли:

– Я его упустил. – Он глянул на Снэйка. – Любитель работал.

Эх, Морли, всегда всех критикует.

– Даже профи может наделать ошибок, когда имеет дело с несговорчивым субъектом. Этот человек, я слышал, бывший десантник. А десантников голыми руками не возьмешь.

– Может, и так. – Дотс присел на корточки, повертел в руках шнурок, обвитый вокруг шеи Снэйка. – Занятно!

Я занялся поиском улики. В спешке убийца мог что-нибудь обронить.

– Что это?

– Это шнурок кефов-душителей.

– Что-о? – Я присел на корточки рядом с Морли.

– Есть такое восточное племя – кефы-душителы. Им строго-настрого запрещено проливать кровь. Потому что тогда мертвец не найдет покоя, пока не будет отмщен. Приходится убивать без кровопролития. Между тем убийство – часть их религиозного ритуала, поэтому плетение шнуров у кефов целое искусство.

Я взглянул на шнурок. Да, не просто обрывок веревки.

– Убийцы-асы изготавливают собственные шнуры. Плетение удавки – последнее испытание, дающее статус мастера. Посмотри. Узел как у нас делают для виселиц, но петля круглая, ее можно накинуть одной рукой. Узлы на самом деле не узлы, веревка оплетает пробку конусообразной формы. Эта штукавина устроена как стрела с наконечником, пробка может выскочить только в одну сторону.

Мне понадобилось не больше секунды, чтобы разобраться в устройстве шнура: наглядный пример был налицо. Я нащупал конусообразные выступы.

– Пробка сжимается, выскакивает из узла и расширяется снова, с другой стороны.

– Как снять шнурок?

– Его не снимают. Используют один раз. Потом он считается испорченным. Я видел эту штуку только однажды. Моему знакомому удалось перерезать ее у себя на горле. Но более везучего парня на свете нет, не считая тебя, конечно.

Я огляделся вокруг. Сам Снэйк интересовал меня меньше. Может, наш убийца и дилетант, но тоже весьма везучий дилетант. Ни одной улики.

– Печально, – сказал я.

– Смерть всегда печальна.

Кто бы говорил! Но Морли полон неожиданностей.

– Я не о том. Посмотри, как он жил. – Я указал на угол Снэйка. Он жил как лошади. Спал на соломе. Из мебели – только грубо выкрашенный стол. – Он был профессиональным солдатом, двадцать лет в войсках, преимущественно в Кантарде. За это неплохо платят. Человек настолько осмотрительный, что ухитрился выжить, наверняка умел и с деньгами обращаться. Но он жил в конюшне, как животное, и не имел даже смены одежды.

– Бывает, – проворчал Морли. – Хочешь пари, что родился он в самых распоследних трущобах? Или на какой-нибудь грязной ферме, где и двух медяков за месяц не увидишь?

– Не надо пари.

Я видел, что он прав. У выросших в бедности людей есть патологическая страсть откладывать деньги про черный день. Но смерть приходит раньше этих предполагаемых несчастий. Жалкая жизнь. Я тронул Снэйка за плечо – мускулы его были напряжены, не расслабились даже после смерти. Странно.

Я вспомнил рассказ кухарки о Снэйке. «Он был доблестным воином» – напишут на надгробном памятнике.

Я перевернул тело, чтобы посмотреть, нет ли чего под ним. Нету.

– Слушай, Морли. Задушить – дело долгое. Вероятно, убийца сперва попробовал придушить его, а потом пырнул ножом, или наоборот.

Морли огляделся кругом. Жуткий кавардак.

– Вероятно.

– Ты когда-нибудь душил человека?

Морли укоризненно взглянул на меня: бестактный вопрос.

– Извини. А я вот душил. Мне во время набега поручили придушить часового. Я тренировался заранее.

– Не похоже на тебя.

– Мне не нравится убивать и никогда не нравилось, но я подумал: если убить человека придется и если я хочу уцелеть, значит надо все сделать как следует.

Морли проворчал что-то. Он был занят осмотром того, что некогда было лицом, грудью и животом Снэйка.

– Я все разыграл как по нотам. Когда я подошел к нему, парень дремал. Но очень быстро проснулся и отбросил меня, как тряпичную куклу. Он мне чуть мозги не вышиб, а ведь я ни на секунду не отпускал проклятой веревки. Единственно, что мне удалось, – я не дал парню заорать и поднять тревогу, а там подоспел кто-то из наших и добил его ножом.

– Ну и что?

– Если ты не сломаешь жертве шею, она будет бороться. Предположим, ей удастся стряхнуть нападающего и ослабить веревку. Парень увидит тебя, пусть даже на шее у него эта дьявольская восточная удавка, и тогда придется его прикончить любым доступным способом – иного выхода нет.

– Ты ведешь к тому, что Снэйк был сильнее убийцы. Как тот часовой.

Я не говорил, что часовой был сильнее меня, но Морли попал в точку.

– Да.

– У кого-то в доме теперь полно синяков и ссадин. Если это кто-то из домочадцев.

– Может быть. Черт побери! Почему мне так не везет?!

– Ты о чем? – Морли считает меня до неприличия везучим.

– Почему убийца не оставил следов? Ключок одежды, пучок волос, хоть что-нибудь.

– Почему бы ему просто не прийти с повинной? – Морли покачал головой. – Ты торопишься и не ценишь того, что имеешь. Он оставил нож и удавку. Куда больше? Я уже рассказывал, какая редкость этот шнурок. А сколько таких ножей ты видел?

Лезвие ножа было чуть длиннее фута и сделано из полированной стали, но больше всего меня заинтересовала рукоятка – из черного агата, гладкая, зато в самом широком месте вычеканены два серебряных двуглавых венагетских орла.

– Военный трофей? – предположил Морли.

– Довольно необычный. Из Венагеты. Принадлежал как минимум полковнику. Да, в гвардии его мог носить командир батальона, а в регулярных частях – полковник или подполковник.

– Много ли здесь таких ножичков?

– Верно, это уже что-то. Ниточка, пусть и тонкая. – Я взглянул на Снэйка. – Господи, почему ты ничего не сказал, у тебя же был шанс!

– Гаррет.

Это нам знакомо. Когда Морли кажется, что меня, по его выражению, не туда заносит, он начинает говорить таким вот предостерегающим тоном. «Не раскисай, ты же профессионал», – одергивает он меня. Не терпит он также упрямства и легкомыслия.

– Я в порядке. Но жалко парня. Я знаю, какую жизнь он прожил. Он не заслужил подобного конца.

– Пора идти, Гаррет.

– Да.

Пора. А то увязну в переживаниях. Я побрел прочь.

У каждого, как говорится, хватит сил пережить несчастье другого. Слава богу, что убит не я.

18

Морли предложил поискать следы человека, шаги которого мы слышали в темноте. Я не возражал, но следов мы не нашли.

– Нехорошо, Гаррет.

– Что?

– У меня нехорошее предчувствие. Это не просто интуиция, больше. Необоснованная уверенность. Я уверен, что дела принимают скверный оборот.

Словно в подтверждение его слов, донесся крик. Кричали не от боли и не от страха, хотя и от страха тоже. От этого звука кровь стыла в жилах. Похоже, кричала женщина, но голову на отсечение я бы не дал. На островах я слышал, как мужчины кричат женскими голосами.

– Не стой на виду, – велел я Морли и побежал к дому.

Крики не замолкали. Я ворвался в дом.

Шум доносился из западного крыла, с балкона третьего этажа. Я в два прыжка преодолел лестницу, но наверху замедлил шаги. Мне не хотелось оказаться замешанным в какое-нибудь очередное злодейство.

Ступени были забрызганы водой и заляпаны чем-то зеленым. Около лампы лежало нечто похожее на дохлого слизняка. Я тронул его ногой. Ага, пиявка. Мне пришлось близко познакомиться с ближайшими родственниками этой твари в болотах на островах.

Воняло ужасно. Запах тоже был мне знаком по островам. Что, черт возьми, стряслось?!

Гвалт стоял невообразимый, вопили все, на разные голоса.

– Копьем, копьем его, затолкайте его назад! – кричал Питерс.

– Бог мой, что же это?! – не своим голосом взвизгнул Деллвуд.

Я осторожно поднялся выше и увидел собравшихся на лестничной площадке мужчин. Двое из них тыкали копьями во что-то, копошащееся на лестнице.

Во что именно, я толком не разглядел. Но подозрение у меня появилось.

Оживший мертвец.

Я взял лампу.

Мне не хотелось видеть то, что я увидел, никому не может хотеться, а убийце меньше всего.

Это был труп. Один из погребенных в болоте. В народе их называют ходячими покойниками – убитые, которые не могут найти покоя, пока не наказан убийца. Существует миллион историй о мести мертвецов, но я никогда не предполагал, что стану участником одной из них. Ходячие покойники – это всего лишь легенда, своими глазами их никто не видел.

Забавно у нас устроены мозги. Не знаю, что должно было прийти мне в голову, но подумал я лишь об одном: почему это случилось именно со мной?

Четкая концепция убийства с корыстными целями рассыпалась в прах.

– Что делать, Гаррет, что делать?! – взывал Питерс.

Блевать, больше ничего не остается. Убить ходячего покойника невозможно: он уже мертв. Он все равно будет являться и доведет вас до белого каления.

– Попробуйте зарубить его.

Деллвуда вырвало. Чейн оттолкнул его и схватил алебарду. Два отрубленных пальца упали рядом со мной, продолжая извиваться, как живые.

– Задержите его здесь. Я обойду кругом.

Я отступил на балкон, затем спустился обратно на первый этаж и заметил белокурую незнакомку. Она стояла на верхнем балконе западного крыла, откуда ее не могли видеть остальные, находившиеся надо мной. Она казалась более оживленной и заинтересованной, чем обычно, как будто радовалась про себя. Я попытался подкрасться к ней, но, как всегда, безуспешно. Я не удивился.

Через верхний этаж я пробрался на поле боя. Ребята старались вовсю – кололи, рубили, пыхта и отпихивая друг друга.

– Это становится утомительным, – заметил Питерс.

– Согласен. За кем он?

– Какого черта, откуда мне знать?

– Кто кричал?

– Дженнифер. Она случайно наткнулась на него. Оно погналось за ней.

– Где она сейчас?

– У себя.

– Продолжайте, вы все делаете правильно.

Я отошел от них. Кид и Чейн ругались мне вслед. Я вернулся.

– Кем он был при жизни? – спросил я Питерса.

– Откуда я, черт побери, знаю? – проворчал он.

Не мешало бы сержанту обогатить свой словарный запас: он начал повторяться.

– Секунду.

Я спешил к Дженнифер; ее покои, видимо, были такие же, как у генерала, но этажом ниже. Я дернул дверь – заперто. Я постучался:

– Дженнифер, это Гаррет.

Какое-то шевеление за дверью, потом все смолкло. Она не открыла.

Что ж, ничего удивительного, если учесть, какие страсти рассказывают о проделках оживших мертвецов.

Я попытался еще раз, но Дженнифер не отозвалась. Тогда я вернулся к ребятам. Там все было по-прежнему – хотя всюду валялись вонючие куски разложившейся плоти, существо продолжало неумолимо надвигаться на нас.

Я нашел чистое местечко, с которого мог спокойно наблюдать за сражением.

– Кто это все же был, Питерс?

– Я узнал его. Спенсер Квик. Он исчез два месяца назад. Я узнал его по одежде, никто больше так не одевался. Он носил вещи из черной кожи, воображал, что женщины от этого балдеют. А чего ты, собственно, прячешься там, Гаррет? Хорошо устроился, сукин сын.

Я схватил палаш футов пяти длиной, из тех, которыми в былые времена забавлялись на турнирах рыцари. Попробовал конец. Довольно острый. Я приготовился встретить движущегося к балкону мертвеца:

– Пусть идет.

– С ума сошел! – крикнул Кид.

Может, и сошел.

– Отвалите. Прочь с дороги.

– Отойдите, – велел Питерс.

Что-то он стал слишком послушным.

Они отскочили.

Останки волочились в мою сторону, цепляясь за стену и распространяя зловоние.

– Чего ты ждешь?! – завизжал Уэйн.

Я надеялся, что мертвяк нападет на своего убийцу. Но он не напал. Чего и следовало ожидать.

Служаки запаниковали, схватили топоры и мечи и принялись размахивать ими. Шесть человек и в таком состоянии – чудо, что они не поубивали друг друга.

Я встал в сторонке и смотрел, не воспользуется ли кто суматохой, чтобы убрать еще одного наследника.

Теперь им было где развернуться, и они изрубили мертвеца на мелкие кусочки. Много времени на это не потребовалось: у них были причины стараться. Тайлер, Уэйн и Деллвуд долго не могли остановиться и продолжали рубить уже без всякой необходимости.

Только запыхавшись вконец, они уgomонились, хотя еще поглядывали на меня: не приняться ли теперь за старину Гаррета? Судя по всему, brave вояки сочли, что я помогал им не слишком усердно.

– Ладно, сейчас надо позаботиться об остатках, лучше всего собрать все куски и сжечь. Питерс, расскажите мне о Квике поподробнее. Каким он был и как так вышло, что исчезновение его никому не показалось странным?

Чейн готов был взорваться. Но я не позволил ему вмешаться и продолжал:

– Чейн, и вы, Питерс, и вы, Тайлер. Я хочу, чтоб вы вышли со мной. Мы попробуем пройти по его следам.

– Что? – Чейн судорожно сглотнул. – По следам?

– Да. Я хочу понять, откуда он вышел. Может, от этого будет толк.

Чейн затрясся:

– Должен признаться, я оказался полным дерьмом. Я боюсь. За все годы в Кантарде я ни разу так не боялся.

– Ты никогда не попадал в такие ситуации. Это пройдет. И нечего стыдиться, со всяким случается.

– Мы потеряли не одного Квика, – сказал Питерс. – Они что, все явятся?

– Вряд ли. Мертвяки не сваливаются вам на голову пачками, как правило. – Я припомнил парочку историй: например, о Дикой Охоте – целая банда всадников-мертвецов охотилась за живыми. – Вы видели, что оно еле ползает. Будьте начеку, тогда сможете перехитрить его. Главное – спокойствие. Единственное средство прекратить их нашествие – принести в жертву настоящего убийцу.

– О боже! – вскричал Чейн. – Ему без разницы, ему нужен кто-нибудь. Кто угодно. Подумаешь, мол, просто еще одна славная ночь, в армии таких было немало. Но я притворялся. На самом деле я был жутко напуган.

– Вооружитесь, если так будете чувствовать себя уверенней, и обязательно захватите топоры.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Гаррет, – пробормотал Питерс.

Я не знал. Я просто старался громкими распоряжениями и активными действиями заглушить страх.

19

– Тайлер, держись слева от меня, футах в четырех. А ты, Чейн, справа. Что-то не вижу следа. Посмотрим-ка получше. Пошли.

Мы с Питерсом встали между ними, так что получилась цепь длиной шагов сорок.

– Вряд ли оно оставило следы, – заметил Питерс.

– Все может быть. Вы собирались рассказать мне о Квике. Каким он был, пока мы не прикончили его.

– Мы? – хмыкнул Чейн. – Будь я проклят! Нет сил слушать, что ты несешь.

– Тише, – осадил его Питерс. – Он все делает правильно. Спрашивай, не стесняйся, Гаррет.

– Боюсь, я тем самым выдам себя и сыграю на руку убийце.

– Он и так уже предупрежден.

– И невредим. Кстати, список жертв увеличивается. Снэйк убит.

Питерс остановился, поднял фонарь и внимательно посмотрел на меня:

– Не шутишь? Снэйк. Но почему, черт возьми, Снэйк?

Попытаться вспомнить, кто где сидел, когда я отпер дверь и выпустил Снэйка? Пустое: любой человек с хорошим слухом мог разобрать, что он сказал мне дурацким театральным шепотом. Может, он хотел, чтобы убийца знал. Может, строил какие-то планы, но они обернулись против него. Но я бы близко к себе не подпустил человека, про которого точно знал, что он убийца. Настолько близко, чтоб можно было накинуть петлю.

– Нашел, – сказал Чейн.

Находка оказалась полусгнившим кусочком кожи, зацепившимся за куст. Мы вновь построились шеренгой и пошли дальше.

– Расскажите мне о Квике, – попросил я.

– Не могу, – ответил Питерс. – Я практически не знал его. Он тоже не любил общества, как и Снэйк, почти все время проводил один. Из него слова нельзя было вытянуть. Но он воображал, что ни одна баба перед ним не устоит. Если хочешь разузнать о нем, поспрашивай

девчонок в «Черной акуле». Я только могу сказать, что генерал его знал и работал с ним в связке. Как и со всеми нами.

Я проходил мимо «Черной акулы» по дороге к дому Стэнтнора. Мрачного вида забега-ловка. Я собирался разведать, какое пиво там подают. Теперь есть повод заглянуть туда.

– Чейн, а ты что-нибудь знаешь о нем?

– Нет. Противный был тип. Я не огорчился, когда он ушел. Они со стариком вечно собачились. На деньги Квик, сколько я его знал, всегда плевал. Просто больше некуда было деваться.

– Тайлер?

– Ничего не знаю. Знаю только, что в «Черной акуле» его уважали. Он был настоящим оборотнем, этот Квик: как завидит бабу, меняется на глазах. Я думал, что он нашел себе местечко получше, – вот и все.

Прекрасно. Живые чудные, а мертвые и того чудней.

Мы пытались, пока не потеряли след, найти еще какие-нибудь зацепки. Двигались еле-еле.

– Кто это делает, Гаррет, как ты думаешь? – спросил Питерс.

– Понятия не имею.

– Он скажет, когда останется один из нас, – поддел меня Чейн.

Вмешался Тайлер:

– Я бы поставил на Снэйка. На островах он вконец спятил. Помешался на убийствах. Бывало, надоест ему сидеть сложа руки, соберется и идет охотиться в одиночку.

Я знал нескольких таких парней. Они как наркоманы. Привыкли на войне убивать и не могли остановиться. Только смерть могла избавить их от этой дурной привычки.

Питерс нашел место, где высокая трава была слегка примята. Видимо, мертвяк тут остановился. Мы снова напали на след. Он привел нас к той самой трясине, о которой говорил Питерс.

– Вы когда-нибудь слышали о кефах-душителях? – осведомился я.

– О кефах? Каких кефах, ты сказал?

– Душителях. Вроде как племя такое. Профессиональные убийцы. Вернее, религия предписывает им убивать.

– Черт возьми, кефы живут минимум в двух тысячах миль отсюда. Я их в глаза не видел. Меня тоже бог хранил от этого удовольствия.

– Они вроде эльфов.

– К чему ты о них начал?

– Снэйк был задушен их удавкой, ритуальным шнурком. Надо полагать, в ваших краях это не самое распространенное оружие убийства.

Насколько я мог разобрать при свете фонаря, Питерс был изумлен. Бог мой, до чего мерзкая у него физиономия.

– А что скажете о боевом кинжале венагетского полковника? У кого здесь есть подобные сувениры?

– С черной ручкой и чеканкой серебром? Длинное лезвие?

– Да.

– Можно полюбопытствовать, почему ты спрашиваешь?

– Можно, но я не отвечу. Сначала расскажите мне об этом ноже.

– У Снэйка был такой. Во время одной из своих отлучек он убил полковника, а кинжал взял себе, – сказал Чейн.

– Проклятье!

– В чем дело?

– Этим ножом его и зарезали – потому что номер с удавкой не прошел, а преступник торопился. Нет, вы подумайте! Его собственным кинжалом! Черт возьми, еще окажется, что он покончил самоубийством!

Похоже, негодяй был не столько умен, сколько дьявольски везуч. Слишком много случайностей играло ему на руку.

– Бог мой! – охнул Чейн.

– Что еще? – спросил Питерс.

– Посмотрите-ка.

Мы подошли к нему. Чейн поднял фонарь повыше.

Теперь в траве было два следа, футах в двух друг от друга. Мы с Питерсом обменялись взглядами, потом посмотрели на Чейна.

– Тайлер! Иди сюда.

Но Тайлер не пришел. Мы заметили свет его фонаря невысоко над землей, как будто он встал на колени и что-то разглядывает.

– Секунду.

– Что ты видишь?

– Похоже...

Какое-то движение у него за спиной.

– Осторожней, сзади!

Мертвяк схватил Тайлера за горло и поднял в воздух. Шея бедняги хрустнула, он пискнул, как придушенный кролик, фонарь его упал на землю и разбился. Керосин загорелся, огонь лизал ноги трупа. Он поднял Тайлера над головой и отшвырнул в темноту, затем повернулся к нам.

– Расходимся, – велел я.

– Черт тебя возьми, надо что-то делать, а не глазеть, – огрызнулся Чейн.

Керосин догорел. Ни трава, ни мертвец не занялись: отсыревшее топливо плохо горит.

– Надо расчленить его, как того, первого, – сказал я.

– Нечего болтать, делать надо, – повторил Чейн.

Увы, он был прав. Мертвецу было без разницы, на кого нападать. Он ненавидел всех живых. Если бы дело было в Тайлере, он бы тут же распался на куски, исчез – полностью отмщенный и удовлетворенный. Но он не успокоился. Он жаждал нашей крови.

Ничего, с тремя ему не сладить. Мы двигаемся быстрее, и у нас оружие. Но труп наступал, а не так-то просто расчленить тело, которое не лежит спокойно в гробу, а преследует тебя.

Но через несколько минут испуг начал проходить и ко мне вернулась способность сообщать.

– Кто это был?

– Пончик, – ответил Чейн, сосредоточенный, как часовщик, каждое движение которого должно быть точно рассчитано.

– Пончик? Что за имя такое?

– Прозвище, – прояснил Питерс. – На самом деле его звали Симон Ривервэй. Но он не любил это имя. Пончик ему нравилось больше. Так его прозвали женщины в Фулл-Харборе: говорили, что он сладенький, как пончик.

Чудно. Я размахнулся, хотел ударить мертвяка по шее. Он вытянул руку, пытаясь помешать мне, и удар сломал ему запястье. Но существо воспользовалось тем, что я потерял равновесие, схватило меня другой рукой и крепко держало за рукав. Все, каюк тебе, Гаррет, промелькнуло у меня в голове. Чейн поднял обе руки над головой и изо всех сил рубанул мертвеца. Он попал ему по плечу, и тот отпустил меня.

– Я твой должник, Чейн.

Я отскочил на несколько шагов и, готовясь последовать примеру Чейна, поставил фонарь на землю.

Труп последовал за мной – и удружил Питерсу. Тот подскочил сзади и ударил его под коленки, перерезав сухожилия.

Он продолжал надвигаться, но уже значительно медленнее.

Казалось, это не кончится никогда. Но все-таки мы сладили с ним. Он упал и больше не вставал. Тогда мы для пущей уверенности искрошили его на мелкие кусочки. За работой страх прошел. Я поднял фонарь.

– Лучше уйти отсюда и дождаться рассвета. Двое уже приходили, могут появиться еще. После все осмотрим.

– Ты говорил, они ходят поодиночке, – возразил Питерс.

– А вдруг я ошибся? Не хочется ставить опыты, пошли отсюда.

– Первую умную вещь от тебя слышу. – Чейн осмотрел Тайлера. – Мертвее мертвого. Ты думаешь, Тайлер один из убийц?

– Не знаю. Поручиться не могу. Сейчас ему было все равно, кого убивать. Он пришел просто убивать людей.

– Как в басне о волке и ягненке? Пошли. А то Тайлер как вскочит – и за нами! Этого мне не вынести.

Я не возражал. Вообще считается, что покойник начинает ходить лишь спустя несколько месяцев после смерти, но мне не хотелось проверять, правду ли говорят в народе.

20

Мы добрались до дома, и я отправился проводить Деллвуда, Кида и Уэйна. Они разожгли на заднем дворе костер и бросали в огонь куски первого трупа.

– Бросайте все, – велел я, – и в дом.

– В чем дело, сэр? – спросил Деллвуд.

Румянец уже вернулся к нему.

– Видимо, он пришел не один, только что мы наткнулись на его приятеля, при жизни его звали Пончик. Он убил Тайлера. До рассвета лучше не высовывать нос на улицу.

Они не стали базарить, не стали задавать вопросы. Они покидали остатки трупа в огонь и направились к дому. Я пошел за ними, озираясь по сторонам. Непонятно, куда подевался Морли.

Оставшиеся в живых собрались у фонтана. Когда я присоединился к ним, они толковали о Снэйке и Тайлере. Уэйн и Кид полагали, что второй покойник попал в точку и убил истинного злодея.

– Не уверен, – возразил я. – Он пришел убивать и не удовлетворился Тайлером, только червячка заморил. Деллвуд, проверь двери. Питерс, есть еще входы в дом?

– Несколько.

– Возьмите с собой Чейна и Кида, проверьте все. Пока не рассветет, будем передвигаться по трое.

– Как? – не понял Чейн.

– Я думаю, убийца работает в одиночку, значит у нас все время будет численное превосходство – двое на одного.

– Ах вот оно что!

– Спроси ребят о той удавке, – напомнил Питерс.

Верно.

– Деллвуд, Уэйн, Кид, вы что-нибудь знаете о кефах-душителях, в особенности об их ритуальных шнурах для удушения?

Они наморщили лоб.

Деллвуд вернулся после поспешного обхода дверей и, еще не отдышавшись, сразу спросил:

– О чем речь?

Я описал веревку, которую обнаружил на шее Снэйка.

– Похожая штука есть в кабинете генерала.

Лицо Питерса прояснилось.

– Точно! Вспомнил. Я видел такой шнурок в углу у камина, среди всякого железного хлама и хлыстов.

Я тоже вспомнил хлысты, но, конечно, до сих пор я не обращал на них внимания.

– Деллвуд, в следующий раз, когда будете там, проверьте, не исчезло ли что. Спросите у генерала, откуда у него эта вещь, а если ее нет на месте – куда она исчезла.

Деллвуд кивнул. Ненавижу небрежность и легковерие, но я просто не мог подозревать его. Мне казалось, что он не способен на преступление. Если исключить еще Питерса: не псих же он, чтобы нанимать детектива, будучи виновным, выбор не такой уж большой.

Остальные мыслили так же. Чейн, Кид и Уэйн, беспокойно переглядываясь, старались держаться подальше друг от друга: им стало тесно в одной комнате.

Питерс хотел было отойти.

– Подождите. Сначала еще один вопрос. С этими убийствами я совсем отвлекся от краж. Есть среди вас наркоманы? Игроки? Бабники?

Эти пристрастия могли стать причиной воровства.

Они отрицательно замотали головой.

– Ни Хокес, ни Снэйк, ни Тайлер?

Трое за один день. Старик будет недоволен моей работой, хотя, если подумать, он ведь не охранником меня нанимал.

– В Кантарде не выжить, если не умеешь обуздывать свои пороки и желания, – сказал Питерс.

Да, правда. Хотя места вроде Фулл-Харбора – это настоящий притон, рассадник пороков. Там мы проводили наши редкие отпуска и свободные дни. Зато там же мы узнавали, что почем в этой жизни, лишались всех своих иллюзий.

Карента до сих пор не освободила Фулл-Харбор, несмотря на требования Слави Дуралейника. Срок его ультиматума истек. Очень скоро там что-то произойдет, серьезная заварушка. На этот раз у Слави не будет обычных преимуществ. Нелегко справиться с приготовившимся к обороне укрепленным городом, и взять его хитростью тоже не удастся. Вряд ли у Слави найдутся друзья за крепостными стенами, а среди его врагов – сильнейшие колдуны Каренты. С ними ему не совладать.

Я не сомневался – Фулл-Харбор Дуралейнику не по зубам. Но попытаться ему придется. Он слишком много звонил об этом, обратного хода нет.

Впрочем, сейчас нам не до осады Фулл-Харбора. Мы тоже осаждены, ужас подстерегает нас за стенами дома.

Группа Питерса разошлась по дому – проверить, не проник ли кто внутрь. Остальные по-прежнему, как запасные игроки, сидели у фонтана. Некоторое время молчали, потом я спросил:

– Деллвуд, что думаешь делать после смерти генерала?

Он удивленно взглянул на меня:

– Никогда всерьез не думал об этом, мистер Гаррет.

Трудно поверить. Я так и сказал ему.

– Зря не веришь, Гаррет, – хихикнул Уэйн. – Деллвуд у нас не от мира сего. Он не из-за денег торчит здесь, просто хочет заботиться о старике.

– В самом деле? А почему торчишь здесь ты?

– По трем причинам. Деньги. Больше некуда деваться. И Дженнифер. Женщины – моя любимая тема, но за последние дни это первая возможность посудачить о них.

– Генеральская дочка?

– Она самая. Хочу заполучить ее.

Что ж, честно и открыто.

– Каково мнение генерала?

– Понятия не имею, я не поднимал этого вопроса и не собираюсь поднимать до его смерти.

– А что вы собираетесь делать с вашей долей наследства?

– Ничего, пускай лежит. Зачем мне деньги, если я женюсь на Дженни?

Резонно.

– Поэтому я не убийца, мистер. Мне незачем никого мочить, чтобы получить половину имущества старика.

Опять же резонно.

– А мнение Дженнифер?

Она вроде бы не проявляла никакого интереса к Уэйну.

– Если честно, не сказать, что она от меня без ума. Но других предложений у нее нет и, похоже, не предвидится. Придет время – и она капитулирует.

Самоуверенный малый, говорит, точно на все сто убежден – выйдет по его.

– Ты что об этом думаешь, Деллвуд?

– Бог знает, сэр. Но кто-нибудь мисс Дженнифер все равно понадобится.

– А ты чем не пара?

– Нет, сэр. Мне с ней не сладить. Я уж молчу о том, что не больно-то приятно иметь с ней дело.

– Да ну?

Я хотел было расспросить его поподробней, но тут Уэйн вскочил и показал пальцем в сторону черного хода.

За дверным стеклом маячила смутная тень. Вновь прибывший потряс дверь. Я принял его за Морли и не спеша пошел открывать. Пусть подождет.

Я был на полпути, когда пришелец прижался лицом к стеклу. Я разглядел полуразложившиеся черты трупa и остановился:

– Еще один. Спокойно. Скорее всего, он не сможет войти. Если все же войдет, не пускайте его дальше.

Я вернулся к фонтану, устроился поудобнее. Я был взволнован, но не испуган. Чего бояться? Ожившие мертвецы не так уж опасны, если вы приготовились достойно встретить их.

Один за ночь – противно, но еще куда ни шло, а больше...

Все на свете может быть, и все бывает, но ходячих покойников мне раньше видеть не доводилось. Никогда не слышал, чтобы люди в действительности сталкивались с ними. Я, конечно, не имею в виду вампиров. Но вампиры – другое дело. Это просто болезнь такая, и они не по-настоящему мертвы, они ни то ни сё – не живые и не мертвые.

Как бы то ни было, один труп – неприятно, два – неприятно вдвойне, но три – это уж ни в какие ворота не лезет. Нет, тут дело не просто в ненависти и жажде мести.

Легенды гласят, что массовое нашествие мертвецов могут вызвать лишь колдуны и чародеи.

– Гм. Скажи, Деллвуд, нет ли в округе какого колдуна? Хотя бы волшебника-любителя?

– Нет, сэр, – нахмурился он. – К чему вы клоните?

– Подумал, не позвать ли его на помощь, пусть уложит наших неугомонных приятелей в кровать, – соврал я.

– Снэйк, – сказал Уэйн. – Он знал всякие такие штуки. Его одна ведьма научила. Было время, он от нее ни на шаг не отходил, писал с нее портрет, вот она и выучила его своим фокусам. – Он заржал. Видно, фокусы были забавные. – Впрочем, бедняга Снэйк не особо преуспел в магии.

– И он мертв.

– Верно. Как говорится, нет человека – нет проблемы.

– Но... мозги у него крутились в эту сторону? В смысле, он думал как колдун?

– Не понял.

– Слушай сюда. Я должен был встретиться с ним. Он собирался назвать мне убийцу. Казалось, сомнений у него нет. Он должен бы принять меры предосторожности. Но, несмотря на его выучку, силу и осторожность, его убивают. А может, он допускал такой вариант? Предположим, он хотел подстроить ловушку.

– И попался.

– Слушай дальше. Говорят, убив колдуна, ты навлекаешь на себя страшное проклятие. Допустим, Снэйк решил, что, если он будет убит, все убитые раньше восстанут и покарают злодея.

– Черт его разберет, – проворчал Уэйн. – С этого психованного недоумка все станется, мог и такую свинью нам подложить.

Порой сверкание моего блистательного ума ослепляет даже меня самого.

Пусть я прав. Следовательно, нашествие мертвецов объяснено. Что дальше? Убийца, если только это не Тайлер, по-прежнему гуляет на свободе. До нового нападения мы ничего не узнаем.

Если у убийцы есть хоть капля соображения, он сбежит при первом удобном случае. Я верю в человека, в его разум.

– Ладно, ребята, я смертельно устал и отправляюсь на боковую.

– Сэр! – запротестовал Деллвуд.

– Ему не войти.

Однако он продолжал ломиться в дверь, настойчиво, хоть и безрезультатно.

– Убийце, если он еще жив, крупно повезло. Теперь он все может свалить на Тайлера. Это и дураку ясно.

Я действительно чертовски устал, глаза слипались. Нет, поспать решительно необходимо.

– Всем спокойной ночи.

21

Я открыл дверь и сразу же обнаружил Морли, преспокойно сидящего за моим письменным столом, водрузив на него ноги.

– Стареешь ты, Гаррет, не можешь и одной ночки провести на ногах.

– Гм.

А что я вам говорил? У нас, детективов, мозг как стальной капкан и реакция просто молниеносная, за словом в карман не лезем.

– Я слышал твое обращение к парням, поручения раздал, ложись теперь, дрыхни.

– Вторую ночь не сплю. Как ты вошел? Мы вроде все проверили и заперли.

– Верно, но штука в том, что я вошел раньше. Вы охотились на того мертвеца, а я пошатался немного кругом и зашел. Побродил по дому и поднялся сюда, когда старушенция-троль начала греметь горшками.

– О!

Сегодня ночью я определенно не в ударе. Или сегодня утром? Первые солнечные лучи уже заиграли на оконных стеклах.

– Я осмотрел кухню, проверил, чем тут кормят. Можно сказать, ради тебя, старина, не щажу живота своего.

Я не стал уточнять. Кухарка отдавала предпочтение простым, тяжелым деревенским блюдам: мясо с подливкой, мучное – и все жирное. Хотя блюдо, которым она угощала меня в первый раз, могло понравиться даже Морли.

Уходить он явно не собирался, более того:

– Я думаю, тебе нужен свой человек, и человек умелый, чтобы как-то уравновесить силы.

– Угу? – Ничего лучшего в голову не пришло.

– Я осмотрю помещение и поищу комнату, куда они не заглядывают и где я могу затаиться, не рискуя переполюшить весь муравейник, и помочь тебе.

Помощь пришлась бы очень кстати. Сотню вещей следовало сделать, но не доходили руки. Например, осмотреть потайные ходы, порыться в жилых комнатах. У меня не хватало на это времени и, вероятно, не хватит – на мне вечно висит что-нибудь неотложное.

– Спасибо, Морли. Долг за мной.

– Пока что нет. Но скоро сквитаемся и тогда...

Он имел в виду пару-другую поручений, которые взваливал на меня раньше. Самое неприятное из них – я помог ему притащить к одному его недругу гроб с вампиром. Он, конечно, не предупредил меня по вполне понятной причине – я отказался бы. Я ничего не подозревал, пока вампир не выскочил из гроба. Само собой, в восторг я не пришел. С тех пор Морли расплачивается со мной мелкими услугами.

– Введи меня в курс дела, чтобы я не изобретал велосипед.

Для начала я высморкался.

– Холод меня доконает. Я начинаю трястись, как овечий хвост.

– Диета, – изрек Морли. – Питайся правильно – и никогда не простудишься. Посмотри на меня. Я ни разу в жизни не простужался.

– Может, и так.

Эльфы не подвержены простудам. Я дал Морли подобный отчет, как будто разговаривал с Покойником. Рассказывая, я не сводил глаз со своего дружка. Стоит Морли заметить, что получается, будто он бескорыстно помогает мне, – он тут же придумает, как извлечь из этого выгоду. Я знаю его достаточно хорошо и сразу замечаю, когда он делает стойку. Первое, что может взбесить ему в голову, – кликнуть свою шайку и обобрать Стэнтнора до нитки. Это нетрудно. Значительно трудней потом спастись от преследований разъяренных и жаждущих твоей крови богатеев. Правда, не больно он их боится.

Вряд ли они станут так уж переживать из-за генеральского добра, суть в сословных интересах: нельзя допустить прецедент. Все военачальники, адмиралы, колдуны и чародеи примут участие в крестовом походе против Морли и потребуют его примерной казни.

– Итак, налицо три разных преступления, – подытожил Морли. – Воруют – раз. Вероятно, пытаются медленно убить генерала – два. Массовые убийства – три. Воровством уже занимаются, об этом у тебя голова может не болеть. Генерал... Мне и доктору необходимо осмотреть его. Что касается другого убийцы, единственный путь – продолжать расспрашивать людей, само собой, исключая подозреваемых.

– Не учи ученого, Морли.

– Ладно, надо же, какой обидчивый. Я просто думаю вслух.

– Ты согласен, что Деллвуд и Питерс – маловероятные кандидатуры?

– Конечно. Старик прикован к постели, и к тому же у него совсем никаких мотивов.

О генерале я даже не подумал.

– Кид староват для такого темпа и недостаточно силен.

– Возможно, хотя нападать исподтишка и врасплох – обычное дело для убийцы, а на это способен и пожилой человек.

– Пожалуй. Дальше Уэйн – хочет жениться на деньгах. И кто же остается?

– Чейн.

Жирный, отталкивающий субъект. Я с первого взгляда почувствовал к нему неприязнь.

– И дочка. И возможно, кто-то со стороны. Не говоря уж о тех, кто просто покинул дом, а не пал от руки убийцы.

– Подожди-ка, о чем ты?

– Предположим, Снэйк Брэдон вызвал трех. Где еще один? Кто он такой? Что было написано об этих людях в завещании?

Я не помнил. Одного вычеркнули. Это я слышал. Но если кому-то полагалась часть наследства, даже если он сейчас отсутствовал и все думали, что он ушел насовсем или умер, –

у него были веские причины и удобная позиция, чтобы совершить эти злодеяния, а потом вернуться как ни в чем не бывало.

– Кто бы ни убил Хокеса, он направлялся к дому.

– Ты потерял след.

Верно.

– Если это сделал кто-то не живущий в доме, значит он не знает, что генерал сжег завещание.

– И продолжает свое черное дело.

Опять же верно.

– Кто-то пытался зарубить меня.

– Но это могло быть связано с другими преступлениями.

– Морли, отстань, у меня и так уже крыша едет от этой чертовщины.

Он взглянул на меня и криво усмехнулся:

– Точно, рожа у тебя преглупая.

– Я толкусь на месте и тороплю события. Когда нехорошие мальчики нервничают – они делают ошибки и сами себя выдают.

Морли хихикнул:

– Сообразительный ты парень, Гаррет. Что, если преступником был Тайлер?

– Запросто.

– Кстати, кухарка. Она торчит здесь четыреста лет, и ей вполне могло прийти на ум, что генеральское семейство обязано выделить ей кусок пожирней, чем старик собирался ей дать.

Что ж, может быть. Тролли – это другая раса, и голова у них устроена по-другому. Если кто-нибудь мешает троллю, он просто сметает неосторожного со своего пути.

– Кухарку видели в доме, когда был убит Хокес. Кроме того, даже если лошадь не свалилась под ее весом, следы были бы в метр глубиной.

– Но может, она травит старика?

Я пожал плечами:

– Средства и возможность у нее есть, но я не улавливаю смысла. Она вырастила генерала, я сказал бы, что она по-своему привязана к нему.

– Ты прав, – фыркнул Морли. – Этак мы ни к чему не придем. Ложись-ка баиньки, а я пойду поброжу.

– В спальню не заходи, – предупредил я. – Там ловушка: топор для незваных гостей.

Я решил улечься на перине. Пол гардеробной чересчур жесткий. Может, потом переберусь.

Морли кивнул. На лице его мелькнула улыбка.

– Пусть лучше к тебе наведается хорошенькая девчушка. Так куда интереснее.

Что верно, то верно.

22

Кто-то настойчиво стучал в дверь. Мне казалось, я не спал – просто задумался, однако за окном уже рассвело. Проклиная пришельца, я перевернулся на другой бок: не выношу, когда меня будят. Но проснулся.

Я продрал глаза, потянулся, как старая легавая, – и подскочил, будто мне в задницу булавку воткнули. Я увидел нечто невозможное, немыслимое.

Загадочно улыбаясь, в спальню вплыла блондинка. Я выпучил глаза, не в силах произнести ни слова.

Она присела на краешек кровати, посмотрела на меня. Спокойно так вошла и села – ничего с ней не случилось. Я поднял глаза – мое защитное приспособление на месте – тяжеленный топор готов упасть на голову любому, кто попадет в ловушку, и залить кровью полкомнаты. Да, топор наготове, а толку чуть: она открыла дверь, но устройство не сработало.

По спине у меня побежали мурашки. А если бы это была не моя прелестная и загадочная поклонница, а кто-нибудь, преследующий несколько иные цели? Я вообразил себя зарезанным в собственной постели, похожим на наколотого на булавку жука.

Пока я боролся с неприятными видениями и выкарабкивался из постели, блондинка исчезла, не воспользовавшись, однако, дверью в коридор, в которую не переставал барабанить какой-то невежа. Он прямо-таки вывел меня из себя.

Я собрался с духом, прихватил палку и пошел взглянуть, кто беспокоит меня в неурочный час – не важно, сколько сейчас времени на самом деле.

– Деллвуд! На этот раз что стряслось?

– Ничего, сэр. Но сегодня утром вы собирались к генералу, сэр.

– Да. Извиняюсь. Так разоспался, все на свете позабыл и остался без завтрака. Черт побери. Ладно, все равно надо садиться на диету. Дайте мне десять минут привести себя в порядок.

Вояка с недоверием взглянул на меня – видно, сомневался, что я управлюсь меньше чем за год.

– Да, сэр. Я встречу вас там, сэр.

– Прекрасно.

Стареешь, Гаррет. Лишь через полчаса я через верхний этаж прошел к генералу.

Я недоумевал, куда подевалась блондинка. Недоумевал, куда подевался Морли – и почему я до сих пор не убрался восвояси. Здешняя публика мне не по зубам. Как бы то ни было, я не собираюсь жертвовать жизнью за истину и справедливость. Слечь бы отсюда, а через годик вернуться и посмотреть, как обстоят дела.

Словом, настроение у меня было приподнятое.

Деллвуд ждал в коридоре перед генеральской дверью. Он впустил меня. Повторился обычный ритуал. Деллвуд вышел. Кид подбросил дров в камин, так что в комнате стало невыносимо жарко, и удалился вслед за Деллвудом. Я вспотел. Генерал пригласил меня садиться. Я сел.

– Деллвуд ввел вас в курс дела?

– Вы о ночных событиях? Я осведомлен. Как вы думаете, что происходит? И почему?

– Как ни странно, кое-какие соображения у меня есть.

Я рассказал ему о предложении Снэйка, об условленной встрече и как я нашел его.

– Деллвуд предположил, что шнурок взят из вашего кабинета.

– Шнурок душителей? Да. У меня есть такой, достался в наследство от отца. Он имел дело с этой сектой в начале века, когда был молоденьким лейтенантом. Его направили бороться с пиратами, они тогда совсем обнаглели. В шайке одного зарвавшегося бандюги как раз были убийцы-душители. Шнурок валялся там вместе с хлыстами.

Я проверил.

– Теперь его там нет.

Я ни капельки не удивился, генерал тоже.

– Кто мог взять его?

– Кто угодно и в любое время: я много лет не прикасался к этому хламу.

– Кто знал о его существовании?

– Все слышали мои байки об отцовских приключениях. И о приключениях других Стэнтноров. После смерти сына я ничего не жду от будущего и утешаюсь воспоминаниями о славных делах прошлого.

– Я понимаю вас, сэр.

Старик просиял:

– Вы служили под его началом?

Осторожно, Гаррет. Не давай заговорить себе зубы.

– Нет, сэр. Но от ребят слышал о нем много хорошего. Это чего-нибудь да стоит.

Особенно учитывая, как солдаты обычно отзываются об офицерах.

– Да, да.

Душой он был уже в другом времени – более счастливым, во всяком случае теперь оно казалось счастливым: так уж у нас мозги устроены – перекраивают историю, как им вздумается. Внезапно он очнулся. Видимо, прошлое было усыпано не только розами.

– Кошмарная ночь. Расскажите мне об этих мертвецах.

Я изложил ему свою теорию, что их вызвал Снэйк.

– Возможно, – сказал он. – Весьма вероятно. Колдуны и не на такое способны. Чернявка-Невидимка, была такая подлая ведьма, забавлялась тем, что вооружала необученных солдатиков и ждала, что из этого выйдет.

Имя колдуньи ничего для меня не значило, я знал только, что теперь ее диковинный псевдоним взяла себе другая ведьма. По-настоящему ее зовут, кажется, Генриетта Слэдж.

– Что-нибудь конкретное вы можете доложить мне, мистер Гаррет?

– Пока нет.

– Есть подозреваемый?

– Нет, сэр. Все подозреваемые. Мне не удастся разобраться в ситуации. Я еще недостаточно хорошо знаю людей.

Он взглянул на меня, словно хотел сказать, что надо жить по военному девизу: с трудностями справляемся, не сходя с места, с невозможным – через минуту.

– Что намерены делать теперь?

– Осмотреться получше. Беседовать с людьми, пока не приду к определенным выводам. Надо вытрясти из них правду. Ночью мне пришло в голову, что убийцей может оказаться один из покинувших дом. Видимо, он намерен как ни в чем не бывало вернуться к чтению завешания.

– Нет. Все, кто последовал за мной после ухода в отставку, подписали соглашение. Долю в наследстве имеют лишь оставшиеся в поместье.

Я потерял всякое уважение к старику. Он подкупил их, связал договором, чтобы не остаться в одиночестве. Он вовсе не был филантропом, он был всего лишь жалким эгоистом. Внушительная внешность – лишь маска, за ней скрывается некто весьма неприглядный.

Я не стал бы называть это прозрением, но интуиция не обманывала меня. Передо мной сидел низкий старикашка, искусно прячущий свою подлинную сущность.

Я взглянул на него повнимательней. Цвет лица сегодня утром опять скверный. Улучшение прошло, старик снова на прямой дорожке в ад.

Не твое дело судить его, Гаррет, одернул я себя.

Но потом напомнил себе, что именно этим, восстановлением справедливости, я и занят в данный момент.

Кто-то постучал в дверь. Я так и не успел решить, имею ли право осуждать генерала, а он, видимо, собирался оправдываться.

– Войдите.

Деллвуд открыл дверь:

– Мистер Тарп хочет видеть мистера Гаррета.

Генерал посмотрел на меня. Я пояснил:

– Это человек, которому я поручил заняться поиском пропавших вещей.

– Приведи его, Деллвуд.

Деллвуд закрыл дверь:

– Сюда? – удивился я.

– Вы опасаетесь, что он скажет что-нибудь не предназначенное для моих ушей?

– Нет. Я просто не хочу беспокоить вас.

– Ничего страшного.

Старый черт хочет развлечься. Не больно ему интересно, что расскажет Плоскомордый, – просто одному неохота сидеть.

– Мистер Гаррет, не затруднит ли вас подбросить дров в камин?

Проклятье, а я-то надеялся, он не заметит, что пламя стало не таким вулканическим. Похоже, единственным занятием Кида было поддержание огня.

Появился Плоскомордый с вещевым мешком. Двигался он с изяществом пещерного медведя; в его лапище здоровенный мешок казался дамской сумочкой. Деллвуд, похоже, немного оробел. На старика мой приятель тоже произвел впечатление.

– Покажите его кухарке, – пошутил он. – Ей не устоять.

Первая потуга сострить за время моего присутствия в доме.

– Вы свободны, Деллвуд.

Деллвуд вышел. Плоскомордый отер пот со лба:

– Что за черт, почему ты не откроешь это проклятое окно? А где твой старичок?

– Ну-ну, повежливей.

– Ладно.

– Что у тебя?

Приезд Плоскомордого меня удивил. Не такие он получил деньги, чтоб чересчур усердствовать.

– Похоже, я нашел кое-что из украденного.

Он вывалил содержимое сумки на письменный стол. Серебряные подсвечники. Не вздо-
рожай серебро в последнее время, они не представляли бы особой ценности.

– Это ваши вещи, генерал? – спросил я.

– Проверьте подставки. Если вещи принадлежат нашей семье, внизу должно быть клеймо
в виде морского конька.

Я посмотрел. В самом деле, морские коньки.

– Вот и зацепка. Как они к тебе попали, Плоскомордый?

У Плоскомордого, когда он разговаривает, голос почему-то становится неестественно –
для его габаритов – писклявым.

– Вчера вечером у Морли в ресторане потолковал с парнями, – поведал он. – Они жало-
вались, что дела плохи. Посидели, поболтали о том о сём, ну знаешь, как это бывает. Потом
один из парней спросил, назначено ли вознаграждение за эти вещи. Морли мне о вознаграж-
дении ничего не сказал. Ну я так и говорю: «Может, да, может, нет, а ты что-нибудь знаешь?»

– Нельзя ли покороче?

– Оказалось, он знает кое-кого из скупщиков, которых я не знаю. Они иностранцы.
Сегодня утром я наведася к одному. И сразу же напал на эти подсвечники. Немного погово-
рили, я ему пригрозил, он в долгу не остался. Я намекнул, что он вроде бы ни с кем из воротил
не связан, а я, так уж случилось, лично знаком с самим Чодо. Не хочешь ли, говорю, уладить
это дельце? А он вдруг стал такой покладистый. Короче, одолжил мне подсвечники, но я обе-
щав вернуть их.

Значит, так он и сделает. Если же генерал попытается заграбастать свое добро, Плоско-
мордый пойдет напролом – он свое слово держит.

– Ладно, получишь назад. Скупщик может опознать вора?

– Все вещи куплены оптом, у другого иностранца. Мой знакомый готов продать его имя.

– Вы следите, генерал?

– Я понял так – тот скупщик краденого купил подсвечники у другого скупщика. За опре-
деленную мзду первый готов выдать второго.

– Все так.

– Выбейте из него это имя.

– Не годится, генерал. Он предлагает честную сделку, и мы должны ответить тем же.

– Вести переговоры с преступниками, как с порядочными людьми?

– Вы всю жизнь провели с бандитами с Холма. Но вы же не брыкались и играли по их
правилам. Сейчас у нас есть зацепка. Мы можем сегодня же покончить с делом о воровстве.
Плоскомордый, сколько он хочет?

Я привык просчитывать несколько ходов вперед. Скупщик краденого без связей? Ему
понадобятся друзья. Его бы приласкать, приручить – в один прекрасный день он может ока-
заться полезным. Если останется жив. Никто не боится скупщиков краденого, но Морли Дотса
и Чодо Контагью боятся все.

Плоскомордый назвал цену, она оказалась невысокой.

– Выгодная сделка, соглашайтесь, генерал. Подумайте, насколько больше вы можете поте-
рять, пожадничав из-за нескольких монет?

– Возьмите у Деллвуда: казной заведует он.

Генерал изрядно поднадоел мне, и я ухватился за возможность покинуть его общество:

– Я позабочусь об этом, сэр.

Наверное, Стэнтнор почувствовал мое нетерпение, он промолчал, но на лице его отразилась боль.

Я никогда раньше не видел такого выражения на лицах стариков, я мало имел с ними дел. Но так же выглядят дети, когда понимают, что взрослым некогда возиться с ними.

У меня защемило сердце. Я ведь считал себя славным парнем, а сейчас ощущал себя виноватым. И откуда только берется это отвратительное расстройство? Вот почему я завидую Морли: он-то никогда не чувствует вины. Он делает что хочет или что должен и недоумевает, чего мы волнуемся, почему порой так нелепо ведем себя?

23

- Старик плохо выглядит, – заметил Плоскомордый. – Что с ним?
- Не знаю. Ты поможешь мне выяснить.
- Что я должен сделать?
- Деллвуд, генерал велел дать моему другу денег на покрытие дополнительных расходов.

Сколько тебе, Плоскомордый?

Я дал ему шанс окупить поездку.

Но он не ухватился за эту возможность и почти не завысил цену:

- Двадцать. Тот парень пытался навариться на сделке, но я задал ему трепку.
- Узнай имя, потом найди самого покупателя. Хорошо? Но это еще не все – раздобудь

где-нибудь лекаря и притащи сюда.

- Лекаря? Вот те раз. Зачем тебе лекарь?

– Осмотреть генерала. У старика зуб на всех врачей, единственный выход – одурачить его. Этим ты и займешься. Идет?

- Расходы на тебе.
- Поторопись.
- Слушаюсь и повинуюсь.

Тарп был слишком прост и не стал бы иронизировать, но в голосе его мне послышалась насмешливая нотка.

Деллвуд принес двадцать монет, и Плоскомордый отправился в путь. Я проводил его до парадного и увидел, как он сел в коляску. Вероятно, он ее позаимствовал у Плеймета, нашего общего друга. Я остался недоволен расточительностью Тарпа. Старик выдал мне неплохой аванс, однако я не предполагал, что расходов будет так много.

Деллвуд присоединился ко мне:

- Могу я спросить – зачем это все, сэр?

– Спросить можете, но я не отвечу. Часть моего плана – и все. Вы расскажете генералу, что я пригласил доктора?

Он подумал:

– Нет, сэр. Это необходимо. Несмотря на вчерашнее улучшение, генерал быстро угасает. Сейчас он прикидывается молодцом, но ночь была тяжелая. Если удастся одурачить его... Я, как сумею, поддержу вас.

– Мне понадобится помощь: дел сегодня по горло. – Каких дел? Я и сам толком не знал. – Я дам вам указания попозже, но до возвращения Тарпа.

– Очень хорошо, сэр.

Мы расстались. Я отправился наверх взглянуть, не у меня ли Морли. Пора ему вступить в игру. Дойдя до верхнего балкона, я заметил свою подружку в белом. Я махнул ей рукой – как ни странно, она ответила тем же.

Морли в комнате не оказалось. Это в его духе – исчезнуть именно тогда, когда он мне нужен. Болван. Я захватил пальто и вышел.

Красотка стояла на том же месте. Она не смотрела на меня. Я решил попытать счастья еще разок. Стараясь не шуметь, я поднялся наверх, осторожно спустился. Ха! Все еще здесь.

Но... Воображение сыграло со мной злую шутку. Это была не блондинка. Это была Дженнифер в белом платье, но не в таком, какое носила белокурая красотка. Когда я подошел, она грустно улыбнулась.

– В чем дело? – спросил я.

– Так...

Она вздохнула и облокотилась на перила. Я остановился неподалеку, но не слишком близко. Внизу герой продолжал свою смертельную схватку с драконом. Чейн прошел мимо, не взглянув на них. Я посочувствовал витязю: мы, герои, равнодушны к аплодисментам.

Я ответил Дженнифер ни к чему не обязывающим, но поощряющим душевные излияния звуком «ГМ».

– Я очень безобразна, Гаррет?

Я взглянул на нее. Нет, она отнюдь не безобразна.

– Не очень. – Не она первая. Я знал нескольких столь же великолепных женщин, которые были менее уверены в своей привлекательности, чем любая дурнушка. – Только мертвец или совершенный чурбан может не заметить вашей красоты.

– Спасибо. – Дженнифер чуть-чуть оттаяла, на губах мелькнула улыбка. Она подвинулась поближе ко мне. – Ты добр. – Она помолчала. – Никто не замечает меня, не замечает, что я женщина.

Как объяснить, что дело не во внешности? Дело в душе. Она красавица, а душа у нее как у паучихи черная вдова. Никак не объяснишь. Придется присочинить, иначе не избежать взрыва, она просто возненавидит меня.

Даже стоя совсем близко к Дженнифер, я не ощущал ничего. Ее привлекательность не возбуждала.

Эге, все ли с тобой в порядке, старик?

– Ты не замечаешь меня.

– Очень даже замечаю. – Разве что слепой крот мог не заметить ее. – Но я несвободен. – Такое объяснение всегда сгодится.

– О! – В этом возгласе прозвучало уныние. Верно – уныние. В унынии прошла и проходит ее жизнь. Уныние – бездна, способная поглотить все на свете. – Как ее зовут?

– Тинни. Тинни Тейт.

– Она хорошенькая?

– Да.

Моя рыженькая под стать Дженнифер. Высший класс. Но у нас масса проблем, и одна из них – мы зашли в тупик. Это называется «не могу – жить – с тобой – и – не могу – без

– тебя». Мы недостаточно доверяем друг другу, чтобы рискнуть взвалить на себя какие-либо обязательства.

Другое дело Майя... Хотя она так часто повторяла, что мы поженимся... Может, я просто свыкся с этой мыслью... Однако я не переставал гадать, чем она занимается теперь, пытался следить за ней – словом, допускал, что не все еще кончено между нами.

– Гаррет! Очнитесь.

– Я задумался о Тинни. И потом... это место... этот дом.

– Не извиняйтесь. Я здесь живу. Я знаю. Это печальное место. Обитель призраков несбывшихся надежд и мечтаний. Некоторые из нас живут прошлым, а остальные будущим, которое никогда не наступит. Нас объединяет только кухарка, но она живет вообще в другом измерении. – Девушка не столько разговаривала со мной, сколько думала вслух. – Знаешь, Гаррет, перед домом проходит дорога, до нее не больше мили, рукой подать. Она ведет в Тан-фер, в Каренту, в мир. Но я с четырнадцати лет не выходила за ворота.

– Сколько же тебе сейчас?

– Двадцать два.

– Что держит тебя?

– Только я сама. Я боюсь. Все, чего я хочу, – там, за воротами. Но я боюсь выйти и увидеть, пощупать это. Когда мне было четырнадцать, кухарка взяла меня в город на летнюю ярмарку – больше я никогда не выезжала за пределы имения. Мне очень хотелось поехать, но город ужаснул меня.

Странно, большинство красивых женщин не испытывают в жизни никаких затруднений: все и всегда рады прийти им на помощь.

– Я знаю свое будущее. Оно пугает меня.

Я подумал, что она имеет в виду Уэйна. Я бы тоже волновался, доведись мне стать целью столь тщательно продуманной осады.

– Я останусь здесь, в своих владениях, и буду постепенно превращаться в сумасшедшую старуху, пока дом не обвалится и не погребет нас с кухаркой. У меня никогда не хватит смелости позвать рабочих отремонтировать его: я боюсь чужих людей.

– Это неправда, все будет совсем не так.

– Так. Мне исполнилась неделя, а судьба моя уже была предрешена. Если бы мама не умерла... Хотя она вряд ли что-нибудь изменила бы. Она сама, насколько я слышала, была странной женщиной. Отец – повелитель огня, мать – владычица бурь, она выросла в столь же леденящей обстановке. Родители обручили ее с моим отцом, до свадьбы они не встречались, однако папа любил ее. Мамина смерть причинила ему жгучую боль. Он никогда не упоминает о ней, но хранит в спальне мамин портрет, лежит иногда и часами смотрит на него.

Что я мог ответить? Тут не поможешь, не утетишь.

– Я собираюсь прогуляться. Не хочешь ли взять шаль и пройтись со мной?

– На улице холодно?

– Не очень.

Зима еще пыжилась, тщетно пытаюсь спугнуть пробуждавшуюся от спячки природу. Мне приятно было видеть ее бессильные потуги: терпеть не могу зиму.

– Хорошо, согласна.

Она оттолкнулась от перил и пошла по лестнице вниз, в свои покои. Я потащился следом. Дженнифер не сопротивлялась, пока мы не подошли к ее двери. Тут она занервничала: ей явно не хотелось пускать меня внутрь.

Ладно, на этот раз я готов оставить ее убежище неоскверненным. Я отступил в коридор.

Раньше я сомневался, не лишена ли Дженнифер обычного женского кокетства, но теперь сомнения развеялись как дым. Она вернулась буквально через минуту. Никогда не встречал девушки, которой на перемену туалета требовалось меньше получаса. Она управилась в один

момент, надела очень простое, военного покроя зимнее пальто, которое удивительно шло ей, подчеркивая красоту лица. Я даже вздрогнул: подумать только – такая прелестница пропадает зазря в этой темнице! Ее лицо, прекрасное, как полотна великих художников, следовало выставить в музее, чтобы все могли любоваться им.

Мы спустились в холл, прошли мимо ее предков Стэнтноров, взиравших на нас с мрачным неодобрением. Уэйн тоже недовольно зыркнул на меня – наверное, решил, что ему пытаются перебежать дорожку.

Я ошибся: было не так уж тепло. Со времени отъезда Плоскомордого холодный, пронизывающий ветер усилился. Но Дженнифер, казалось, не замечала непогоды. Мы сошли с крыльца, и я повел ее по той же тропинке, по которой шел прошлой ночью с Чейном, Питерсом и Тайлером.

– Тебе хотелось бы побывать в городе? Это можно было бы устроить.

Я имел в виду поручить ее Плоскомордому. Он мастерски умеет обращаться с женщинами, хотя сам западает лишь на совсем маленьких, росточком не больше пяти футов.

– Если ты пытаешься спасти меня, не трудись: слишком поздно.

Я не ответил – мое внимание было приковано к оставленным ночью следам.

– Сегодня я видела нечто странное. – Дженнифер резко сменила тему. – Я видела незнакомого мужчину. Я поднялась наверх, там ты меня и нашел, но его уже не было.

Должно быть, Морли.

– Наверняка это кавалер моей блондинки.

Дженнифер сердито посмотрела на меня – в первый раз, с тех пор как мы вышли из дому, она подняла глаза.

– Смеешься надо мной?

– Не над тобой. Скорей над ситуацией в целом. Я снова и снова вижу женщину. Никто больше не видит ее. Более того, никто не допускает, что она действительно существует. А теперь тебе тоже являются привидения.

– Я видела его, Гаррет.

– Не спорю.

– Но ты не веришь мне.

– Не верю и не верю. В моем деле первое правило: допускать любую возможность. Второе – помнить, что все тебе лгут.

Она вроде бы удовлетворилась этим ответом и на некоторое время замолчала.

Мы подошли к месту гибели Тайлера. Его там не было, мертвяка тоже. Я пошарил кругом, пытаясь понять, что же случилось. И не понял. Надеюсь, Питерс и прочие домочадцы помогут разрешить загадку. А выяснить это необходимо.

Дул пронизывающий ветер, небо было серым, трава пожухлой, а дом Стэнтноров нависал над нами как воплощение безысходной тоски. Я взглянул на фруктовые деревья, протянувшие к небу голые ветки. Для них скоро наступит весна, для них, но не для хозяев дома.

– Ты танцуешь? – спросил я. – Давай устроим танцульку в вашей обители сабель.

Дженнифер попыталась поддержать шутку, но у нее ничего не вышло.

– Не знаю, не пробовала.

– Эге! Это мы исправим, мы еще заставим тебя улыбнуться.

Она помолчала с минуту, а потом снова огорошила меня:

– Я девственница, Гаррет.

Вообще-то, я так и думал, но зачем сообщать об этом мне?

– Когда ты появился у нас, я подумала – вот мужчина, который изменит это. Но я ошиблась.

– Я, я вроде бы...

– Питерс предупреждал меня...

– Он говорил о моей репутации? Да, обо мне много болтают, а дыма без огня не бывает. Но то, чего ты хочешь, Дженнифер, это неправильно. Не так все должно быть.

Осторожно, Гаррет, осторожно. Черти в аду – просто кроткие овечки по сравнению с оскорбленной женщиной.

– Не надо делать это только потому, что тебе надоела девственность. Любовью надо заниматься, только когда ты уверена – ты хочешь именно этого. Когда ты с кем-то особенным, очень важным для тебя и хочешь разделить с ним нечто необычное, чудесное.

– Проповедь мне может прочитать и кухарка.

– Извини. Я просто пытаюсь объяснить тебе. Ты привлекательная девушка. Я мало встречал таких красавиц. О таких люди вроде меня могут только мечтать. Я б мигом обслужил тебя, будь я из тех парней, которые используют женщину, а потом отбрасывают ее, как обглоданную кость. Им и дела нет до ее страданий.

Похоже, мои доводы подействовали.

Уверяю вас, все это красноречие и маневрирование далось мне недаром и всколыхнуло в душе старины Гаррета массу противоречивых чувств.

– Понятно. Это твой способ быть добрым.

– Верно. Познакомьтесь, мистер Славный парень. С трудом удерживаюсь, чтобы не погладить себя по головке.

Она окинула меня внимательным взглядом.

– Извини, тебе, конечно, от моего остроумия проку мало.

Теперь я шел по следу мертвеца, медленно поднимаясь на небольшой пригорок – к семейному кладбищу. Дженнифер, похоже, ничего кругом не замечала. Шагов через пятьдесят она остановилась:

– Можешь ты сделать для меня одну вещь?

– Конечно. Даже то, о чем мы говорили, если когда-нибудь это окажется правильным.

Она натянуто улыбнулась:

– Потрогай меня.

– К-как? – поперхнулся я, растеряв все свое блестящее остроумие.

– Потрогай меня.

Что за черт?

Я прикоснулся к ее плечу. Она поймала мою руку, схватила и прижала к своей щеке. Я нежно погладил ее. Никогда еще я не касался кожи столь шелковистой.

Дженнифер задрожала – и это была нехорошая дрожь. Глаза ее наполнились слезами. Она отвернулась, не знаю уж, от смущения или от страха. Потом опять повернулась ко мне. Мы двинулись дальше, подошли к невысокой кладбищенской ограде.

– Это для меня почти то же самое, – сказала она.

– Что?

– Никто до сих пор не трогал меня. Во всяком случае, сколько я себя помню. Кухарка, наверное, трогала, когда пеленала и что там еще делают с младенцами.

На мгновение я точно окаменел, уставившись на зловещее старое здание. У, проклятый холодный дом!

– Иди сюда.

– Что?

– Просто иди сюда.

Дженнифер подошла ближе – и я крепко обнял ее. Она была жесткая, как чугунный столб. Я подержал ее, потом отпустил.

– Еще не поздно начать. Каждому необходимо, чтобы его время от времени трогали и ласкали. Каждому человеку.

Я понял, чего она добивалась. Дело не в девственности, и секс тут ни при чем. Возможно, она не сознавала этого до конца, но ей представлялось, что секс – цена, которую придется заплатить за нечто действительно нужное.

Сколько раз Морли твердил, что, как дело коснется калек и прочих ущербных, я становлюсь совсем простачком! Столько раз, что и не сосчитать. И он прав – если только у простачка может возникнуть потребность облегчить чужие страдания.

Я перешагнул через ограду и подал руку Дженнифер. Перелезая, она зацепилась за ограду подолом и тихонько чертыхнулась. Платье было явно не предназначено для загородных прогулок. Я поддержал ее, пока она отцепляла подол, осмотрелся. Взгляд мой упал на надгробный памятник, более новый, чем остальные, но такой же незатейливый. Просто гранитная плита с именем: Элеонора Стэнтнор. Даже даты нет. Дженнифер остановилась рядом:

– Моя мать.

И все? Это и есть место успокоения женщины, чья смерть перевернула, перекорежила столько жизней и превратила дом Стэнтноров в дом разбитых сердец? Я, разумеется, не думал, что генерал построил храм в честь своей жены. Ведь ее мавзолеем, ее памятником стал дом. Обитель несбывшихся надежд.

Дженнифер снова вздрогнула, придвинулась ближе. Я обнял ее. Дул пронизывающий ветер, небо было серым, а кругом – могилы. Мне тоже хотелось прижаться к кому-нибудь.

– Я передумал. То есть отчасти передумал. Проведи эту ночь со мной.

Я не стал ничего объяснять. Она тоже промолчала, только напряглась еще больше.

Это был просто порыв. Есть у меня слабинка – не могу спокойно смотреть, как человек страдает.

Может, такая штука – карма – все-таки существует. Благие деяния наши порой вознаграждаются. Мелочь, казалось бы, но порыв этот спас мне жизнь.

24

Мы постояли молча, глядя на могильный камень.

– Ты много знаешь о своей матери? – спросил я.

– Только то, что сказала тебе; кухарка мне больше ничего не говорила, отец – вообще ничего. После ее смерти он уволил всех, кроме кухарки. Так что не осталось никого, кто мог бы рассказать мне о маме.

– А о бабушке с дедушкой ты что-нибудь слышала?

– Никогда. Дедушка Стэнтнор умер, когда я была совсем маленькой. А бабушка – когда отец был еще мальчишкой. О бабушке и дедушке с материнской стороны я не знаю ничего, кроме того, что они были владычица бурь и повелитель огня. Кухарка не рассказала мне, кем именно они были. Думаю, они плохо кончили, и поэтому она решила, что лучше мне остаться в неведении.

Ага! В мозгу у меня словно колокольчик звякнул. Излюбленное развлечение нашего правящего класса – устраивать заговоры с целью захватить трон. В последнее время заговоров не случалось, но раньше, бывало, мы меняли королей как перчатки. Однажды за год их сменилось три штуки.

Большая шумиха поднялась, когда мне было лет семь-восемь. Дженнифер родилась примерно в то время. Преступный сговор раскрыли. Выяснилось, что замышлялись ужасные злодеяния, и их предполагаемая жертва пришла в праведное негодование. Ни о каком «прощено – и забыто» не могло быть и речи. Заговорщиков сначала повесили, потом изрубили на куски, головы и тела их разбросали в разные стороны, а руки и ноги провезли по всему королевству и закопали на перекрестках дорог. Их огромные поместья были конфискованы. В то время никому не хотелось оказаться даже в самом дальнем родстве с преступниками.

С моего шестка ужасно забавно смотреть, как важные господа гонятся за собственным хвостом, и вдруг – оп! – хвост прищемило дверью. Может, это двойное сравнение не из удачных, но вы поняли, что я хотел сказать. Когда случаются заварушки, сторонние наблюдатели надеются, что всякие там партии и группировки сожрут друг друга или самих себя и жизнь

наконец наладится. Не тут-то было. Они выбирают худший из возможных вариантов и на этом успокаиваются.

Выяснить, кто были дедушка и бабушка Дженнифер, не составит труда.

– Хочешь узнать что-нибудь о них? Для тебя это важно?

– Нет. Жизни моей это не изменит. Они меня абсолютно не интересуют. – Она помолчала. – В детстве я часто мечтала о них. Мечтала, что они явятся и заберут меня домой, в свой дворец. Ведь на самом деле я, конечно, принцесса. Они спрятали нас с мамой в этом доме от врагов, но случилось что-то непредвиденное. Например, они забыли, где находится наше убежище. Не знаю. Никогда не могла понять, отчего они не приходят, но уверила себя, что в один прекрасный день они все-таки появятся.

Обычные детские вымыслы. Однако...

– Вполне вероятно, ты не ошиблась. В то время в стране было неспокойно. Возможно, твою мать выдали замуж, чтобы укрыть от врагов. После смерти ее родителей остался лишь один человек, который знал, кто она: твой отец.

– Невероятно.

– Я в то время был ребенком, но все помню. Заговорщики пытались убить короля. Попытка сорвалась. Король пришел в ярость. Погибло множество людей, среди них и невинные.

Ложь во спасение. Пусть себе думает, что ее дедушка с бабушкой были лишь щепками, летящими, как известно, когда рубят лес.

Она невесело рассмеялась:

– Вот оно что! Выходит, в моих детских фантазиях была крупинка истины.

– Тебе в самом деле неинтересно?

Я мог выяснить все очень просто – стоило лишь порыться в архивах. Игра стоит свеч, если это скрасит жизнь Дженнифер.

– Наверное, немножко интересно.

– В таком случае я разужаю.

Я двинулся дальше. Она – следом, целиком погрузившись в собственные мысли, не обращая на меня внимания. Я вернулся к оставленным мертвецами следам. Мы почти вышли на дорогу, и только тогда Дженнифер осознала, что по-прежнему удаляется от дома. Не стань тропинка слишком уж неровной, девушка так бы и не очнулась.

– Куда мы идем?!

В голосе зазвучала паника. Глаза дико блеснули. Она озиралась, как человек, застигнутый врасплох на вражеской территории. Только крыша дома немного виднелась из-за пригорка, на котором находилось кладбище. Стоит нам выйти на дорогу, скроется и она.

– Я иду по следу существа, удостоившего нас своим посещением прошлой ночью. – На самом деле в высокой траве я насчитал уже три следа. Но ни один не вел назад. Это смутило меня: ведь расправились мы только с двумя. – Думаю, они вышли из того болота, что неподалеку отсюда.

– Нет уж, давай вернемся.

Она как будто боялась, что мертвец внезапно набросится на нас из-за куста. И опасения ее были небезосновательны. Эти ходячие покойники вели себя не по правилам. Кто знает, может, и дневной свет им не преграда? Я же не сообразил взять с собой оружие и теперь не был готов к встрече с ними.

Но я не особо волновался: на свету им не подкрасться незамеченными.

– Ни о чем не беспокойся. Все будет хорошо.

– Я возвращаюсь, иди туда, если хочешь... – она сказала «туда», будто это значило «на тот свет», – иди.

– Твоя взяла. Все болота в конечном счете одинаковы, на островах я достаточно ими налюбовался.

Дженнифер уже припустила к дому. Мне пришлось бежать рысью, чтобы догнать ее. Она вздохнула с облегчением:

– Все равно уже пора на ланч.

Она права. Кроме того, надо найти Морли и договориться, что будем делать, когда вернется Плоскомордый.

– Спасибо, Дженнифер, я из-за своего легкомыслия уже сколько раз опаздывал.

Мы прошли прямо на кухню и принялись за еду. Все с любопытством поглядывали на нас: прознали уже о нашей прогулке. Все истолковали это по-разному, но никто ничего не сказал, хотя у Уэйна в запасе наверняка была парочка теплых слов.

Питерс собрался уходить.

– Где я смогу вас найти? – остановил я его.

– В конюшне. Пытаюсь заменить Снэйка.

Вид у сержанта был недовольный. Подобная работенка и меня не привела бы в восторг.

– Я зайду к вам. Задам пару вопросов.

Он кивнул и вышел. Какое-то время я подлизывался к кухарке – помогая убирать со стола. Они с Дженнифер почти не разговаривали, так, мямлили что-то. Но кухарка никогда ничего не скажет в присутствии третьего лица. Поразительная женщина!

Я надеялся, что Дженнифер не будет таскаться за мной постоянно. Но она не отставала. Подбериай после этого несчастненьких. Стоит один раз погладить собачонку, потом не отвяжешься. Простачок я, Морли прав.

Кстати, нужно увидеть его и определиться с планами на день. Я пообещал кухарке вернуться и поднялся наверх в надежде застать Морли у себя. Дженнифер плелась следом и отлипла, только поняв, куда я иду: испугалась, видно, моей дурной репутации.

Я попрощался с ней и, пока не скрылся за дверью, сохранял на лице самое простодушное выражение.

Морли не было. Даже и не пахло. Странно. Я был озадачен. Морли, конечно, тот еще гусь, но, как правило, связь держит.

Я пережил несколько неприятных минут, воображая, что он попал в засаду и лежит где-нибудь мертвый. Жуткая мысль. Представьте себе: друг ввязался в дело исключительно ради вас – и погиб! Но Морли слишком высокого класса профессионал, он бы не попался в ловушку. Он совершает ошибки, но другого рода. Например, когда врывается разъяренный муж, бедняжка Морли может оказаться в неудобном положении и не в состоянии ему достойно ответить.

Я быстренько прикинул, сколько осталось до возвращения Плоскомордого, и решил, что справлюсь без Морли. Придется Черному Питу потрудиться.

Я накинул пальто, проверил, на месте ли мое сигнальное устройство, и отправился в конюшню.

Напрасно я озирался по сторонам в поисках прелестницы-блондинки. На глаза мне попался лишь Кид. Он стоял на балконе четвертого этажа западного крыла и мечтал, как он будет прогуливаться здесь после смерти.

Кид близко общается с генералом. Надо бы с ним потолковать. Вдруг удастся вывести, кто может желать смерти старика.

25

Я просунул голову в дверь конюшни, но Питерса не увидел. Две лошади с усмешкой смотрели на меня, словно думали: «Ага, наш час пробил».

– Догадываюсь, чего вам не хватает, – сказал я им. – Четкого плана действий. Но мы с генералом заключили сделку: он заплатит мне лошаадьми. И самых нахальных я отправлю на живодерню – пусть с вас там шкуру сдерут.

Не знаю, зачем я это сказал. Полная чушь, разумеется. Они не приняли мои слова всерьез. Интересно, почему при виде лошади я всегда глупею.

– Питерс, вы здесь?

Я начал волноваться: слишком многие уже погибли.

– Я здесь, – отозвался он из дальнего угла.

Там было темно, поэтому я старался передвигаться осторожно, хоть и не допускал, что Питерс замешан в злодеяниях.

– Проклятый Снэйк, наверное, все время тратил на возню с красками. Он месяцами не убирал здесь. Посмотри, что делается.

Я посмотрел. И сморщил нос. Питерс вилами бросал на стоявшую рядом тележку навоз и грязную солому.

– Я мало что в этом смысле, но, по-моему, навоз на поля вывозят не в это время года.

– Отстань. Мне надо вывезти дерьмо и вычистить помещение. – Он пробормотал несколько крепких ругательств по адресу Снэйка и его предков. – А хлопот у меня и без того хватает. Почему бы тебе, Гаррет, пока свободен, не взяться за вилы и не помочь мне немного?

Я повиновался, но, думаю, толку от меня было кот наплакал. Мне всегда везло, даже в армии: я не выполнял черной работы и не ухаживал за лошаадьми.

– Кстати, зачем я пришел. Я нашел парня, который купил украденные вещи. Мой помощник приведет его сегодня днем.

Питерс перестал работать и пристально посмотрел на меня. Впрочем, особого впечатления мое сообщение на него не произвело.

– Значит, кое-что ты все же делаешь. А я уж начал думать, что ты и вовсе лентяй, только мозги Дженнифер пудришь.

– Ничего подобного. Не мой тип, – отпарировал я.

Сержант заметил мой тон и сменил тему:

– Ты пришел просто сообщить мне новости?

– Нет, мне нужна ваша помощь. Мой приятель приведет еще и врача.

– Ты хочешь, чтобы я отвлекал старика, пока докторишка будет его осматривать?

– Я хочу, чтобы вы вышли на дорогу встретить их и объяснили доктору, что к чему, а то он, пожалуй, сбежит, не взглянув на старика. Хотя я не возлагаю на него больших надежд: без подробного осмотра трудно делать выводы.

Питерс неумоимо загружал навоз на тележку и ворчал что-то себе под нос.

– Когда они придут?

Я прикинул, сколько займет дорога туда-обратно. Проволочек Плоскомордый не допустит. Он ухватит их за шиворот, в охапку – и сюда.

– Часа два еще есть. Хорошо бы, чтоб парня больше никто не видел. Пусть это будет сюрприз.

– Не отлынивай, – буркнул Питерс.

Я взялся за вилы.

– Я все устрою, – сказал он. – Но сначала надо взглянуть на старика. Там вечно что-то случается.

– Для меня это очень важно.

– В самом деле?

– Может, расследование сдвинется наконец с мертвой точки и куда-нибудь да придет.

– Ты всегда был оптимистом.

– Вы не согласны?

– Нет. Ты имеешь дело не с заурядными преступниками. Эти себя не выдадут, не запаникуют. Будь осторожен.

– Я осторожен.

Он опустил вилы:

– Продолжай работать. Пойду узнаю, как дела.

Я посмотрел ему вслед и усмехнулся. Уши Питерса торчали, как ручки у кувшина.

Я еще чуть-чуть побросал навоз и плюнул. Не в конюхи готовила мама Гаррет своего любимого сына.

Я отошел шагов на десять, и тут в голову мне пришла одна мысль. Я вернулся назад, в логово Снэйка Брэдона, покрутился там минут пять, посветил лампой во все углы. Тело Снэйка исчезло. Куда они его дели? Свежей могилы на кладбище не было.

Черт! Забыл спросить Питерса о Тайлере и мертвеце. Мне недостает дотошности Покойника, я теряю бдительность, задумываюсь о посторонних вещах, копаюсь в собственных переживаниях и вообще недостаточно внимателен. При Покойнике я не позволял себе распускаться, он заставлял меня работать четко, точно по списку, номер за номером.

Ничего, я наверстаю упущенное. Пусть я не успел встретиться со Снэйком, это не значит, что он не сможет мне кой-чего порассказать. Спасибо Покойнику – он меня надоумил. Стоит сосредоточиться, и вещи заговорят, хочется им того или нет. Итак, за работу, Гаррет.

Тем же самым я занимался, когда мы нашли Снэйка, и ничего не обнаружил. Но на этот раз я заметил заляпанный краской стол, на который раньше не обращал внимания. Я вообще как-то упустил из виду эту сторону деятельности Снэйка.

Кухарка называла Снэйка гениальным художником, мне рассказывали, что он писал портрет колдуньи Чернявки-Невидимки. Теперь я видел перед собой наглядные доказательства того, что он не бросил рисовать и рисовал помногу.

Но это не вязалось с прочими сведениями о Брэдоне. Художники живут нахлебниками при господах с Холма. Не важно, насколько они талантливы, такой работой не прокормишься. Брэдона я не воспринимал как художника именно потому, что он ни перед кем не пресмыкался.

Но этот стол свидетельствовал о том, что работал Снэйк много. Где же плоды его трудов? На столе их не было.

Начав с рабочего стола – центра жизни Снэйка Брэдона, я тщательно обыскал помещение. Ничего интересного, кроме всяких валяющихся в беспорядке рисовальных принадлежностей, в комнате не оказалось. Я вспомнил, каким чумазым был Снэйк, когда мы расследовали убийство Хокеса. По-видимому, он тогда работал над новой картиной.

К логову Снэйка примыкала разделенная на две части комнатуха двенадцать на пятнадцать футов, раньше в ней хранилась конская упряжь. Я постоял там, размышляя: судя по всему, не я один вспоминал о Снэйке после его смерти. Эх, Гаррет, Гаррет, старый недотепа! Обскакали тебя.

Если человек, обыскавший комнату раньше меня, и нашел что-либо любопытное, он избавился от этого, не оставив следов. Остались только обломки старых кистей на полу. Вряд ли хобби Снэйка было тайной. Надо полагать, о нем знали все, но старались не упоминать. Малевать картины – занятие, недостойное мужчины и морского пехотинца. Разумеется, своими замыслами Снэйк ни с кем не делился.

Однако нелегко разобраться в этих людях. Они снова и снова изумляли меня.

Я помедлил, пытаюсь вообразить, куда Снэйк мог прятать вещи, не предназначенные для посторонних глаз. Ту же операцию наверняка проделал и мой предшественник, знавший Снэйка куда лучше.

Великий мыслитель Гаррет поднапрягся, но родить ничего не смог.

Ладно, обобщем еще раз. Надо проверить каждый закуток, каждую щелку. Кто бы ни опередил меня, ему пришлось торопиться, чтобы другие не заметили его отсутствия. Черт возьми, он мог обшарить все еще до нашего с Морли появления. Или пока все думали, что он таскает навоз.

Но вдруг он что-нибудь упустил. Если это что-нибудь существует.

Я быстро осмотрел нижнее помещение. В глаза ничего не бросилось, а тем временем приближалось опознание вора. Я заспешил, почему-то надеясь, что мне попадет какое-нибудь чрезвычайной важности доказательство.

Я забрался на сеновал, уселся на стог сена, бормоча про себя: «Какого черта я здесь ищу? Картины? Ясное дело, он писал картины, а они куда-то запропастились. Но зачем отыскивать их?»

Я пожал плечами, поднялся и огляделся кругом. Снэйка снабжали довольно-таки приличным, сухим сеном. Обычным крестьянам приходится набивать сараи бросовой трухой.

Кстати, о сене. Мне вспомнилась забавная история об одном типе из нашего взвода, звали его, кажется, Талса. Он классно стрелял из лука и был нашим снайпером. Деревенский парнишка, из очень бедной семьи, погиб на островах. Он, бывало, все ржал, рассказывая, как развлекался с дочками барина из соседнего поместья. Они устроили себе потайную комнатку на сеновале в главной барской конюшне.

Я поднял лампу повыше и внимательно осмотрел сеновал. Сена тут чересчур много. Не для того ли, чтобы замаскировать вход в тайник? Ага, теперь мы на верном пути.

Я потыркался туда-сюда, гадая, как Брэдону удавалось проникать внутрь. Выбрал методом исключения три возможные точки, поставил лампу на перекладину и принялся за работу.

Я перевернул с десятков стогов, решил, что неправильно выбрал место, и перешел к следующему варианту. Перевернул еще с десятков охапок и почувствовал себя дураком. Похоже, я опять сел в лужу.

Мои действия привлекли внимание аборигенов. Откуда-то выскочили и присоединились ко мне три безобразные кошки и зловещего вида полосатый старый кот. Под переворачиваемыми копнами сена заматались мыши. Кошки нажрались от пуза. Они работали командой, лично я такое видел впервые. Я переворачивал копну, одна из кошек сразу же прыгала на освободившееся место и гнала перепуганных зверьков в пасти товарищей. В какой-то момент у кота оказалось по мыши под обеими передними лапами да еще одна в зубах.

– Ну что? – спросил я их. – Не зря, выходит, стараюсь?

Последняя попытка. Говорят, на третий раз получится. Я перевернул несколько охапок сена, кошки кружились вокруг. Ура! Дыра высотой фута три и шириной дюймов восемнадцать. Черная, как сердце священника. Я взял лампу и подзадорил кошек:

– Слабо залезть туда и рассказать, что увидите.

Слабо, конечно, так я и думал.

Я лег на живот и заполз в нору.

26

Внутри стоял не противный, но очень крепкий запах прелого сена. Я и без того был простужен, а тут у меня из носа просто фонтан забил.

Устроенная в сене комнатка оказалась больше, чем я ожидал, пять футов в ширину и восемь в длину; чтобы сено не осыпалось, стены Снэйк укрепил досками. Здесь Брэдон хранил свои картины и прочие сокровища, в основном всякий металлический военный хлам и медали. Он собрал целую коллекцию медалей, приколот их к рваному карентийскому знамени и гордо выставил у задней стенки каморки.

Я не мог не посочувствовать бедняге: вот как, значит, родина отблагодарила своего храброго защитника, вот до чего он докатился. А наши правители еще удивляются, что Слави Дуралейник стал народным героем.

Обе боковые стены были заставлены картинами. Все полотна без рам; Снэйк просто складывал по три-четыре штуки вместе и прислонял к стене. Кухарка не преувеличивала, скорее она недооценивала Снэйка. Я не специалист, но мне его работы показались творениями гения.

Сюжеты и краски их не были веселыми, жизнеутверждающими. Порождения мрака, видения ада. Одна простая на первый взгляд картина сразу приковала мое внимание. Меня будто под дых ударили. Снэйк нарисовал болото, может, не то болото, что стало мне домом в бездомные, полные тоски и отчаяния годы службы, но не менее ужасное. Свинцовое небо нависало над унылым пейзажем, едва проступавшим из темноты. Болото было изображено таким, каким оно начинает казаться через несколько сводящих с ума месяцев. Комары размером со шмелей, горящие во тьме глаза, человеческие кости. На переднем плане – повешенный. Стервятники кружатся над его головой, черная птица уселась на плечо и клюет лицо мертвеца. Почему-то не вызывает сомнений, что перед вами – самоубийца, не пожелавший жить и страдать дальше.

Двое парней из нашего взвода действительно покончили с собой: не смогли терпеть бесконечную муку. О боги! Мне казалось, что я проваливаюсь в эту картину и лечу в глубь времен, как в пропасть. Я отвернул картину к стене. Довольно, мне не вынести больше.

Меня била дрожь, однако я просмотрел картины у одной стены и перешел к другой. Больше ни одна не потрясла меня до такой степени, но в глазах беспристрастного зрителя они не уступили бы той, с болотом.

– Сумасшедший, он был сумасшедшим, – шептал я.

Мне показалось, что лошади внизу заволновались.

Я снова принялся переворачивать и рассматривать картины. В целом они были спокойней, да, пожалуй, не такие безумные, но увиденны теми же глазами, тем же живописцем, написавшим страшные видения войны. Я узнал вид Фулл-Харбора, подернутого фантастической, дьявольской дымкой, – еще подтверждение тому, что Снэйк переносил на холст свои воспоминания и неотступные мысли.

Но Брэдон был не только пейзажистом. Сначала я наткнулся на портрет Дженнифер, относящийся, полагаю, ко времени возвращения генерала с войны. На портрете Дженни неувидимо отличалась от себя нынешней, казалась моложе и еще красивей. И все же нормальный человек не мог так нарисовать. Я внимательно изучил портрет, но он остался для меня загадкой. Художник придал Дженнифер что-то такое, от чего по коже у меня побежали мурашки.

Были и другие портреты. Кид выглядел старым, усталым и измученным, точно смерть у него за плечами. В генерале, как и в Дженнифер, Снэйк усмотрел нечто жуткое и вместе с тем хитрое, лисье. Чейн, ну, с этим все ясно, мерзкий тип. Уэйн – жадный делец. А ведь я угадал; не во всем, но частично я был согласен со Снэйком, кое-какие его трактовки представлялись мне спорными, но некоторые лица были написаны так, будто художник в самом деле видел своих моделей насквозь.

Второй, более поздний портрет Дженнифер, выражение жестокости явственной, но красота девушки расцвела еще ярче. Портреты людей, с которыми мне не довелось повстречаться, вероятно кто-то из пропавших. Деллвуд. Он напомнил мне бассет-хаунда, – видимо, Снэйк хотел сказать, что старый служака похож на верного пса, не имеющего собственной воли и собственного мнения. Питерс. Очевидная неудача художника, по портрету ничего нельзя сказать о моем командире. Кухарка. Пожалуй, чересчур выпрещенно и романтично, она изображена чуть ли не как праматерь всего сущего. Затем еще один, третий, портрет Дженнифер, ошеломляющий, почти отталкивающий этим непостижимым раздвоением – сияющая красота и смертный ужас. Теперь я немного успокоился и был в состоянии хорошенько рассмотреть портрет. Он действовал, если можно так выразиться, на подсознательном уровне. Не знаю, как Снэйк добился такого эффекта, но он нарисовал два лица, одно под другим, верхнее – ослепительно-прекрасное и нижнее – оскаленная маска смерти. Надо было долго и пристально вглядываться в картину, чтобы уловить это.

Лошади внизу из себя выходили. Я задумался было, в чем дело, но быстро отвлекся. Магическая, да, я не оговорился, колдовская сила таланта Снэйка Брэдона завороживала меня.

Прятать от людей красоту Дженнифер – большой грех, но лишить человечество произведений Брэдона, оставить их погибать от сырости и плесени – грех вдвойне, преступление века.

Я поклялся на портрете Дженнифер, что вызволю отсюда полотна Снэйка, не допущу, чтобы гений художника погиб вместе с ним.

Любил ли он Дженнифер? Только ее он рисовал больше одного раза. Нет, еще сцену, изображавшую какое-то необычное, возможно, священное место до и после осквернившей его, вполне натуральной человеческой битвы. От этой картины буквально несло мертвечиной, я воспринял ее как притчу, как предсказание грядущего конца света.

Я высморкался, втянул носом воздух. Нос еще не успел заново наполниться соплями, и я уловил какой-то новый запах. Что это? Я пожал плечами и продолжал осмотр.

– Проклятье! Лопни мои глаза! – Я не ругался, я вопил от радости.

Снэйк нарисовал мою даму в белом. Он изобразил ее как воплощение красоты, но и в ней было нечто сверхъестественное и потому страшное.

Она бежала куда-то, мчалась, летела, спасалась от сгустившейся за плечами тьмы. Понятно было, что кто-то гонится за ней, и в то же время вы задавались вопросом: почему, от чего она бежит? Чем дольше и внимательней вы вглядывались в картину, тем загадочнее она становилась. Женщина смотрела прямо в глаза зрителю, в глаза художнику, неуверенным, робким движением протягивала руку, будто молила о помощи. По лицу ее было ясно: она знает, на кого смотрит, и знает, что позади.

Картина поразила меня не меньше, чем пейзаж с болотом. На этот раз я не понимал почему. Ведь с моими личными переживаниями она не была связана.

Я опять высморкался и снова почувствовал запах. На этот раз я узнал его.

Дым!

Проклятая конюшня была охвачена пламенем. Неудивительно, что лошади волновались.

Я выкарабкался из каморки, подбежал к краю сеновала. Пламя уже бушевало в углу, там, где Питерс возился с навозом. Лошади метались, рвались прочь из конюшни. Снаружи доносились крики. Жара стояла адская.

Но я не был заперт. Стоило поторопиться – и я смог бы выкарабкаться невредимым.

Представляю, какую гримасу скорчит Морли, узнав, что я полез обратно в тайник Снэйка, рисковал жизнью ради какой-то мазни.

Я схватил холсты в охапку сколько мог унести и вытащил из дыры. Огонь быстро распространился, меня опалило жаром, брови тлели, дым разъедал глаза. Пошатываясь, я брел к выходу, огонь догонял меня.

– Придурок несчастный, – ругал я сам себя.

Огонь обжег шею. Глаза слезились, я почти ничего не видел. Даже без этих проклятых картин шансы выбраться были невелики. Но я не мог допустить их гибели, ради спасения наследия Снэйка стоило рискнуть жизнью. В душе я уже сейчас оплакивал картины, которые не сумел вынести.

Понизу огонь распространялся быстрее, чем в высоту. Теперь он был впереди меня, дошел до угла, где ночевал Снэйк. Этим путем мне не выйти.

Через щели между досками, из которых была сделана наружная стена, я видел дневной свет. Грубо обструганные доски рассохлись от времени, и некоторые бреши были не меньше дюйма. Все равно что заглядывать в щелочку в адских воротах – так близко и так далеко.

Опасность приближалась. Я решил. Старая конюшня, если она и в самом деле такая гнилая, как кажется, вот-вот развалится. Можно попробовать разломать стену. Я навалился на нее плечом. Она затрещала, плечо тоже, но ни стена, ни плечо не треснули. Я повернулся спиной и ударил в стену ногой. Одна доска подалась немного. Это плюс отчаяние придало мне силы. Я ударил снова. Доска дюймов шести шириной выгнулась, а потом не выдержала собственной тяжести и отлетела. Я, верно, совсем спятил: сначала выпихнул картины Брэдона и лишь потом расширил дыру и вылез сам.

Я чуть не задохнулся от дыма, но все же благополучно выкарабкался наружу.

Некоторое время я лежал неподвижно, пытаюсь отдышаться и лишь смутно сознавая, что крики доносятся с другой стороны конюшни. Передохнув, я ухватился за оградку, выпрямился, огляделся, ощупал себя – все ли цело. Вокруг никого не было. Я собрал свои бесценные сокровища.

Если боги существуют, они согласятся со мной насчет этих картин. Нельзя было позволить им исчезнуть. Я сложил полотна вместе, дохромал до коровника и спрятал их на сеновале. Почему-то мне показалось, что так будет правильно. Затем я поплелся на шум голосов.

Вся компания в сборе. Кудахчут, как потревоженный курятник. Они занимались безнадежным делом: таскали к пожару ведра с водой из колодца. Отсутствовали только генерал и Питерс.

– Гаррет! – вскричала Дженнифер. – Откуда ты?!

У них челюсти поотвисали, – наверное, выглядел я потрясно.

– Задремал в конюшне, – солгал я.

Она немного побледнела. Я улыбнулся самой героической своей улыбкой:

– Пустяки. Прошел сквозь стену – и вот я снова здесь, с вами.

Меня одолел кашель. Проклятый дым.

– Для меня не существует преград.

– Ты мог погибнуть.

– Мог. Но не погиб же. Слишком я дошлый, чтоб погибнуть.

– Кто-то пытался убить тебя, парень, – сказал Кид, проходя мимо с огромным ведром воды.

Я взглянул на бушующее пламя. Мне это в голову не пришло, а вдруг он прав?

Нет. Никто не стал бы убивать меня, запалив конюшню. Слишком легко было спастись. Может, он хотел выманить меня, но... Нет, не сработает, чересчур много свидетелей.

Даже в таком смятенном состоянии я ясно сознавал, что поджигатель хотел уничтожить конюшню и то, что не успел обнаружить во время обыска.

Удивительная вещь – информация Снэйка второй раз ускользнула от меня.

Воду носили все, даже кухарка. Кроме Питерса. Я уже начал подозревать его, но вспомнил, что услал его сам.

Черт возьми, Плоскомордый запаздывает.

– Зря теряете время, мужики, – сказал я. – Единственно, что можно сделать, – проследить, как бы огонь не перекинулся на другие строения.

– А мы что, по-твоему, делаем, придурок?! – окрысился Чейн. – Не помогаешь, так вали отсюда.

Хороший совет.

– Пойду в дом, обработаю ожоги.

Я еще не осматривал их, но надеялся, что ничего серьезного нет. Не хватало еще этой чепухи, и так простуда замучила.

Я тихонько побрел прочь. Никто не обратил внимания.

Я прошел через парадный холл, мимо неустойчивых бойцов и хмурых Стэнтноров. Я пробыл в конюшне слишком долго, Плоскомордый сильно задерживается, если только я правильно рассчитал время.

Никого. Я вышел на крыльцо. Ожоги, хоть и неопасные, давали о себе знать. Надеюсь, доктор захватит с собой обезболивающее. Проклятый Тарп, где его носит? Неужели так трудно скрутить пару парней и приволочь их сюда?

По ступенькам застучали дождевые капли. Я взглянул на небо – опять все затянуло свинцовыми тучами. Похоже, у Стэнтноров по-другому и не бывает. Мне это уже стало надоедать.

Ветер усиливается. Надо полагать, поджигатели сейчас здорово разочарованы, они-то, конечно, надеялись, что дождя не будет.

А он зарядил не на шутку. Не сказать чтобы ливень, но огонь потушить поможет. Минут через пятнадцать совсем разойдется. Завывал ветер, и тут из тумана показалась карета.

Чертов Плоскомордый. Теперь он еще и повозку нанял!

Кучер осадил лошадей, пассажиры вылезли из кареты. Питерс бегом поднялся на крыльцо, за ним крепкий, видный мужчина. Я решил, что это и есть доктор. Затем подленького вида низкорослый человечек, Плоскомордый и Морли Дотс.

– Где тебя черти носили? – спросил я Морли. – Я тебя все утро искал.

Он странно посмотрел на меня:

– Я был дома, занимался своими делами.

– Слушай, Гаррет, – перебил нас Плоскомордый, – вот доктор Стоун. – Он указал на невысокого человечка. Да, никогда не надо судить о людях по внешности. – Он с тебя семь шкур сдерет. А это тот парень. Мы условились – никаких имен.

– Ладно. Пусть только укажет вора. Питерс, идемте наверх.

Вид у сержанта был озадаченный.

– Что здесь происходит?

– Кто-то поджег конюшню. Вместе со мной. Идемте. Док, у вас есть что-нибудь от ожогов?

Мы зашли в дом.

– Хочешь, чтоб он и последнюю шкуру с тебя спустил? – спросил Плоскомордый.

Питерс прошел вперед, к лестнице.

– Где ты был так долго?

– Это все Морли. Он искал врача поплоше, чтоб сошел за компаньона такой вот темной личности.

Резонно.

– Ладно. Морли, я думал, ты пошатаешься по дому, поглядишь что и как, а то у меня времени не хватает, просто на части рвут.

Он снова странно посмотрел на меня. По-видимому, недоумевая, чего это Гаррет разболтался. Питерс тоже был недоволен.

– Делаю, что могу, Гаррет, – ответил Дотс, – но у меня есть свои дела, я не могу весь день быть у тебя на подхвате.

– Но я слышал, как ты ходишь туда-сюда.

Он остановился:

– Ты лег спать, примерно через часок я обошел дом, не обнаружил ничего интересного и решил наведаться домой, проверить, не ограбил ли меня Клин. Он тот еще тип, стоит только отвернуться... Я не возвращался в комнату.

Я вздрогнул, по коже пробежали мурашки.

– Не возвращался?

– Нет.

– Бог мой. Честное слово, я тебя видел.

– Это был не я.

Но я-то не сомневался. Я вставал на горшок, видел Морли, даже пробормотал какое-то приветствие, и он как будто ответил. Так я ему и сказал.

– Это был не я, Гаррет. Я ушел домой, – серьезно и обеспокоенно повторил Морли.

– Тебе виднее. – Я тоже говорил очень серьезно. – Но кто же это был?

– Оборотень?

Мне случалось сталкиваться с ними и не хотелось повторять этот опыт.

– Оборотень? Но они сначала убивают людей, личину которых хотят принять. Потом овладевают их душой – и пошло-поехало. Но все равно абсолютного сходства им добиться не удается.

– Верно, а парень был вылитый я?

– Я чертовски устал. Горела только одна лампа. Я просто прошел мимо, почти не обращая внимания. Но готов поклясться, это был ты.

– Мне это не нравится. Меня это тревожит, Гаррет. Очень даже.

Еще бы. Не хватало нам, чтобы по дому разгуливал какой-то негодяй и прикидывался кем ему заблагорассудится.

Морли, конечно, думал только о себе. У него и так забот полон рот, а тут еще кто-то начнет под его именем и видом вмешиваться в его же грязные делишки.

У меня перспективы куда шире. Если некто смог прикинуться Морли, значит он в любой момент сможет прикинуться кем угодно. А значит, никто из нас не сможет с уверенностью сказать, с кем имеет дело в данный момент. Начнется страшная неразбериха, сам черт ногу сломит. Никто не сможет разобраться, где правда, где вымысел.

– Лучше тебе остановиться, пока не поздно, – заявил Морли.

Соблазнительно, на редкость соблазнительно. Но...

– Не могу. Я взялся за это дело. Если я откажусь, потому что оно стало слишком сложным, ничто не помешает мне отступить и в следующий раз. Эдак я скоро вообще не смогу работать.

Морли удержался и не напомнил мне, что я полжизни трачу на увиливание от работы.

– Положим, ты прав. Оставайся. Но я сматываю удочки. – Мы дошли до последней лестничной площадки. – Ты молоко пьешь?

– Предпочитаю пиво.

– Оно и видно.

– Почему?

Остальные смотрели на нас, как на шутов.

– Не знаю почему, но молоко благотворно влияет на зубы, кости и мозги. Люди, которые пьют много молока, никогда не теряют здорового чувства самосохранения. Пропойцы же постепенно начисто лишаются его.

Ну сел на своего конька, завел волынку – про диеты и тому подобное. Лучше бы прямо сказал: «Боюсь, ты вконец спятил, старина».

– Не пойму, о чем вы, – вмешался Питерс. – Впрочем, не важно. Но думаю, не стоит тянуть время.

Он смотрел в окно. Пламя было видно и отсюда. Похоже, сержанту очень хотелось бросить нас и мчаться на пожар.

– Правильно. Пошли к старику.

Все направились к покоям генерала. Я отстал, еще раз взглянул на огонь.

– Гаррет!

– Иду.

Я поймал на себе взгляд блондинки. Она пряталась за колонной, улыбаясь, и, казалось, готова была ответить на мое приветствие.

Я выругался про себя и продолжал путь.

Ее портрет мне удалось спасти. Вот принесу его в дом и задам парочку вопросов. И, черт возьми, на этот раз им не отвертеться.

Мне надоело корчить из себя добрячка.

28

Питерс прошел во внутренние покои, а мы остались ждать в кабинете. Чтобы убить время, я подбрасывал в камин дрова и обменивался недоумевающими взглядами с Морли. Каждый из нас гадал, что еще выкинет другой.

Появился генерал, закутанный, точно в Арктику собрался. Он посмотрел на огонь, посмотрел на меня – я как раз шевелил поленья, чтобы втиснуть еще несколько, – и благодарно просиял:

– Очень мило с вашей стороны, мистер Гаррет. – Он оглядел собравшихся. – Кто эти люди?

– Мистер Морли Дотс – владелец ресторана и мой помощник.

Морли кивнул.

– В самом деле?

Вид у старика был слегка испуганный и озадаченный – похоже, имя моего друга ему приходилось слышать раньше, и теперь я тоже упал в его глазах.

– С мистером Тарпом вы знакомы, – продолжал я. – Остальные джентльмены предпочитают остаться неизвестными, но готовы опознать вашего вора.

– О! – Ничего не выражающий звук.

Оказавшись лицом к лицу с правдой, он вовсе не горел желанием узнать ее. Но я помнил инструкции: не давать ему ускользнуть.

– Где остальные? – спросил генерал.

Я попросил Питерса привести их. Он повиновался, только когда генерал выразил свое согласие.

– Они пытаются потушить огонь. Кто-то поджег конюшню.

– Пожар? Поджог? – Он был ошарашен.

Доктор и Морли внимательно изучали старика.

– Да, сэ. Я полагаю, человек, убивший Брэдона, боялся оставить в конюшне что-то, что может разоблачить его. Убийца обыскал помещение, но, наверное, торопился и не смог сделать это как следует, поэтому и решил уничтожить улики наверняка.

– О! – Опять этот пустой звук.

Я подошел к двери, выглянул наружу. Никого.

– Плоскомордый, скажи нам, когда все соберутся.

Он что-то пробурчал и приблизился ко мне.

– Ты предупредил тех двоих? – шепнул я.

Он снова буркнул нечто невразумительное. Но времени на объяснения не было, пришлось рассчитывать на смекалку Тарпа.

– Генерал, вы позволите мне расположиться, как в прошлый раз? Мистер Дотс и мистер Тарп смогут охранять дверь.

– Конечно, конечно.

Огонь разгорелся, в комнате стало светлее, и теперь я мог разглядеть, что цвет лица у старика вновь такой же мертвенно-бледный, как и в день моего приезда.

Я занял свое место. Через несколько минут Плоскомордый сообщил:

– Пришли.

– Проведи их сюда, а обратно не выпускай.

– Понял.

Доктор ретировался в уголок, скупщик краденого тоже. Морли и Плоскомордый встали по обе стороны двери.

Вошли служаки, усталые, настороженные и удрученные. Они с опаской поглядывали на Морли и Плоскомордого, как будто все они, даже Питерс, боялись, что сейчас их уличат в преступлении.

– У мистера Гаррета есть новости, – объявил генерал.

Мистер Гаррет и мистер Тарп поглядели на скупщика. Взгляд Плоскомордого не сулил парню ничего хорошего, если тот вздумает запираяться.

Но ему не пришлось ничего говорить. Преступник вышел вперед.

– Кто-то, – сказал я, – крадет из дома безделушки, сумма достигла уже двадцати тысяч. Генерал хотел знать кто. Теперь мы знаем – Деллвуд. Но я не пойму зачем.

Он держался прекрасно. Возможно, он никогда не сомневался, что разоблачение неминуемо.

– Чтобы покрыть расходы по дому. Не было другого способа достать деньги.

Сперва генерал лишь лопотал что-то невразумительное, потом перешел к напыщенным обвинениям. Лица солдат оставались непроницаемы, но у меня возникло подозрение, что симпатии не на стороне хозяина. Какую-то долю секунды я даже допускал, что все они желают его смерти.

Деллвуд твердо гнул свое:

– Генерал выдавал мне средства, достаточные для содержания дома десять лет назад, ко времени нашего возвращения из Кантарда. Он не верил, что цены с тех пор выросли. Я и медной монетки не положил себе в карман, ничего не истратил зря. Но поставщики отказывались продлить кредит.

Препаршиво, надо полагать, чувствовать, что разорен, особенно если привык к богатству.

– Ты должен был все рассказать, а не подвергать меня такому унижению, – не унимался генерал.

– Я повторял вам неоднократно, сэ. В течение двух лет. Но вы видите только прошлое. Вы отказываетесь верить, что времена изменились. Я оказался перед выбором: или сделать то, что я сделал, или отдать вас на растерзание кредиторам. Я решил защитить вас. Сейчас я собираю вещи.

Деллвуд повернулся к двери. Плоскомордый и Морли преградили ему путь.

– Генерал? – спросил я.

Старик молчал.

– Не знаю, имеет ли это значение, сэр, но я не сомневаюсь – он говорит правду.

– Вы считаете меня скрягой?

– Ничего подобного я не говорю. Но репутация у вас такая.

Что-что, а маневрировать и ублажать я мастер. И до сих пор ни с кем из клиентов – мужчин, во всяком случае, – не испортил отношений.

Старик еще что-то пискнул, а потом с ним опять случился припадок.

Сначала мне показалось, что он играет. Видимо, остальным тоже. Наверное, он не однажды поднимал ложную тревогу. Все просто стояли и ждали, когда это кончится. Но потом, отпихивая друг друга, кинулись к хозяину, Деллвуд впереди. Ни один не отступился.

– Плоскомордый, твой парень больше не нужен.

Напрасно я надеялся, что стоит разрубить один узелок, остальное распутается само собой.

– Отойдите, – сказал я. – Ему не хватает воздуха, но худшее осталось позади. Плоскомордый, Деллвуд пусть идет тоже.

Деллвуд проследовал к выходу с видом, полным достоинства. Кстати, выходит, что и я, и Плоскомордый, все вообще получают деньги только благодаря его усилиям. Я взглянул на кухарку. Она рассказывала, что у генерала даже собственного ночного горшка нет. За всю жизнь старый осел так и не научился управлять хозяйством. И вот Деллвуд уходит – кто займет его место? И не попытается ли этот кто-то спасти поместье другим способом: убрав с дороги его жадного и ни черта не смыслящего владельца?

Генерал взял себя в руки:

– Не могу сказать вам «спасибо», мистер Гаррет, хотя сам просил об этом. Деллвуд! Где Деллвуд?

– Ушел, сэр.

– Верните его. Он не может уйти. Что я буду делать без него?

– Понятия не имею, генерал, меня это не касается. Мы сделали все, что могли.

– Хорошо. Да. Оставьте меня. Но верните Деллвуда.

– Все свободны. Питерс, вам лучше остаться. Кид? Морли, Плоскомордый, мне надо поговорить с вами.

Я вышел первым, почти выбежал.

29

Я застал Деллвуда в его комнате. Он упаковывал вещи и даже не потрудился закрыть дверь.

– Пришли проверить, не прихватил ли я семейные драгоценности?

– Я пришел сказать, что генерал просит тебя остаться.

– Я большую часть жизни потратил на выполнение его желаний. Баста. Приятно наконец стать свободным человеком. – Он лгал. – Преданность тоже имеет границы.

– Ты расстроен. Ты сделал то, что должен был сделать, а заработал только кучу неприятностей. Но никто, даже я, не ставит этот поступок тебе в вину.

– Чушь. Он будет костить меня всю оставшуюся жизнь. Такой уж он человек. Не важно почему, зачем, но я ткнул его носом в его же дерьмо. Он не простит ни за что, не важно, кто из нас прав.

– Но...

– Уж поверьте мне, я его лучше знаю.

Я верил.

– Но, уйдя, ты все потеряешь.

– Наследство мало для меня значит. Я не бедный человек, мистер Гаррет. Мне удалось кое-что скопить, и я выгодно вложил свои сбережения. На жизнь мне хватит и без наследства.

– Тебе решать. – Я не двигался.

Он перестал бросать вещи в сумку и взглянул на меня:

– В чем дело?

– Генерал нанял меня не только чтобы найти вора. Он хочет знать, кто пытается убить его. Деллвуд фыркнул:

– Убить его? Никто его не убьет. Это просто больное воображение.

– Когда я появился здесь, все, кроме тебя, так же думали о кражах. Но генерал оказался прав. Думаю, он прав и насчет убийства.

– Чушь. Кому какая польза от этого?

– Хороший вопрос. Не пойму, какой толк от этого поместья. Однако другого мотива я не вижу. Пока не вижу.

Я выжидательно посмотрел на Деллвуда. Он молчал.

– Не возникало ли у генерала когда-либо каких-либо трений с кем-нибудь из вас?

– Не ждите от меня подсказок, мистер Гаррет, мне нечего сказать. У всех бывали неприятные разговоры с генералом, но за это не убивают. Вопросы дисциплины, не более.

– А злопамятные среди вас есть?

– Чейн. Разжиревший у кормушки крестьянский мальчишка без царя в голове. Он всегда на кого-нибудь злится, но не на генерала. Я свободен, сэр?

– Еще нет. Ты понял, что разоблачение не за горами с того момента, как я появился здесь?

– Да, вы меня не удивили. Удивило одно: что вам удалось найти скупщика. Это все?

– Нет. Кто убил Хокеса и Снэйка?

– Вы меня спрашиваете? Я надеюсь, что вы ответите на этот вопрос. Ведь вы первоклассный сыщик.

– Этим я и занимаюсь. А ты, случайно, не пытался обезвредить меня, дабы избежать лишних неприятностей?

– Сэр?

– В этом доме на мою жизнь покушались уже трижды. Что, если тебе взбрело в голову кокнуть меня, чтобы твои проделки не вышли на свет божий?

– Не в моем духе, сэр. За все время службы в морской пехоте я не убил ни одного человека. Не собираюсь начинать и теперь. Говорю вам, мне нечего здесь терять.

Может быть, а может, он искусный лжец.

Я пожал плечами:

– Честно говоря, я не считаю, что ты поступил нехорошо, и вовсе не горжусь тем, что вывел тебя на чистую воду.

– Я не держу на вас зла, сэр. Вы лишь послужили орудием; это неминуемо должно было случиться. Но мне хотелось бы дотемна выйти на дорогу.

– Не передумашь? По-моему, без тебя старик откинёт копыта.

– Кид позаботится о генерале. Все равно долго он не протянет.

– Ты знаешь, кто такая блондинка?

Теперь ему действительно нечего терять и он смело может сказать мне.

– Подозреваю, что она плод вашего воображения. Здесь нет ни одной женщины со светлыми волосами. Ни одной, только вы видите ее.

– Брэдон тоже видел. Он нарисовал ее портрет.

Он застыл на месте:

– Брэдон?

– Да.

Он поверил мне и не нашелся что возразить, кроме не особо уверенного: «Снэйк был ненормальным!»

Я убедился, что Деллвуд ничего не знает о блондинке. Тем интереснее и загадочнее казалась она мне.

Я отошел от двери, показывая, что путь свободен:

– Ты ничего не хочешь мне сказать, ничего, что могло бы сохранить жизнь остающимся?

– Нет. Я сказал все, что мог.

Он поднял сумки.

– Поезжайте вместе с моими помощниками, – предложил я.

Деллвуду безумно хотелось послать меня к черту, но он сдержался и сухо поблагодарил:

– Спасибо.

Шел дождь, а сумки, видно, весили немало.

– Еще одно, – остановил я его. – Что стало с телом Тайлера и с трупом? Они валялись там, перед домом.

– Спросите Питерса. Я не знаю. Я занимался только домом.

– Труп, который пытался ворваться через черный ход, тоже как сквозь землю провалился. Он не вернулся в болото. Где он мог спрятаться и переждать светлое время?

Предположим, что ожившие покойники, как им и положено, днем не отваживаются выходить на охоту.

– В служебных постройках. Мне в самом деле надо идти, мистер Гаррет.

– Хорошо. Спасибо, что поговорил со мной.

Деллвуд вышел, прямой, как всегда. Ни капли раскаяния. Он выполнил свой долг, ему нечего стыдиться. Но уговаривать его остаться бесполезно.

Итак, еще одним человеком меньше. Осталось шесть наследников. Их доля возросла почти до пятисот тысяч каждому.

Морли, Плоскомордый и доктор ждали меня у фонтана. Но я не торопился: надо было подумать, как отразить атаку мертвецов.

Кухарка перехватила Деллвуда по дороге к двери. Они о чем-то горячо заспорили. Очевидно, она пыталась его удержать.

30

Я присоединился к Морли и остальным:

– Ну, каков ваш вердикт?

Морли пожал плечами:

– Это не то, что я думал: он не трясется и речь не нарушена. А раньше ты замечал за ним что-нибудь такое?

– Его била дрожь, но не очень сильная. Нарушений речи не было. Что скажешь о припадке?

– Не знаю. Спроси Стоуна.

Я спросил.

– Я не вполне уверен, – ответил он. – Надо бы осмотреть старика получше и поговорить с ним. Но насколько я успел понять, вам скорей нужен не врач, а заклинатель духов.

– Кто-кто?

Морли был поражен не меньше моего. Заключение доктора застало его врасплох. Таких изумленных глаз я у него никогда не видел.

– Заклинатель бесов. Или демонолог. Или маг. Может, все трое сразу. Хотя, повторяю, прежде всего следовало бы как следует осмотреть пациента.

– Обождите, вы мне все карты спутали.

– Между нами, и я, и мистер Дотс отлично разбираемся в ядах. И не знаем ни одного, который дает подобное сочетание симптомов. При отравлении симптомы, психические и физические, были бы еще сильнее, больной полностью утратил бы контроль над собой или просто помер бы. Но мало ли что генерал мог подцепить в Кантарде. Болезнь вероятнее, чем яд. Я сам оттрубил там восемь лет и повидал немало весьма странных недугов, хотя ни с чем похожим не сталкивался. Он принимает какие-нибудь лекарства?

– Смеетесь? Да он скорей умрет. – Меня осенило. – Может, это малярия? – Я был одним из немногих в морской пехоте счастливчиков и никогда не болел малярией. – Или какая-нибудь разновидность желтой лихорадки?

– Я думал об этом. Опасная форма малярии плюс злоупотребление хинином могут дать подобную картину. Да еще неправильное лечение... Но вы говорите, он скорее умрет, чем прибегнет к помощи врачей. Нет, я не рискну делать выводы, не ознакомившись предварительно с историей болезни генерала.

– Почему вы заговорили о заклинателе духов?

– Я подозреваю, что природа болезни генерала сверхъестественна. Это самое вероятное. Некоторые разновидности злых духов вызывают такие симптомы. Мой совет – покопайтесь в его прошлом, – возможно, там вы найдете объяснение происходящему. Поищите также источник враждебных колдовских влияний. Возможно, какой-нибудь враг наслал на генерала порчу.

Черный Пит появился как раз вовремя и услышал большую часть нашего обсуждения.

– Что скажете? – спросил я. – Есть у генерала враги, которые могли учудить такое безобразие?

Он покачал головой:

– Разгадка в доме, Гаррет, я абсолютно уверен. У генерала нет врагов, желающих ему смерти. Во всяком случае, даже худшие из них ограничились бы тем, что послали к старику кого-нибудь вроде твоего дружка. – Он ткнул пальцем в Морли.

– Здесь поблизости нет колдунов. Не считая покойного Снэйка. Стоун, мог ли чародей-любитель наслать на генерала злого духа, который бы продолжал вредить и после смерти хозяина?

– Любитель? Сомневаюсь. Только очень сильный колдун, если это такие духи, которые могут действовать самостоятельно. Как правило, ненависть – единственная сила, оживляющая их. Я имею в виду ненависть достаточно сильную, чтобы попрасть законы природы, ненависть, заставляющую желать своему врагу вечных мук. И тогда порча начинает разъедать жертву изнутри. Но я не специалист, поэтому и предложил пригласить демонолога, заклинателя духов или колдуна. Вы можете раскрыть природу враждебного влияния, а потом уничтожить его. Или вызвать духа, узнать причину ненависти и попробовать умиротворить его.

– Это безумие, Гаррет, – вмешался Питерс. – У генерала никогда не было таких врагов.

– Мы лишь обсуждаем варианты. Стоун допускает, что болезнь носит естественный характер. Но ему нужно осмотреть генерала и ознакомиться с подробной историей болезни. Есть ли возможность устроить это?

Питерс посмотрел на меня, глянул на Морли и Плоскомордого:

– Устроим. – В голосе его зазвучал металл. – Пускай старый пердун бранится сколько влезет, мы не оставим ему выбора. Я вернусь через пять минут.

Он зашагал в сторону кухни.

Морли примостился на ограде фонтана, у дракона под крылышком:

– Что теперь?

– Подождем. Он поговорит с кухаркой, и, если она возьмется за дело, вы получите возможность осмотреть Стэнтнора. – Возводить кухарку в ранг матери-земли, прародительницы всего сущего, конечно, перебор, но она, безусловно, владычица дома Стэнтноров. – Доктор, можете вы рекомендовать специалистов?

– Давайте сначала попытаемся осмотреть пациента. Если я не обнаружу физической причины болезни, тогда уж придется пригласить их. Но это обойдется недешево.

– Хотел бы я знать, что в наше время обходится дешево, кроме моих услуг?

Морли хмыкнул:

– Не прибедайся. Одно дельце – и на дом заработал.

– Не спорю, один клиент заплатил, зато с пятьюдесятью наемниками Плоскомордый расплатился из моего гонорара. Ты знаешь что-нибудь о мире искусства?

– Ничего себе поворотик. Я знаю кое-что обо всем. Мне это необходимо. Что интересует тебя?

– Скажем, я открыл неизвестного гения, его полотна достойны быть выставленными в музее. К кому мне обратиться?

Он пожал плечами, усмехнулся:

– Не темни. Если у тебя есть ворованные картины старых мастеров, я помогу. Я знаю людей, которые имеют выходы на не особо щепетильных коллекционеров. Кстати, ты можешь обратиться к своему приятелю, владельцу пивоварни.

– Вейдеру?

– Он липнет ко всем культурным начинаниям, только и слышишь – здесь он почетный председатель и там, ко всякой бочке затычка. У него большие связи. Но ведь у тебя нет старинных полотен?

Морли оглянулся кругом. Пари держу, в уме он уже подсчитывал барыши.

– Зря смотришь. Ничего не найдешь, кроме потертых, усатых, насупленных стариканов. Здесь нет ни одной картины сколько-нибудь известного художника.

– Да, я обратил внимание. Нечего сказать, теплая компашка. Любопытно, их что, с детства отучали улыбаться?

– Может, это наследственное, хотя мне кажется, Деллвуд просто притворяется.

– Идет твой сержант.

Питерс вылетел из кухни на всех парусах. Я заранее знал, что он скажет.

– Мы не будем спрашивать разрешения у старика.

– Он вычеркнет вас из завещания.

– Наплевать. Пошли.

Однако он задержался и взглянул на меня. Я догадался, что Пит хочет побеседовать со мной с глазу на глаз, и пропустил остальных вперед.

– В чем дело?

– За всеми треволнениями я совсем забыл о завещании. Генерал сжег только одну копию, но она не единственная. Он всегда делает по два экземпляра каждого документа, иногда три.

– Да? – Интересно: значит, если убийца в курсе, ничего не изменилось. – Сколько копий завещания существует?

– Еще одна точно. Он дал ее мне, чтобы я передал тебе, как ты просил. Я оставил ее в комнате, отвлекся на что-то и не вспомнил, пока кухарка не сказала то же самое – старик, мол, тебя вычеркнет.

– Для вас это было несущественно?

– Нет. Я выполнил твою просьбу, но не довел дело до конца. Но сейчас меня осенило. Я понял, какие последствия это может иметь.

– Ясно какие. Значит, убийца, если он знает о копии, не остановится. Кто знает?

– Деллвуд и Кид. Они были там. Да все знают, что генерал всегда делает несколько копий.

– Куда вы ее положили? Дайте мне ключ, я схожу за ней. А вы ступайте займитесь стариком.

Питерс грозно взглянул на меня. Я понял, о чем он думает. Что я собираюсь устроить у него обыск.

– Разве вам есть что скрывать? – спросил я.

– Сукин ты сын, Гаррет. Все время пакостишь.

– Вам есть что скрывать?

– Нет! – вспыхнул он.

– Тогда сделайте это сами. Я поверю вам на слово.

Мне вспомнился пожар в конюшне. Не Пит ли его виновник? Я ведь там попал в ловушку и вынужден был рассчитывать лишь на собственное мужество и ловкость.

Он отдал мне ключ:

– В ящике письменного стола.

Кухарка прошествовала наверх, лестница трещала под ней.

– Мы дело будем делать? – осведомилась она. – Или языком чесать?

Молодец тетка. Старику с ней не сладить. Она его просто придавит своей тушей, а там – ругайся он, сколько душе угодно, ничего не поможет.

– Спасибо, – поблагодарил я ее.

Она криво усмехнулась:

– За что? Он мне как сын, понимаешь?

– Да.

Я проводил взглядом Питерса. Он поспешил догнать остальных.

Никогда в жизни генерал не попадал в такое затруднительное, тактически невыгодное положение. Ему нечем припугнуть ни Морли, ни Плоскомордого, ни доктора, ни кухарку. И у него должно хватить мозгов не прогонять Питерса, иначе он останется практически без всякой помощи. Сейчас не до личных амбиций, главное – выжить и сохранить поместье хоть в каком-то порядке.

Я подозревал, что стоимость его быстро падает.

Я нащупал в кармане ключ Питерса, осмотрелся. Мне казалось, что за мной наблюдают, но никого вокруг не было. Наверное, опять блондинка. Интересно, где все? Работают, наверное. Хоронят оживших мертвецов. Приятное местечко, черт возьми!

31

Опять что-то не так – дверь в комнату Черного Пита оказалась не заперта. Такая небрежность не в его духе.

Я применил старый прием: схватил щит, ногой распахнул дверь и ворвался внутрь. И опять ничего не обнаружил.

Черт возьми. Сколько шутников в этом проклятом сарае! Я прислонил щит к деревянному косяку, поставил рядом свой увесистый аргумент и подошел к письменному столу. Комната была зеркальным отражением моей. Я сел на абсолютно такой же стул за абсолютно такой же стол.

Полагаю, я услышал шарканье подошв по ковру, начал поворачиваться... Начал, но не закончил.

Что-то обрушилось мне на голову, из глаз посыпались искры. Помнится, я заорал, свалился и долбанул мордой о стол. Неприятное ощущение.

Вырубить человека не так-то просто: ударишь недостаточно сильно – жертва опомнится и нанесет ответный удар, ударишь слишком сильно – убьешь ненароком. Если нападающий соображает, что делает, он не будет бить по затылку, разве что захочет проломить тебе череп.

Этот удар был нацелен как раз на мой затылок, но я изменил положение, и он пришелся по шее, а затем скользнул по плечу. Бандит достиг цели, вернее, достиг лишь на девяносто девять процентов. С полминуты я еще мог различить какое-то движение рядом с собой, а потом свет померк в моих глазах.

Первой моей мыслью было: надо завязывать, стар становлюсь, удовольствия никакого – одно похмелье.

Мне показалось, что я отрубился у себя дома прямо за столом. Только попытавшись встать, я вспомнил ужасную правду. Меня обступали чужие вещи. Голова кружилась. Я упал, стукнувшись подбородком о край стола, скорчился на полу и изверг съеденное за завтраком. Когда я попробовал пошевелиться, рвота началась снова.

Пока я развлекался таким образом, некто пробежал мимо меня к двери. Я заметил лишь, как мелькнуло что-то коричневое. Но мне было не до наблюдений.

Сотрясение мозга, пронеслось у меня в голове. Я не на шутку перепугался. Бывает, после такого удара что-то там в мозгах сдвигается и не становится на место. Бывает, людей парализует. А бывает, они засыпают вечным сном.

Не поддавайся, Гаррет, ни в коем случае не теряй сознания – вот что говорят врачи. Вставай, Гаррет, наплевать на рвоту. Смелей. Заставь свое тело повиноваться воле.

Беда, что воли у меня осталось кот наплакал.

Все же через какое-то время, собравшись с силами, я пополз к двери. По дороге несколько раз терял сознание, но в целом упражнение подействовало благотворно. Я почувствовал себя посвежевшим, почти бодрым и решил, что в этот раз, пожалуй, не помру. Я настолько воспрянул духом, что даже открыл дверь, прополз еще пару футов и только потом ослабел и опять вырубился.

Чьи-то нежные пальцы осторожно скользили по моему лицу, ощупывали его, как пальцы слепой женщины. Я с трудом пошевелился и на сотую долю дюйма приподнял одно веко.

Моя милочка в белом одеянии пришла мне на выручку. По крайней мере, вид у нее был весьма взволнованный. Губы красотики шевельнулись, но я ничего не услышал и запаниковал: бывает, люди и слух тоже теряют.

Она отскочила – и зря. Я был сильно не в форме, любая улитка могла помериться со мной в беге и выйти победительницей. К тому же ногу мне прищемило дверью. Я попался, как мышь в мышеловку.

– Не уходите. Пожалуйста, не уходите, – слабым голосом взмолился я.

Во мне проснулся сыщик. Пытливый ум вновь принялся за работу.

Она вернулась, опустилась на колени и продолжила ощупывать мою голову.

– Тебе очень больно? – Это был даже не шепот, а тень шепота, но звучал он озабоченно, обеспокоенно. Лицо ее было полно заботливого внимания.

– Я ранен в самое сердце: вы все время убегаете от меня. – Нам, сыщикам, пальца в рот не клади. Мы такие, сразу берем быка за рога. – Я никогда не видел женщины красивее вас.

Лицо у нее прояснилось. Чудно, до чего же женщины любят комплименты, самая твердокаменная и то не устоит. Красавица даже чуть-чуть улыбнулась.

– Кто вы?

Я хотел было признаться ей в любви, но счел это несколько преждевременным. Признаюсь через десять минут.

Она не отвечала. Она просто поглаживала мой лоб и виски и напевала что-то тихо-тихо, я не мог разобрать слов.

Да кто я такой, чтобы задавать вопросы посланнице небес? Я закрыл глаза. Будь что будет.

Она запела чуть громче. Колыбельная, прекрасная и завораживающая. Бог с ними, с делами. Вот она, настоящая жизнь.

Что-то легкое, как пушинка, коснулось моих губ. Я приоткрыл глаза. Она улыбалась. Она склонилась надо мной, ее личико было совсем близко.

Да. И вдруг что-то изменилось. Она вскочила – и была такова. Раз – и нету! Я не успел преодолеть слабость и повернуться – она уже испарилась.

По коридору затопали шаги, сначала деловитые, потом торопливые.

– Гаррет! Что стряслось?

Теперь Черный Пит стоял на коленях около меня. Слабое утешение: предшественница его была куда привлекательней.

– В твоей комнате... меня съездили по башке, – просипел я.

Он распахнул дверь и кинулся внутрь. У меня хватило соображения выдернуть ногу. От этого я устал так, словно вкалывал целый день.

Из комнаты выскочил Питерс, в руке он сжимал лист бумаги:

– Все перевернуто. Но вот оно, завещание. Какого еще черта им могло понадобиться?

– Полагаю, искали именно его.

Он сердито взглянул на меня:

– Ты все там заблевал.

– Ничего не поделаешь, у меня не было выхода.

– Если приходили за завещанием, почему не взяли его?

– Я упал лицом на стол. Чтобы достать завещание, нападавшему пришлось бы передвигать меня. Я мог очнуться. Он выскочил, когда я начал приходить в себя. Кто мог подслушать наш разговор?

– Кухарка и Кид не могли: они были наверху со стариком. Уэйн хоронил Снэйка, Хокеса и Тайлера.

Питерс помог мне сесть.

– Кстати, куда вы дели тела?

– Их оттащили к колодцу: там прохладней. А какая, собственно, разница?

– Значит, остается Чейн. Или Деллвуд, если предположить, что он вернулся.

– Чейн, скорее всего, ходил смотреть, как обстоит дело с пожаром в конюшнях, хотел попробовать спасти уцелевшие вещи.

– Это был не призрак. И не оживший труп. Третий труп нашли?

– Не было времени искать.

– Так он сам нас найдет.

Я поднял руку, ухватился за Питерса и с его помощью поднялся. Держась другой рукой за стенку, я смог принять вертикальное положение.

– Что с диагнозом?

Страшно болела голова, я даже перестал чувствовать ожоги. Правду говорят: нет худа без добра.

– Они искали тебя, хотели рассказать...

– Расскажите вы.

– Генерал уволил меня и Кида. Мы ему прямо заявили, что никуда уходить не собираемся.

– Похоже, вы также не собираетесь рассказать мне об этом паршивом диагнозе.

– Не хочется говорить: в это трудно поверить.

Ясно. Но все-таки я позволил Питерсу свести меня вниз, привалился к ограде фонтана и, с трудом удерживаясь, чтобы не упасть, дождался появления Морли и остальных.

– Что, без демонолога не обойтись? – обратился я к ним.

– Не смотри на меня так, – запротестовал Морли. – Я не виноват.

– Вид у тебя обалдевший.

– Обалдеешь с этими привидениями. Хуже вампиров и оборотней. У меня просто руки опускаются.

– Ты прав.

Морли не хотелось верить, что мы имеем дело со злыми духами. Я тоже не был готов к этому. На карту поставлено наследство – при чем тут всякая чертовщина? Не первый случай, когда вину за кровопролитие сваливают на каких-то сомнительных призраков.

Но Хокеса и Брэндона убило не привидение. Не привидение устраивало мне ловушки, пыталось зарубить меня топором, спалить в конюшне и продырявить мне башку.

Все уставились на меня, как на командира, ожидая решительного слова.

– Голова разламывается, – сказал я. – Морли, ты останешься на ночь, не бросишь меня?

– Все время боялся, что ты попросишь.

Это у него такая милая манера соглашаться.

– Я заплачу, – пообещал я.

– Каким образом, если у старика нет ни гроша?

Я не стал говорить, что получил приличную сумму авансом. Хотя было столько расходов, от нее, наверное, немного осталось.

– Что-нибудь придумаем. Как он воспринял все это?

– Мягко говоря, без восторга.

Я посмотрел на доктора:

– Значит, естественной причины болезни найти не удалось?

Пожалуйста, о, пожалуйста!

Он помотал головой:

– Во всяком случае, ничего мне известного у генерала нет. Но пригласите демонолога. Черт возьми, я сам за ним пошлю. Прежде всего надо разгадать эту загадку. Если сверхъестественной причины не окажется, позовите меня снова. Для меня как для врача это будет хорошей проверкой.

Морли лукаво улыбнулся:

– Вы, ребята, оба должны постараться. Вы на этом карьере сделаете. Стоун откроет и опишет неизвестную науке болезнь, а Гаррет поймает убийцу, который в десять раз умней его.

– Моя задача куда проще, – проворчал я. – Всего лишь продержаться до тех пор, пока останется только один подозреваемый. – Головная боль доконала меня вконец, а это не улучшает характер. – Доктор, у вас есть что-нибудь от головы?

– В чем дело?

Я рассказал ему.

Он настоял на осмотре и дал обычные при сотрясении мозга советы. Может, он был не совсем жуликом. Вообще-то, я весьма низкого мнения о врачах и юристах, и основано это мнение на собственном горьком опыте.

Стоун приготовил мне старую добрую микстуру с отвратительным вкусом, настоящую на ивовой коре. Проглотив ее, я воспрянул духом и решил, что могу жить дальше.

– Питерс, скоро ужин. Парни, должно быть, проголодались. Сведи их с кухаркой. А я загляну к генералу.

Питерс хмуро поинтересовался, не желает ли кто поужинать. Плоскомордый и Стоун, конечно, не отказались, а Морли все равно оставался ночевать.

Поднимаясь по лестнице, я вспомнил о Деллвуде. Я предложил ему отправиться в город в карете, неужели он до сих пор ждет, мерзнет на улице вместе с кучером?

Дождь не переставал. Я посочувствовал Уэйну и Чейну. Хотя последнему меньше. Прихлопнули бы его поскорей, этого Чейна.

– Прогони его, – хриплым голосом велел генерал Киду, когда я без стука вошел в кабинет. Кид взглянул на меня.

– Боюсь, не получится, сэр, – ответил он простодушно, но с насмешливым блеском в глазах и отвернулся к камину, чтобы скрыть улыбку.

– Вы слышали диагноз, генерал? – спросил я.

– Мистер Гаррет, я не просил вас вмешиваться в мою жизнь. Я вас нанял, только чтобы найти вора.

– И убийцу. И предполагаемого убийцу, который охотится за вами. Следовательно, сохранить вашу жизнь – часть моей работы. Для этого мне необходимо выяснить, каким способом вас пытаются убить. Первое предположение было – яд. Но я ошибся.

Он казался удивленным. Возможно, они не сказали ему. Наверное, он разбушевался и вел себя так несносно, что они сочли за лучшее ретироваться побыстрей.

– Мистер Дотс – специалист по ядам. Доктор Стоун – лучший специалист по тропическим болезням. – Немножко преувеличить не помешает. – Они говорят, вы не отравлены, разве только каким-нибудь чрезвычайно редким, экзотическим ядом, о котором Морли не слышал. Вы также не страдаете ни одной известной медицине болезнью, хотя доктор нашел у вас анемию и разлитие желчи. Вы болели малярией, генерал?

Думаю, Стэнтнора невольно тронуло, что люди так хлопчут, несмотря на его скверный характер.

– Да. На островах трудно было уберечься от нее.

– В тяжелой форме?

– Нет.

– Вы принимали хинин? Врач говорит, что ваш недуг может объясняться злоупотреблением некачественным хинином.

– Нет!

По телу генерала прошла судорога. Опять приступ. У него больное сердце?

Приступ был легким. Кид не успел добежать до старика, а судороги уже почти прекратились.

– Нет, – проскрипел генерал, – нет, мистер Гаррет, никаких лекарств. Если и предлагали, я отказывался.

– Так я и думал. Но мне необходимо было уточнить, прежде чем я скажу вам мнение экспертов.

– К чему они пришли?

– На вас наслали порчу.

– Что?..

Этого он не ожидал. Кид тоже застыл, разинув рот.

– Причина вашего недуга – сверхъестественная. Ваш враг – призрак. Или кто-то, кто наслал на вас злого духа. Питерс говорит, что таких врагов у вас нет. Доктор Стоун говорит – покопайтесь в своем прошлом.

Мне никогда не пришло бы в голову, что это возможно, но цвет лица у старика стал еще хуже. Просто катастрофически. Кожа его покрылась каким-то пепельно-серым налетом.

Что-то было в его прошлом. Темное пятно, не известное больше никому, нечто ужасное, призрак, который мог подняться из могилы, чтобы восстановить справедливость. Черт возьми, лачужка Стэнтноров была обязана иметь кошмарное прошлое, какое-то тяготеющее над ней проклятие, иначе картина была бы не полной.

– Лучше нам обсудить это, – сказал я. – Придется приглашать специалистов. – Я выразительно глянул на Кида. Старик не захочет признаваться в старых грехах на глазах восхищенной публики. – Демонолога, заклинателя бесов, медиума или колдуна, чтобы вступить в общение с духом.

Ох уж этот Кид – с места не двинулся, туп как пень.

Генерал собрался с мыслями и только тогда заговорил.

– Убирайтесь, Гаррет, – сказал он.

– Я вернусь, когда вы будете готовы к разговору...

– Убирайся. Оставь меня. Пошел прочь из моего дома, из моей жизни...

У него начался новый приступ, на этот раз тяжелый.

– Эй, позовите доктора! – крикнул Кид.

Но на лице его я не заметил раскаяния. Он не сожалел, что позволил довести старика до такого состояния.

Странные они все люди.

32

Я отправился в кухню. Кухарка была одна.

– Вам нужен помощник?

– Явился еще что-нибудь вытянуть из меня? Не подъезжай, парень, я тебя насквозь вижу. Тебе что-то нужно, но на сей раз я и рта не раскрою. Нечего в чужие дела соваться.

– Конечно.

Я закатал рукава и с отвращением взглянул на кучу грязной посуды. Нет на свете ничего хуже мытья посуды. Но я притащил от плиты котел горячей воды, налил ее в раковину, добавил холодной и бесстрашно принялся за работу. Десять минут прошли в молчании. Я ждал. Она не сможет долго сдерживать свое любопытство.

– Вы были в комнате, когда осматривали генерала. И что вы думаете?

– Старик прав, этот докторишка в самом деле обманщик. – В тоне ее не было уверенности, одно лишь беспокойство.

– Думаете, он ошибается?

– Да он сумасшедший, если верит в это. Здесь нет ни призраков, ни привидений.

– Три труп.

Она поперхнулась. Именно это внушало ей сомнение. Если бы не появление ходячих покойников, она и внимания бы не обратила на слова доктора Стоуна.

– Все твердят мне, что у генерала нет врагов, способных на убийство. Нет ни у кого и мотива пытаться ускорить его смерть, несмотря на величину поместья.

– Не много от него останется, от этого треклятого поместья. Ей-богу, старик заразил все вокруг.

Кухарка говорила слабым голосом. Да, она уж не та, что прежде, живет своей внутренней жизнью, у нее пропала охота вмешиваться в творящиеся кругом безобразия.

– Если сегодня никто не убивает генерала, не пытается его мукой медленной смерти, не держит на краю бездны, может, это дело рук призраков прошлого? Что-то мне подсказывает – искать нужно во времени до его отъезда в Кантард.

Она ворчала, беспорядочно расшвыривая вокруг себя кухонную утварь, но ничего вразумительного я не услышал.

– Что с ним случилось? Я слышал только о смерти его жены. Не тут ли таится разгадка? Ее родители... Дженнифер рассказала мне, что они были из могущественной аристократии, но имен она не знает. Осталось ли после них наследство? Или было какое-то проклятие – до седьмого колена?

Кухарка не поддавалась и упорно хранила молчание.

– Не были ли они вовлечены в заговор Синих, направленный против Кенрика Третьего?

– Напридумывал, сам не знаешь, откуда чего насобирал...

– Такая у меня работа, деньги за это получаю. Полагаю, бабушка с дедушкой были-таки вовлечены в заговор. Полагаю, мать Дженнифер очутилась здесь отчасти для того, чтобы спастись от возможных в случае провала преследований. Ей не повезло: заговор провалился, и Кенрик уничтожил всех, даже самых дальних родственников бунтовщиков. Допускаю, что доктор, перепутавший лекарства, действовал по указке короля. Возможно, Дженнифер осталась жива только потому, что у врача не поднялась рука убить новорожденную.

– Ну напридумывал...

Я не реагировал и спокойно ждал, пока она дополнит мой рассказ. Я уже перемысл и вытер целую гору посуды. Не пора ли подумать о смене профессии? Старая становится чересчур утомительной. Я с удовольствием задержался на этой мысли.

– Матушка миссис звалась Чэрон Светлоокая. А папа ее был сам Натаниель Синий Дьявол.

Большой проказник был ее папа Синий Дьявол – душа заговора, злобный негодяй. История гласит, что только вмешательство наиболее влиятельных заговорщиков ограничило его планы свержением короля. Он-то мечтал смести с лица земли весь дом Кенрика, всю правящую династию. Кровавая вражда между ним и Кенриком началась с пустячной детской потасовки.

Чэрон Светлоокая, скорее всего, знала о деятельности мужа не больше, чем обычно знают женщины. Почти до конца она вроде бы и не подозревала о заговоре. Но есть основания считать, что именно благодаря ей заговорщики потерпели поражение: в последнюю минуту Чэрон предупредила короля.

Мы никогда не узнаем наверняка – разве что воскреснет кто-нибудь из мертвых, в живых же не осталось никого. Но вряд ли кому придет в голову воскрешать их. Воскрешать колдуна – опасная и глупая затея, решиться на это может лишь более сильный колдун.

– Мать привела Элеонору сюда, чтобы спрятать ее?

Кухарка пробурчала что-то. Несколько секунд она обдумывала, заговорить или нет. Я добавил в раковину горячей воды.

– Верно, мать привела ее. В полночь. Ну и ночь была, воистину адская. Гром, молния, ветер завывал, как тысячи грешных душ. Чэрон Светлоокая и Стэнтноры состояли в отдаленном родстве. Я забыла ее девичье имя. Фэн... дальше не помню. Дитя насквозь промокло и смертельно перепугалось. Она, как Дженнифер, никогда раньше не покидала родного дома. Совсем юная и очень хорошенькая.

– Тоже как Дженнифер.

– Более робкая, чем Дженни. Дженни может постоять за себя, она настоящая артистка, наша Дженни, меняет обличья, точно платья. Молодая миссис Элеонора была не такова, она и собственной тени боялась.

Я хмыкнул.

– Старый генерал и Чэрон Светлоокая сладили это дельце тут же, в кухне. Я подавала чай и все видела. Они поженили девушку и молодого Уилла. Ей оставили только имя: так было безопасней. Прошло не больше двух дней, и разразилась буря. Но старого генерала Кенрик не

посмел и пальцем тронуть: в те дни армия Каренты держалась только на нем, без Стэнтнора нам не миновать бы разгрома.

Война для меня тогда не много значила. Отец давно погиб, а я был слишком мал, меня забрать не могли. Но я припоминаю, для Каренты настала плохая пора, и все говорили, что вся надежда на старшего Стэнтнора, без него, мол, Венагета разгромит нас.

– Не знаю, будет ли тебе с этого прок, но скажу – по-моему, Чэрон хотела предложить сделку: она выдавала заговорщиков, а ей гарантировали неприкосновенность. Бог знает, добилась ли она успеха. Во всяком случае, она не уцелела.

– Подождите, я запутался, – остановил я ее. – Дженнифер ведь родилась вскоре после того? А у нее еще был старший брат.

– Единокровный брат, не родной... Сын первой жены генерала. Ему пришлось жениться в шестнадцать лет. Она была дочерью служанки. Но тебе это незачем знать.

– Чтобы разобраться в происходящем, мне надо знать все. Тайны убивают. Что случилось с первой женой генерала?

– Их брак продолжался, пока мальчишка не подрос и его не передали нянькам, а затем учителям. Тогда ее прогнали, старый генерал отослал всю семью.

– Они не сопротивлялись?

– Еще как! Но старый генерал откупился. Паренек ужасно напоминал молодого Уилла, особенно когда возвращался после ночи в борделе. Настоящим разбойником он был. Да. Намучились мы с ним.

Непохоже, что она имела в виду обычные юношеские проказы. Видимо, генерал в молодости был отталкивающим типом.

Добрую четверть часа я пытался выудить из кухарки еще что-нибудь. Мне удалось лишь добиться подтверждения, что молодой Стэнтнор был грубым и низким развратником, волокитой, чья жизнь получила какой-то смысл и оправдание только после длительного пребывания в Кантарде.

– Неприятный был парень. Кто мог возненавидеть его настолько сильно, чтобы...

– Нет. – Она говорила всерьез, а не просто увиливала от ответа. – Такова жизнь, Гаррет. Это проходит. По молодости любой может натворить глупостей.

Некоторые продолжают творить их всю жизнь.

– Но люди вырастают. Ошибки юнцов причиняют боль, радоваться и умиляться тут нечему, но никто не унесет такую обиду с собой в могилу и не восстанет из мертвых, чтобы отомстить за нее.

Не знаю. У Стэнтноров и им подобных все наперекосяк. Человек их круга мог счесть себя оскорбленным в случае, который нормальный смертный назвал бы мелкой неудачей.

– Тогда скажите мне, что за призраки одолевают его?

Кухарка бросила работу и внимательно посмотрела на меня. Она вспомнила что-то, о чем не вспоминала годами. С минуту казалось, что она вот-вот заговорит. Но потом она покачала головой, лицо ее стало непроницаемо.

– Нет. Не было этого.

– Чего не было?

– Ничего. Просто жалкая сплетня. К нашим сегодняшним делам отношения не имеет.

– Лучше скажите мне. Вдруг за этим что-то кроется.

– Не хочу повторять сплетни. Не хочу ни на кого возводить напраслину. Все равно к делу не относится.

Я в третий раз наполнил раковину горячей водой и мигом перемыл третью порцию посуды. Держу пари, она много лет не видала столько чистой посуды сразу.

Хоть здесь не подкачал. Спасти жизнь людей я не способен, зато когда дело коснется мытья посуды – тут Гаррет чудеса творит. Ей-богу, пора задуматься о перемене профессии.

Наконец она заговорила:

– От судьбы не убежишь. Генерал по уши втрескался в миссис Элеонору. Она стала его божеством.

Я ободряюще хмыкнул. Кухарка не реагировала, тогда я попробовал спросить напрямую.

– Я и так сказала больше, чем следовало, – гласил ее ответ. – Чужаку не надо столько знать о нас.

Сомневаюсь. Мне казалось, она взвешивает каждое слово и говорит только то, что считает нужным. Следующую порцию выдаст немного погодя, когда решит, что я достаточно созрел.

– Надеюсь, вы понимаете, что делаете. Уверен, ваши секреты помогли бы сохранить жизнь многих людей.

Эх, не умеем мы довольствоваться малым. Жадность нас погубит. Наверное, я надавил слишком сильно. Кухарка обиделась, – в конце концов, она не обязана говорить. Она недружелюбно взглянула на меня и до ужина не проронила больше ни слова, только огрызалась и распоряжалась.

33

После ужина, проводив наконец доктора и Плоскомордого, мы с Морли отправились ко мне в комнату.

– Бедняга Деллвуд, наверное, устал ждать, – заметил я, поднимаясь по лестнице.

Он плюнул на карету и ушел пешком несколько часов назад. Кучер тоже роптал на свою нелегкую долю: никому не пришло в голову пригласить его в дом погреться.

Морли рыгнул.

– Ей-богу, старуха хотела меня отравить. От таких помоев отказались бы и свиньи.

Я усмехнулся. Стоило Морли заикнуться, что ему не нравится еда, кухарка тут же отбрила его, предложив завтрак приготовить самому. Более того, персона моего неотразимого друга не произвела на здешних аборигенов ровным счетом никакого впечатления. Напрасно Морли расточал свои чары – Дженнифер и бровью не вела. Самолюбие Морли было задето: он не привык, чтобы на него смотрели как на пустое место. Но их не интересовало, кто он такой. Подумаешь, какой-то нахал, вторгшийся в их замкнутый мирок. Что касается меня, я не настолько чувствителен к мнению окружающих...

– Приятная компания, Гаррет. А девушка – просто Снежная королева. Где ты их откопал?

– Они откопали меня, а людям, у которых все в порядке, я не нужен.

– Понимаю, – хмыкнул Морли. – У этих-то неполадок выше головы.

Я склонен думать, что его клиенты еще чуднее моих. Но у Морли с ними разговор короткий, уж он-то резину тянуть не станет.

Подойдя к двери, я проверил свою сигнализацию. Если кто и заходил ко мне, это были аккуратные люди. Мы вошли.

– Пойду вздремну, – сказал я. – Прошлая ночка выдалась тяжелая. Пожалуйста, сегодня никем не оборачивайся.

– Постараюсь, – кисло улыбнулся Морли и начал распутывать моток веревки, который стащил, пока я помогал кухарке мыть посуду после ужина.

– Для чего это?

– Хочу измерить комнату. Ты говоришь, кто-то ухитряется входить и выходить, не пользуясь дверью, значит должен быть другой путь.

Он отмерил фут, завязал узел, сложил веревку, завязал второй узел. Линейка, конечно, не безупречно точная, но сгодится и такая.

– Я сам собирался заняться этим, когда будет время.

– У тебя никогда не будет времени проработать мелочи, Гаррет. Ты всегда слишком занят – ломишься в открытые двери или торопишь события. Кстати, как ты думаешь, чего ожидать сегодня ночью?

У меня было сильное подозрение, что без неприятностей нам не обойтись и сегодня.

– Может вернуться один из мертвецов. Да черт знает что еще может случиться. Пока будешь ковыряться с веревкой, пораскинь мозгами, как вывести Чейна на чистую воду.

– Чейн? Такой жирный, бранчливый парень?

– Он самый.

– Ты думаешь, это он хулиганит?

– Больше никому. Только у него была возможность убрать Хокеса и Брэдона и трижды попытаться прикончить меня.

– Используй в качестве приманки себя самого. Схвати его за руку.

– Спасибо, не хочется. Три попытки, а может, и четыре. Я дал ему достаточно форы, не находишь?

– Ложись спать – все будет в порядке, не бойся: Морли рядом.

– Если поразмыслить, звучит не слишком успокаивающе.

Я прошел в спальню, скинул одежду и скользнул под чистую, прохладную простыню. Фу ты, даже грешно нежиться на такой великолепной перине.

Секунд тридцать я еще слышал, как Морли копошится в соседней комнате, бормоча что-то себе под нос, а дождь барабанит в окно. Потом я погрузился в сон.

Я еще не проснулся до конца. А стоило. Я был не один в постели. Белокурая красавица вернулась ко мне, перебирала волосы, проводила пальчиками по лицу. На сей раз она не спешила, но в какой-то момент наклонилась слишком сильно, потеряла равновесие, и, не успев ничего толком обдумать, я схватил ее за руку, притянул к себе. Теперь она лежала на мне.

В комнате было темно. Будь незнакомка брюнеткой в черном платье, я бы совсем не видел ее. Но личико девушки так близко от моего лица я мог разглядеть. Она улыбалась, вернее, пыталась улыбнуться, чтобы казаться озорной и шаловливой, как кошечка. Но тело ее отказывалось притворяться, она дрожала, как дрожат от ужаса.

– Скажи мне, – шептал я, – скажи мне, кто ты.

Я обнял ее, погладил ее шейку. Я просто хотел задержать прекрасную незнакомку, не дать ей уйти, но через мгновение и сам потерял голову. Волосы у нее были легкие, словно паутинка.

Вместо ответа красotka поцеловала меня. О боги! Поцелуй подействовал как стакан чистого виски. Я забыл, кто я и где нахожусь.

Она дрожала так, будто ей пришлось голой бежать под холодным дождем, но дыхание ее обдавало меня жаром. Она забралась под одеяло. Вот чего не хватало старому генералу, чтобы перестать мерзнуть. Он здорово сэкономил бы на топливе.

Я больше не мог сдерживать себя, я впился в губы незнакомки. Еще несколько секунд – и она перестала дрожать.

– Эй, Гаррет! – Морли колотил в дверь. – Ты собираешься подрыхнуть всю ночь?

Я вскочил так резко, что закружилась голова. Ощупал постель. Никого. Старина Гаррет опять один-одинешенек. Что это было? У меня живое воображение и богатая фантазия, но...

– Принеси лампу.

– А топор мне на голову не свалится?

Топор?

– Иди, не бойся.

Когда Морли вошел, я сидел на кровати, закутавшись в простыню. Наверное, вид у меня был ошарашенный, а чувствовал я себя ошарашенным втройне.

– Что случилось?

– Ты не поверишь.

Он не поверил.

– Я не выходил из соседней комнаты. Ну может, один раз на горшок – и сразу обратно. Никто мимо меня не прошмыгнул бы. Тебе приснилось.

Может быть.

– Черт побери! Почаще бы такие сны. Но это был не сон, нет. Никогда мне ничего подобного не снилось.

– Стареешь, Гаррет, привыкай заниматься любовью лишь во сне, наяву ты свое отпрыгал. – Морли ухмыльнулся, продемонстрировав здоровые, как у всех эльфов, зубы.

– Не подначивай, мне не до того. Ты что-нибудь нашел? Который час?

– Да. В стенном шкафу места на две трети меньше, чем должно быть. Около полуночи. Час ведьм.

– Давай без шуточек по ночам.

Я встал, покрывало потащилось следом. Морли с любопытством взглянул на меня, шагнул вперед и поднял что-то с пола.

Это был красный пояс, его всегда, даже на картине Снэйка, носила моя душечка.

Я победоносно посмотрел на Морли и слегка улыбнулся:

– Пояс не мой.

– Сматываться надо отсюда, вот что, Гаррет.

Я молча одевался, не зная, что сказать. В общем-то, спорить не приходилось.

– Ты когда-нибудь бросал работу, пообещав выполнить ее? – наконец выговорил я.

Он снова странно взглянул на меня:

– Да. Однажды.

Такого я вообразить не мог. Нет, только не Морли Дотс. Чтобы он отступил?! Да он не спасовал бы и перед королем преступного мира, не растерялся бы, угодив в логово вампиров. Я видел это собственными глазами.

– Не верю. Что это было – стая громовых ящеров?

– Не совсем.

Он не любит говорить о своей работе. Я не стал настаивать, но чувствовал, что Морли сильно не по себе, очень сильно, хоть он и крепится.

– Пошли посмотрим, что там в шкафу.

– Тот тип нанял меня, не предупредив, с кем придется иметь дело, сказал только где и когда. Ну и удивился же я...

Я открыл дверцу шкафа.

– Продолжай.

– Я должен был расправиться с тобой.

Я медленно обернулся. Неужели он заговорил о том случае? А я-то молился, чтоб момент этот никогда не настал.

– Расслабься, забудь. Шесть месяцев – немалый срок, что прошло, то прошло и быльем поросло.

Он не упомянул бы о нем, это все страх. Я попытался вспомнить, в чем была суть того дела. Дельце выеденного яйца не стоило, так, пустяки – найти одного пропавшего человечка, но мне сразу показалось, что пахнет жареным. Парня я нашел – мертвым.

– Я твой должник.

– Забудь, не о чем говорить.

– Ладно, проехали. Давай-ка посмотрим, что с этим шкафом, почему в нем мало места.

Вспомнил. Вспомнил, почему с самого начала то дельце дурно пахло: клиентка чего-то недоговаривала. Она прямо кипела от злости, жажда мести переполняла ее, а причина оставалась непонятной. Она рассказала только, что разыскиваемый был связан с ее покойным мужем.

В конце концов все прояснилось. Парень мог шантажировать дамочку: какие-то махинации с наследством ее муженька. Знай она, что его уже убрали, обошлась бы и без моих услуг.

Парень же, в свою очередь, почуяв слежку, нанял Морли.

А, черт с ними, со старыми историями, сейчас нам не до прошлогоднего снега.

Однако я в самом деле должен Морли. Отказаться от оплаченной уже работы – это посерьезней, чем мои злключения с гробом вампира.

– Здесь, – сказал Морли.

Теперь я заметил, что с правой стороны шкаф был на пару футов ниже, чем следовало.

– Посвети мне.

Я исследовал внутреннюю стенку. Ни дверцы, ни лазейки.

– Должен же быть какой-то ход!

Я пошарил кругом, отыскивая искусно замаскированное устройство, вроде тех, что мне случалось видеть раньше. Ничего похожего.

– Нашел, – сказал Морли и откинул панель фута в два шириной.

Бам! Это он отпустил доску. Дверца открывалась наподобие крышки у бочонка с мукой на кухне; когда она закрывалась, снаружи ничего не было видно.

– Здорово сделано, – отметил Морли.

Обычно, если дверью часто пользуются, вокруг на полу или на стене остаются следы. Но эта дверца была закреплена кожаным ремешком, не дававшим ей отскочить до конца.

Мы переглянулись.

– Ну что дальше?

Морли усмехнулся:

– Есть два пути: первый – стоять здесь, разинув рты, а второй – предпринять что-нибудь. Я голосую за последний.

– Только после вас.

– Э, нет. Я всего-навсего помощник, наемная сила. Я готов подать копьё храброму рыцарю, вышедшему на бой с Армией Тьмы. Если со мной вдруг случится припадок самоотверженности, я могу почистить его заржавевшие доспехи. Но лезть вместо него в клетку со львами – нет уж, дудки.

– Я слишком тебя люблю, дружок, и никогда не подвергну такому испытанию.

Он прав. Моя игра – мне и карты в руки. Тем более попытка не пытка.

Я взял вторую лампу, проверил, достаточно ли в ней масла, и приготовился заползти в отверстие.

– Не отходи от меня.

– Ни за что, босс. Я всегда рядом.

– Обожди. – Я вернулся в комнату.

– Что теперь?

– Экипировался не полностью.

Это как раз тот случай, когда надо быть во всеоружии. Морли с улыбкой наблюдал за моей возней с разноцветными бутылочками.

– Странно, как тебе удалось сохранить их до сих пор.

– Умный человек никогда ничего не выбрасывает: никогда не знаешь, что может пригодиться.

С таким арсеналом я был готов выступить против громового ящера и смело протиснулся в узкий коридорчик. Морли было куда проще – он на две головы ниже и на полтонны легче. Я же все время стучался головой. Мы прошли шагов семь и оказались в камерке без окон и дверей, находившейся между туалетной и спальней, ужасно тесной, не шире трех футов, пыльной и затянутой паутиной. Там не было ничего интересного, на полу валялись гвозди, щепки и куски штукатурки. За стеной начинались соседние с моими покои.

Во всех стенах были понаделаны глазки. Так-так. Два, чтобы наблюдать за туалетной, и три – за спальней. При мысли, что меня все время могли видеть, я поежился. Чертовски неприятно.

– А вот и выход, – сказал Морли.

В углу камерки, около стены коридора, в полу была дыра, квадратная – два на два фута. Вниз вели деревянные ступеньки.

Я отчаянно расчихался. Пыль и простуда сделали свое черное дело. Голова разламывалась, ожоги не давали покоя. Казалось бы, радоваться нечему. И все-таки я засмеялся.

– Ты чего?

– Теперь первым пойдешь ты.

– Почему это? Только после вас.

– Ты у нас такой юркий, такой акробат, что из гроба выберешься.

Я проверил ступеньки. Вроде бы прочные, но все же – идти вниз по вертикальной лестнице, с двумя зажженными лампами... Хорошо, что у меня отличная координация.

Камерка на третьем этаже не отличалась от камерки на четвертом ничем, кроме люка, который прикрывал ход на второй этаж.

– Там дальше большая кладовая, – сообщил я Морли и чихнул так, что лампа не погасла только чудом.

Я прислушался. Внизу тихо. Тогда я приподнял крышку люка и откинул ее в сторону, крепилась она на шарнирах.

Но как мы спустимся? Лестницы не было.

Хитро придумано. Сразу под люком строители приделали полку, она и заменяла ступеньку. Я спрыгнул на пол.

Зная уже, что искать, мы быстро обнаружили потайные ходы, ведущие в комнаты западного крыла.

– Простенько и со вкусом, – восхитился Морли. – Как думаешь, это для слежки или на случай бегства?

– Думаю, для всяческих стэнтноровских нужд. Интересно, как это устроено в восточном крыле – там другая планировка.

– Западное крыло ты уже осматривал?

– Кроме подвала.

– Неужто так и не нашел местечка, где могла прятаться твоя подружка?

– Нет.

– Ты спрашивал кухарку, не пропадают ли у нее продукты?

– Нет.

А следовало, должна же она чем-то питаться. Я подумал о портрете блондинки. Лучше, не откладывая в долгий ящик, перетащить его в дом.

– Давай по порядку. Сперва подвал. Потом другое крыло. Скорей всего, в него можно попасть из подвала.

– Точно.

Мы осторожно спустились в нижнюю кладовую, прислушались. Тихо. Теперь подвал.

Обычный подвал, хотя потолок выше, чем в моем – там мне приходится ходить согнувшись, – просторный, темный и пыльный, с массой колонн, поддерживающих потолочные

балки. Пустой и сухой. Неудивительно, что сухой. Дом построен на вершине холма, и система канализации тщательно продумана.

Двигаясь в восточном направлении, мы наткнулись на остатки винного погреба.

– Удобное местечко, если кому приспичит избавиться от трупа.

– Для этого у них есть семейное кладбище, – возразил я.

– Однако пару-тройку трупов спустили в болото.

Морли всегда прав.

Мы завершили обход восточной части подвала, не обнаружив ничего, кроме пустых винных бочек, сломанной мебели, окороков и прочих припасов, подвешенных повыше, чтобы мыши не достали. Я чихал не переставая. Мы перешли в западную часть.

– Тут и вовсе делать нечего, – сказал Морли.

И точно. Ничего, кроме системы водоснабжения фонтана, представлявшей интерес главным образом для инженеров. Потайных ходов мы не нашли.

– Зря потеряли три четверти часа. – Я опять чихнул.

– Потерянного времени не бывает. Даже если результат отрицательный.

– Я всегда это твержу, а ты ворчишь, что мы зря тратим время.

– Наверное, друг от друга заразились, – хихикнул Морли. – Пошли, пока всех пауков не переполошили.

Я чихал без передышки. Интересно, в подвале никакой живности, только пауки. Я ожидал, что здесь полным-полно мышей.

– Ты что-нибудь чувствуешь? Запах, я имею в виду. Мой нос вышел из строя.

– Какой еще запах?

– Кошачьего дерьма.

– Чего?

– Нет мышей, значит есть кошки. Кошек я видел снаружи, в сараях, но они ухитряются залезать в подвал. Следовательно, существуют какие-то отверстия.

– Да. – Морли встревоженно огляделся. Он вспомнил, что вокруг бродит оживший мертвец. – Ничего мы здесь не найдем.

Ему явно было не по себе, а обычно он непоколебим как скала. Этот жуткий дом хоть кого dokonает.

Я начал подниматься на первый этаж – и тут услышал чей-то крик.

– Проклятье! Что на этот раз?

Никогда не пытайтесь бежать в темноте по незнакомому помещению, даже с лампой в руках. Прежде чем удалось добраться до главного холла, мы раз шесть чуть не столкнулись лбами.

34

Мы ворвались в светлый холл, Стэнтноры не жалели средств на его освещение.

– Что это было?

– Кричали вроде бы отсюда, – сказал Морли, – но пришли мы первые.

Нет, не совсем. Черт поberi! Разрази меня гром!

Чейн опередил нас. Мы не сразу увидели тело: храбрый победитель драконов и поверженное чудище скрывали его. Чейн лежал на полу, скорчившись, в неестественной позе. Вокруг расплзлось кровавое пятно. Кровь еще не перестала течь.

– Похоже, он свалился с верхнего балкона, – с деловитым бесстрашием констатировал Морли. – Попытался приземлиться на ноги, но потерпел неудачу. – Морли посмотрел вверх. – Можно пари держать, сам он не прыгал и не случайно перевалился через перила. Но я больше не держу пари.

– Таких – тысяча против одного – я тоже не держу.

Высота была футов тридцать, но Чейну они, наверное, показались тысячью.

Тридцать футов – порядочная высота, но иногда, если падающий полностью владеет собой или ему просто повезет, он может остаться в живых. Чейну не повезло.

Я заметил движение на балконе и приготовился вновь увидеть свою загадочную белокурую красавицу. Но это была всего лишь Дженнифер, она стояла у перил, напротив коридора, ведущего к моей комнате, и, пораженная, побледневшая, смотрела вниз.

Через минуту прямо над нами загремел бас Питерса:

– Какого черта?! – Перепрыгивая через ступеньки, он побежал вниз.

– Побудь с ним, – сказал я Морли. – А я к ней. – Я кивнул на Дженнифер.

Черный Пит буквально засыпал Морли вопросами, не давая вставить ни слова и не слушая ответов. Я же рысью побежал наверх – и опять запыхался. Мамой клянусь, как только покончу с этим делом, каждый день буду тренироваться, вот посплю эдак с недельку и начну.

Теперь щеки у Дженнифер пылали, будто она целую милю мчалась не останавливаясь.

– Где ты был? – выпалила она. – Я десять минут не могла тебя добудиться.

– Чего?

Она вздрогнула и потупилась:

– Ты сказал... я думала, ты хочешь...

Проклятье, совсем забыл. Чертовски повезло, что она не пришла раньше, и вдвойне повезло, что я не дал ей ключ.

Но она стояла передо мной такая робкая и стыдливая, такая беспомощная; легкая ночная сорочка почти не скрывала округлые формы... Меня наконец проняло. И как – просто слюнки потекли. Только бормотание Питерса внизу не давало мне начисто забыть о деле. Какая-то маленькая частичка мозга помнила о нем, но маленькая, очень маленькая частичка.

– Что ты знаешь об этом? – Я указал на Чейна.

Дженнифер сделала большие глаза:

– Ничего.

– Как это ничего? Совсем ничего не видеть и не слышать ты не могла.

– Ладно. Не сердись. – Все еще трепеща, она придвинулась чуть ближе. О деле, парень, думай о деле. – Полчаса назад я тихонько вышла из комнаты, прошла по коридору и посмотрела с балкона вниз. Чейн с Питерсом сидели у фонтана. Просто сидели и ждали чего-то. Я не могла спуститься по лестнице незамеченной и поэтому тоже ждала. И боялась все сильнее, уже готова была отказаться от свидания с тобой, но тут Питерс что-то сказал Чейну и начал подниматься. Чейн повернулся спиной, и я поспешила, пока Питерс не обратил на меня внимания, прошмыгнуть на четвертый этаж... Наверное, Чейн все-таки заметил меня, он что-то крикнул, но я быстренько взбежала на четвертый этаж и сразу по коридору к тебе. Чейн тоже поднялся, я видела, как он прошел к отцу. Я стучалась, но ты не отзывался. А потом тот вопль... Я не знала, что делать, вконец перепугалась и хотела спрятаться в коридоре, в темноте – и тут услышала твой голос.

– Ты не видела никого, кроме Питерса и Чейна?

– Нет, я же сказала.

– Угу. – Я с минуту подумал. – Возвращайся лучше к себе, пока не вышел еще кто-нибудь. Питерс и так уже достал нас своими вопросами.

– О!

– Именно. Уходи. – Я проводил Дженнифер через верхний этаж. Она свободно ориентировалась в темноте. На лестничной площадке третьего этажа мы расстались. – Зайду к тебе, как освобожусь.

– Хорошо, – пискнула она.

Да, девчушка перепугалась до смерти. Да и неудивительно, я сам струсил.

Чейн мертв. Моя опора, мой любимый подозреваемый. Мой почти пойманный убийца. Ушел в лучший мир. Выходит, я сел в лужу. Правда, можно допустить, что Чейн на кого-то напал и жертва, обороняясь, убила его.

Я поднялся на балкон, с которого он предположительно был сброшен. Морли с Питерсом замолчали и следили за мной.

– Он носил шерстяные брюки? – спросил я.

– Да.

На перилах остались обрывки шерсти, кусочки кожи, царапины. Видимо, Чейн цеплялся за них. Крошечные улики, но они не оставляли сомнений, что убийца столкнул его. Я представил, как Чейн стоял здесь и смотрел вниз, может, говорил с кем-то – и вдруг толчок. Скорей всего, недостаточно сильный. Вероятно, потом его толкнули еще раз.

Порой я чересчур чувствителен. Судьба безвременно погибших не дает мне покоя. Я воображаю, как все это происходило и что испытал человек, осознав неотвратимость гибели. Упасть и разбиться насмерть, по-моему, ужасный конец. Я сочувствовал Чейну больше, чем следователь обычно сочувствует жертве преступления.

Что чувствовал он в эти секунды падения? Страх, отчаяние, тщетную надежду – вдруг удастся ослабить удар, уцелеть?

Я содрогнулся. Чейн будет являться мне бессонными ночами. Я с трудом взял себя в руки и поплелся вниз. Все тело ныло, и настроение было прескверное.

– Ну-с, ваша версия, сержант.

Питерса неприятно поразил мой тон, но он сдержался.

– Мы караулили мертвеца. – У фонтана была разложена целая коллекция смертоносных орудий, я ее сперва не заметил. – Наше дежурство кончалось примерно через час. Потом черед Кида и Уэйна. Мне приспичило отлучиться. Выходить на улицу не хотелось, и я отправился к себе в комнату.

– Что-то долго вы мочились.

– Дело в том, что мне захотелось по-большому. Хочешь проверить? Оно еще теплое.

– Поверим ему на слово, Гаррет.

Морли не из тех дотошных сыщиков, что готовы в поисках улики обнюхать все грязные горшки. Откровенно говоря, это и не в моем вкусе тоже. Кроме того, я верил Питерсу. Реши он спихнуть кого-нибудь с балкона, он выбрал бы алиби поумней.

Похоже, подозреваемых нет.

Значит, надо начать все сначала и вновь подозревать всех, принимая во внимание даже маловероятные кандидатуры.

Питерс, кухарка, Уэйн. Кто? По непонятной причине я отдавал предпочтение Уэйну. Это сразу обеляло кухарку, хотя у нее-то алиби – комар носа не подточит. Но алиби еще не доказательство.

Доля в наследстве выросла теперь до шестисот тысяч, если стоимость поместья не падала быстрее, чем рассчитывал убийца.

– Полагаю, убийца знает о копиях завещания, – сказал я Питерсу.

– Следовательно, угроза жизни генерала возрастает.

– Почему?

– Убийца боится, что другие копии тоже будут уничтожены и усилия его пропадут зря. Возможно, он захочет убрать старика, пока тот не сжег последнюю копию. Надо бы точно выяснить, сколько их всего и где они сейчас.

Я похлопал по карману рубашки, убедился, что моя копия цела и невредима. Хотя никаких гарантий нет – я ведь тоже смертен, как Чейн, Хокес и Брэдон.

Я вспомнил Снэйка и подумал о его картинах. Надо принести их в дом.

Но на улице лил дождь, даже хуже – несколько раз сверкнула молния.

– Погодка как раз подходящая для этого места, – заметил я. – Не хватает только жутких завываний и резвых привидений.

– Зато есть кое-что получше, – фыркнул Питерс. – Резвый мертвячок. – Он ткнул пальцем в сторону черного хода.

Мертвец вернулся. Он опять напал с тыла. Молния осветила его, я пригляделся. Этот разложился сильнее других.

Питерс выбрал несколько предметов из кучи оружия у фонтана:

– Займемся им?

– Вот, Морли, каков мой старый сержант – смело смотрит в лицо опасности.

– Ага. – Морли тоже подошел к арсеналу. Некоторые вещи ему определенно приглянулись.

– Ладно, давай кончать, эти ребята чересчур навязчивы.

Я порылся в куче оружия. Все лучшее уже разобрали. Опоздавшие всегда вынуждены довольствоваться объедками. Придется мне умерить свой кровожадный пыл.

35

Морли привалился к ограде фонтана и ощупывал сломанные ребра. Питерс, схватившись за живот, корчился на полу в луже рвоты, собрав все свое мужество, чтобы сдержать стоны. Я отделался пустяками: ушиб голени, вывих ступни, чепуха, тем более на разных ногах. В следующий раз, черт с ним, пусть убивают, будет не так больно.

– Почему ты не сказал, что при жизни этот молодчик был боксером? – прохныкал Морли.

– Нечего на меня бочку катить! Почем я знаю, кто он такой?!

Повсюду были разбросаны куски трупов, некоторые еще шевелились.

– Теперь что?

– Что?..

– Два трупа сожжены.

– Насколько мне известно, один.

– Оба, – выговорил Питерс. Он стоял на коленях, костяшки сжатых в кулаки пальцев побелели. Он получил очень нехороший удар в пах. – Куски второго мертвяка покидали в горящую конюшню, когда поняли, что потушить ее не удастся.

Питерс выплевывал слова маленькими порциями, по два-три зараз, но эта реплика стоила ему нового приступа тошноты, но он уже изверг из себя все, и теперь позывы были сухими.

Я сочувствовал сержанту, но был слишком занят своими болячками, и поэтому участие мое было не таким уж горячим.

– Завершим хотя бы начатую работу.

Я поднялся: куски трупов, похоже, снова стягивались в одно место. Прихрамывая, я обошел поле боя и разбросал их подальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.